

A young man with dark hair, wearing a grey fedora and a blue jacket, is looking over his shoulder towards the camera. He is standing in front of a wooden fence. In the background, a white truck and some greenery are visible.

МЫ

1/2004

**ДИМА
БИЛАН
НОЧНОЙ
ХУЛИГАН**

Макколей
КАЛКИН

Мы

1/2004

Основан в 1990 году

**ЭЖЕМЕС-НЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ**

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ
Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, 105005
☎ Контактные телефоны
(095) 150-11-97, 733-32-48
E-mail: magazine_we@mtu-net.ru

Сдано в набор 15.12.2003 г.
Подписано в печать 05.01.2004 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 7950 экз. Заказ № 2801.

ГП Московская типография №
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.
E-mail: type@printshop13.ru
<http://www.printshop13.ru>
© «Мы», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Борис Романов.
Метель на вокзале. Стихи 5
Татьяна Бочарова.
Подруга. Повесть 9
Зарубежная новелла.
Ирвин Шоу. Питер Второй.
Перевод с английского 105

■ ПРОБА ПЕРА

Антон Ковальский.
Несвоевременность. Стихи 56
"Осколки и куски",
или Несколько слов о стихах
Антон Ковальского 58

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта.
Как перепрыгнуть через канаву.
Письма подростков читает
писатель Леонид Жуховицкий ... 60
Письма в «Мы» 2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Макколей Калкин –
юноша, который мечтает
стать мужчиной 68

■ НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Сергей Демкин.
Тайна морских глубин 80

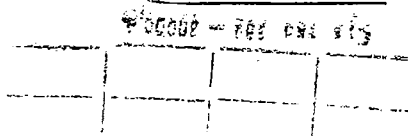
■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Сергей Чайкин.
Храни меня, мой талисман 113
Новости виртуального мира,
или Во что бы нам сыграть? ... 123
Ищу друга 129

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Дима Билан:
«Звезда» – это преходяще.
С молодым певцом беседует
журналист Ядвига Дмуховская . 152
Компакт-известия 145

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

ПИСЬМА В «МЫ»

ТОГДА Я ТИХО УМИРАЛА...

Мне хочется рассказать о своей любви. О любви, которая могла бы получиться самой дорогой для меня, но... но не получилась. И вот почему.

Мне шестнадцать лет, я учусь в обычной школе. Парень, в которого я влюбилась, учился вместе со мной, только классом старше. Наверное, у нас всё могло бы получиться, но дело в том, что он пьет. Пьет по-настоящему. И мне кажется, что я ему уже не нужна. А ведь раньше всё было не так.

Два года назад все наши друзья знали, что он в меня влюблен. Он звонил, когда мы встречались, смотрел на меня влюбленными глазами, приглашал на свое шестнадцатилетие. А я не отвечала, молчала, краснела, проходя мимо него. Я знала, что у него проблемы с отчимом, что он начал выпивать с тринадцати лет (сейчас ему восемнадцать). Мать к его пьянкам относится равнодушно – я сама свидетельница. Его друзья пьют вместе с ним. Да и какие они ему друзья, раз не хотят ему помочь в его беде...

Возможно, я тоже такая же, как они, – люблю его и

ничего не делаю, чтобы помочь. Когда он за мной ухаживал, а я старалась показать свое к нему равнодушие (ну и дура была!), он перестал смотреть на меня в школе. Но однажды подошел и прямо спросил: «Оля, а кто из парней тебе нужен?» Я ответила: «Лешка» (наш общий приятель). Тогда я по-детски думала, что буду крутить головы им обоим: одному – своим расположением к нему, другому – своим равнодушием... А наказала сама себя.

Прошло время. Он выдавал себя только влюбленными взглядами. Я даже удивлялась такой его верности мне – мы ведь не гуляли, не целовались, почти даже не разговаривали. Он окончил школу, поступил в институт, а я... Я возненавидела весь мир, хотя бы потому, что я не видела его каждый день. Мне никто был не нужен, даже родители (они знают о моей любви), ни друзья. Внимание мужчин и ребят на улице меня только раздражало. Я начала писать стихи, посвященные ему, рисовать его портреты и вешать в своей комнате. Плакала каждый день, молчала в школе, тихо умирала. Каждый день ходила к его дому, ждала, наде-

ясь встретить, звонила и молчала в трубку...

А через два года он пришел к Лешке (тому самому, у меня с ним, конечно, ничего, кроме дружбы, не было) и стал спрашивать, где я живу, как мне позвонить. Леша позвонил, спросил, можно ли дать мой адрес или телефон, а я, сама не знаю, почему, сказала «нет!». А потом одумалась, позвонила сама и назначила свидание. Но от радости, от счастья, от собственной смелости забыла договориться, где встретимся... Он, естественно, не пошел меня искать.

Моя влюбленность в него довела меня до того, что я пошла поговорить о нем с его бывшей классной руководительницей. И, конечно, выдала свое отношение к нему дрожью в голосе и трясущимися руками. Она мне сказала: «Забудь. Его уже не спасти. Он стал просто пьяницей». Дома у меня была истерика.

Через нескольких общих знакомых я сумела раздобыть его фотографию. Повесила в своей комнате. Наверное, осталось только молиться на него. Мои мама и папа уже просто не могут больше слышать о нем. Они категорически против того, чтобы у нас завязались хоть какие-то отношения. Но ведь отношений-то никаких нет и, скорее всего, не будет! Его бывшая одноклассница мне сказала: «Очень жалко парня, совсем спился. У него крупные неприятности». А еще я узнала,

что зимой его даже забирали в милицию, когда он прямо на улице начал принимать какие-то наркотики.

Сейчас над ним висит угроза отчисления из института. А надо мной – угроза прожить всю жизнь одной, так как мне за всю мою жизнь не понравился ни один парень, кроме него. Наверное, он – моя судьба. Я уже готова первая признаться ему в любви. Но вот позвонила, поздравила его с днем рождения, говорила всякую чушь. Спросила: «Как дела?». Он сухо ответил: «Нормально». А я: «Не ври, я же всё знаю». Он удивился: «Откуда? От кого? И зачем тебе всё это нужно?» Говорил сдержанно, даже зло.

Я знаю, что раздражительность – характерная черта алкоголиков. Знаю, что я всё равно буду любить его. Мне остается только плакать.

Оля
Без адреса

БУДУЩЕЕ НАДО РАССЧИТЫВАТЬ

Мне шестнадцать лет, я давно читаю «Мы», журнал, который очень нужен подрастающему поколению. Но когда я читаю письма, которые вы печатаете, приходит мысль: ну неужели всё так плохо? А мне кажется, что многие сами создают свои проблемы. Нужно стараться самому создавать ту жизнь, которой ты хочешь жить. Вот про меня многие говорят, что я живу легко. А я просто

думаю о том, как мне надо жить. У меня есть любящие и понимающие родители, хорошая подруга, приятели, энное число ухажеров. Но не это главное. Главное – что меня эти люди уважают и ценят. Я считаю, что в этом – моя заслуга. Я уважаю и ценю себя, люди это чувствуют и относятся ко мне соответственно.

Но это так, вступление. Теперь – о главном, о чем я хотела написать. Я, как и каждая молодая женщина, живу для того, чтобы создать семью, родить ребенка и вырастить из него достойного человека. Первый раз предложение руки и сердца я получила в четырнадцать лет (моя было шестнадцать). Он услышал отказ. А сейчас многие ребята заводят со мной речь о браке. Но я, наверное, никогда еще не любила парня так, чтобы пойти на интимную близость (о замужестве и говорить нечего).

Сейчас я встречаюсь с одним парнем. Он мне очень нравится, я, можно сказать, даже влюблена в него. И вот вчера он на полном серьезе делает мне предложение, говорит, что если я согласна выйти за него замуж, то он будет даже ждать два года, если надо. Он просил меня не торопиться с ответом, подумать.

Но о чем же мне думать, если я понимаю, что построить с ним счастливую семью – нереально? Через два года он закончил учебу и будет служить в армии, будет офи-

цером (он – курсант военного училища). Но что он сможет, даже через два года, дать нашему ребенку? Я думаю – только любовь и ласку, но больше, увы, ничего.

Наверное, многие, прочитав мое письмо, подумают, что я корыстна. Но это не так. Просто я реально смотрю на мир и думаю о завтрашнем дне. Себя я смогу обеспечить сама. Но мужчина, делая такой ответственный шаг в жизни, должен думать о том, сможет ли он содержать себя, жену (если она не будет работать) и ребенка, да так, чтобы они нормально жили, а не существовали, еле-еле сводя концы с концами. Поэтому я уверена, что ребята должны хорошо подумать, прежде чем делать девушке предложение, а девушки должны прежде всего задуматься о том, на что новая семья будет жить.

Если кому-то кажется, что я слишком много внимания уделяю деньгам (а так кажется многим среди моих знакомых), то я с таким мнением не согласна. Ведь семья на одной любви долго не протянет. Прежде всего нужны финансы. Так что, девчонки, не будьте глупыми и, выходя замуж, думайте не только о том, как вы любите своего парня, а трезво рассчитайте свое будущее. Тогда вы не создадите для себя огромных, иногда неразрешимых проблем.

Т.
Москва

Борис
РОМАНОВ

МЕТЕЛЬ НА ВОКЗАЛЕ

* * *
Чтоб мёртвой зимой зеленеть, трепетать,
цепляясь за малость,
знакомая ветка залезла в тетрадь,
да в ней и осталась.

Как будто она не желтеющий прах,
декабрь за бумагу
под веткой склонённой хвататься в сердцах
нудит бедолагу.

Как будто бы зная, что эти листки
представятся Богу,
и книжку прочтя от доски до доски,
Он всех нас простит понемногу.

* * *
На откосе в травах опалённых
надпись вдруг: «Счастливого пути!»
Пожелание для обречённых
проноситься мимо взаперти.

И мгновенно остаётся сзади
обещанье счастья. У леска.
Быстро промелькнувшая, к досаде,
из белёных камушков строка.

* * *
Как взглядом двигать облака,
я знал когда-то.
Бежал босой, душа – легка,
рубаха – мята.
Потом, наивен да и мал,

за огородом
в траве размётанной лежал,
под небосводом,
где воздвигались облака
и уплывали,
с душой, прозрачною пока,
в иные дали.

МЕТЕЛЬ НА ВОКЗАЛЕ

В пути, как в жизни скоротечной,
я то задумчив, то влюблен.
Перрон на станции конечной
метелью тонко замечен.
Я здесь очнулся и навеки
оставил спутников... Как знать,
с кем, растворясь в метельном млеке,
да и столкнемся ли опять?
Меня узнает мой попутчик,
но разойдемся мы молчком,
как бы с лазутчиком лазутчик,
не обменявшись и кивком.

Вокруг торгуют – сигареты,
горячие окорочка,
цветы, свечами обогреты
внутри прозрачного лотка.
Кавказцы, хваткие старухи,
ленивый милиционер...
И от февральской завирухи
вокзальный воздух бледно-сер.
Уносит всех, кто сердцу дорог,
летит сквозь сумерки метель.
Куда? Не за город, так в город,
но замечая путь и цель.

* * *

С. Матюшину

От передозировки умер сын.
Отцу хотелось рухнуть в ту же яму
могильную... Прости, не имут сраму,
сраженные тобою, герои.

От передозировки меркнет свет.
Метель слепит, замерзшая синица
стучит в окно, опять покойник снится,
он жив-здоров, – и верю я, и нет.

Синица постучалась не к добру.
И за ночь дверь сугробом придавило.
Весь дом скрипел, и страшно слышать было:
– От передозировки я умру...

ПРИТЧА

Где-то вычитал притчу о том,
что молитвою станут все звуки,
если лечь перед храмом крестом,
раскидав по обочинам руки.

И Господь тебя сразу узрит,
облака заспешат над тобою,
солнце выплывет и озарит
то, что мы называем судьбою.

* * *

Бежит от времени поэзия,
и рада б от него отстать,
но нет, не отстает от лезвия
ножа резная рукоять,
когда пластают нас события –
кривой удар или порез...

Ни часа без кровопролития
и катастрофы без.

Как отвернуться Музе хочется,
сбежать в калужские леса!
Но там,
в шуршащем одиночестве,
слышны все те же голоса.

* * *

Где флоксы в окна заглянули,
как в лупоглазые бинокли,
шмелей оранжевые пули
влетали в форточку и глохли.
А я, читавший на диване,
замечу: липы сквозь штакетник
сентябрь предвидели, заране
цвет ссыпав в кружевной передник.

Да, что ни дерево – астролог,
предскажет по расцветшим звездам,
что я тому, кто сердцу дорог,
и августу с июлем роздан,
что выпадающий из лета,
в голубизне осенней канет,
где нас вчерашняя газета
лишь скорбной датой не обманет.

* * *

Над августом еще темно-зелёным
огромная медовая луна.
Успенье послезавтра. Тишина.
Я оторвался взглядом воспаленным
от книги, засидевшись дотемна,
и восхитился звонким небосклоном
и живописью вечера. Она
была тем вдохновеньем воплощенным,
которому ответный нужен взгляд.
Но люди так влюблённо не глядят.
И некому увидеть все оттенки,
все переливы и полутона,
что блекли, отсветив попеременно,
неуследимее цветного сна.

* * *

Всю жизнь танцую я от печки,
топя её.
И дыма клубы и колечки
мое венчают житиё.

А что ещё, скажи на милость,
легко отходит к небесам? –
Что отгорело, отсветилось,
что не удерживаю сам.

Чем пламень чище – меньше дыма, –
подумал, угли вороша. –
А то, что греет нас незримо,
и есть, наверное, душа.

* * *

Всё потеряв, начнём сначала.
И пусть в сухих глазах темно, –
когда отчаянье кричало
в заиндевелое окно,
там, вся сочувствие, собака
виляла преданно хвостом...
Какого ждёшь ещё ты знака
в саду, заснеженно пустом?

Снег выпал в пятый раз и тает –
декабрь зимой не хочет быть,
земля, чернея, проступает,
капли тошно снег долбить.
И звоны, и блажные песни,
все ожидания – невпопад.
Но, влажно вздрогнув, не воскреснет
и не обманется наш сад.

ПОДРУГА

Повесть

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

1 До телефона шесть шагов. Шесть коротких, маленьких шажочков. Нет. Шесть огромных, непреодолимых шагов.

Мне нужно пройти эти шаги, добраться до аппарата, снять трубку, набрать знакомые цифры. Это трудно, почти невозможно сделать, но я должна.

Должна, потому что иначе Андрюша никогда не вернется ко мне, а без него жизнь не имеет смысла.

У меня просто нет иного выхода, как пройти эти проклятые шесть шагов. Голос осел, неизвестно, как я буду говорить. Неизвестно, как я скажу в трубку свои первые слова. Но зато я точно знаю, какими они, эти слова, будут.

Я медленно трогаюсь с места и шепчу почти про себя:

– Здравствуй, Даша.

Я повторяю эту короткую фразу на все лады, то тихо, то громче, то совсем беззвучно. И иду, иду...

Может быть, именно так чувствовал себя Иуда, когда мокрыми, холодными руками сжимал в кармане у себя злополучные тридцать серебряников? Кто знает, не хотелось ли ему избавиться от них, выкинуть вон, навсегда забыть о том, как заработал он эти деньги?

А, впрочем, я отвлекаюсь. Мне сейчас ни о чем нельзя думать, кроме шагов и телефона. Телефона и шагов. Каждого – длинной жизнью...

2 Кто придумал, что жизнь начинается с первого вздоха и первого младенческого крика? Ерунда. Жизнь начинается, когда тебе исполняется пятнадцать. Когда позади беззаботное, безоблачное детство, в котором ты безоговорочно веришь в сказки и победу добра над злом, в котором ты убежден, что некрасивых и несчастных людей не бывает, а каждый прекрасен по-своему, когда есть надежные защитники от всех бед и напастей – самые близкие и дорогие существа, родители.

И вдруг все это кончается – теплый, славный мир, где пахнет конфетами и молоком, где вечно гоняется нестрашный игрушечный волк за храбрым, неуловимым зайцем, где ты – центр вселенной, самый главный и самый любимый. И начинается жизнь: кругом все чужое, холодное, равнодушное, до ужаса пугающее, отталкивающее.

Ты смотришь в зеркало и четко видишь: ничего подобного, вовсе не каждый человек прекрасен, есть и полные уроды. Такие, например, как эта тощая, унылая девчонка, которая отражается сейчас в натертом до блеска зеркальном стекле. У нее пустые глаза, и две жиденькие косички за плечами, и нос картошкой, и слишком узкие губы.

Эта девчонка – я в пятнадцать лет. Только-только пролетели вступительные экзамены в педучилище, позади восьмилетка, впереди эта самая «взрослая жизнь», о которой твердит последнее время мама и которая, по моим подозрениям, не сулит мне ничего хорошего. На мне короткий вельветовый сарафанчик, сшитый маминой знакомой портнихой тетей Людой, на худых ногах босоножки-танкетки – последний писк тогдашней моды.

Я придирчиво разглядываю свое отражение, поворачиваюсь то одним боком, то другим, втягиваю живот, распрямляю плечи. Нет, все без толку – я себе резко не нравлюсь, так резко, что хочется плюнуть прямо в серебристую зеркальную гладь.

Плывать я не плюю, но от трюмо отхожу и иду глядеть в окно. Наша квартира на четвертом этаже, и мне хорошо виден двор, большой, просторный, с детской площадкой и множеством скамеек. По двору идет Светка Романова – голова высоко поднята, белые, прямые волосы окутывают плечи, фирменные джинсы в обlipку, привезенные ей отцом из Германии, ладно сидят на стройных бедрах. Красавица Светка, счастливица Светка. Господи, как я ей завидую! Почему, ну почему у меня нет таких густых пшеничных волос, таких огромных серых глаз, или, на худой конец, почему мои родители не ездят в загранкомандировки и не привозят мне оттуда чудесные фирменные шмотки, в которых любая уродина будет выглядеть хоть куда?

Я отхожу от окна. Завтра первое сентября. Нужно собрать учебники и тетрадки – в первый же день у нас по расписанию три пары.

Завтра я познакомлюсь со своей группой – кое-кого я помню еще со вступительных экзаменов, но подружиться толком ни с кем не успела. Мне трудно сойтись с людьми, у меня и в школе-то была лишь одна подруга, Зойка. Да и та за последний год отдалилась от меня на расстояние луны.

И все-таки человек надеется на лучшее. Я собираю сумку, ставлю ее на тумбочку в углу, сажусь в кресло и начинаю мечтать. Я мечтаю о том, что завтра, может быть, случится чудо, и я встречу прекрасного принца. Он будет как две капли воды похож на Кольку Токарева из параллельного класса и проводит меня до самого подъезда, а после предложит в выходные сходить в кино. Или, если уж судьбе так сложно послать мне принца, то пусть хотя бы я найду в училище подругу. Настоящую подругу, ту, которая бы понимала меня с полуслова, интересовалась моей жизнью, которой можно было бы доверить самое сокровенное, и просто поболтать вечером на скамейке.

3 Сначала было торжественное собрание. Нас, первокурсников, согнали в актовЫй зал, и директриса, полная, румяная женщина с крутыми химическими завитками на голове, поздравила нас с началом студенческой жизни. Она долго описывала все достоинства этой жизни, а также преимущества нашей будущей профессии перед всеми другими.

Слушать ее было невообразимо скучно. Среди собравшихся в зале, может быть, человек десять и горели желанием стать новыми Макаренками, но большинство, как и я, подали документы в педучилище по причине легких экзаменов и троечного аттестата.

Потом был импровизированный концерт. Кто-то читал стихи, длинные и проникновенные, девушка с толстой русской косой играла на баяне вальс Свиридова. Под конец на сцену вышел хор. Тошная, угловатая дирижерша замахала руками, хор затянул «Эх дороги», и мне стало еще тоскливей.

После концерта нашу группу отправили в аудиторию и наказали ждать классного руководителя. Мы покладисто расселись по столам.

Мы – это сплошные девчонки. Мальчиков было всего трое. Они сразу же кучно сбились у окна, видимо, ощущая некоторую неловкость от такого обилия противоположного пола. Однако через пять минут от их скованности не осталось и следа.

Те девчонки, которые были побойчее, быстренько окружили их, и от окна стали раздаваться взрывы смеха и веселый визг.

Остальные, не столь уверенные в себе, в том числе и я, оставались на своих местах.

Моей соседкой по столу оказалась рыжеватая, веснушчатая девчонка с большим лягушачьим ртом и маленькими живыми и темными глазками, окруженными длинными, но бесцветными ресницами. Она долго поглядывала то на меня, то на компанию у окошка, мялась, откашливалась, и, наконец, не дождавшись от меня никакой инициативы, решила завести разговор первая.

– Как тебе наши парни? – спросила она, доверительно придвигаясь ко мне вместе со стулом.

Я неопределенно пожала плечами.

– Двое – уроды, а третий – лапочка. – Рыженькая ткнула пальцем в стройного черноглазого брюнета, который к тому времени отошел от окна и уселся за стоящее в углу старенькое пианино.

Девчонки, охая и визжа, повскакали с мест и окружили его.

Пожалуй, он действительно выгодно выделялся из всей троицы – оставшиеся у окна в одиночестве розовый, как поросенок, добродушный толстяк и тощий, ушастый очкарик не могли составить ему серьезную конкуренцию.

– Его зовут Саша, – с восторгом прошептала мне в ухо соседка. – Мы с ним русский в одном потоке сдавали. Он джаз играет классно, сейчас услышишь!

Саша действительно нацелился пальцами в клавиатуру, поудобней устроился на стуле и взял несколько звучных аккордов.

И в это время дверь открылась. В класс просунулось веселое курносое девчоночье лицо. Мелькнули ослепительно черные волосы, ослепительно синие глаза.

– Это вы тут, что ли, первокурсники? – Голос у девчонки был такой же веселый, как ее вздернутый нос. И громкий – он перекрыл гул голосов и Сашины джазовые аккорды.

Саша остановился, недовольно глянул через пюпитр на дверь, и за ним так же осуждающе поглядели на громкую гостью девчонки: мол, чего приперлась? И без тебя тут нашего брата хватает! Да еще и с такими глазищами!

Но тут Саша, взглядевшись, просветлел лицом, улыбнулся приветливо и даже привстал из-за пианино.

– Что ли мы первокурсники, – произнес он, шутливо раскланиваясь. – А вы-то сами кто будете?

Девчонки захихикали, и рыжая моя соседка тоже.

А громкоголосая ничуть не смутилась, вошла в класс, прихлопнула за собой дверь и радостно объявила:

– А я – Даша Веселова.

Это надо было сказать так, как сказала она. Ну вот я бы так вошла и представилась: «Здрасьте, я – Аня Кислицина».

И... ничего бы не было. А она сказала – и почему-то все заулыбались, и с лиц девчонок исчезло завистливое выражение, и Саша вышел из-за своего фортепьяно. И даже веснушчатая девица рядом со мной приветливо хлопнула белесыми ресницами и прошептала:

– Ну и прикольщица!

И всем стало ясно – пришел лидер, тот, кому охотно и добровольно подчиняются, кого любят, кому желают подражать, вокруг кого легко объединиться...

Как ей шла ее фамилия! Сколько раз в жизни я потом встречала тупых, как пробка, Умновых, стервозных Добролюбовых, бессовестно лживых Правдиных. Но Даша свою фамилию оправдывала полностью.

Стоило ей только появиться в училище, все начинали улыбаться, все неуволимо стягивались к тому месту, где она находилась. Ее обаяние действовало одинаково и на мальчишек и на девчонок, и как-то легко, не прикладывая особых усилий, она везде становилась первой.

Сессию сдавала на одни пятерки, если проходил конкурс чтецов – неизменно занимала первое место, в училищном хоре тут же стала солисткой и запросто наяривала с Сашей в четыре руки его любимый джаз.

Помню так ярко, словно это было не двадцать лет назад, а вчера: за окнами ливень, у нас «окно», сидим, не знаем, чем заняться. Девочки кокетничают с Сашей, толстяк Петя и очкарик Гриша играют в шахматы на подоконнике, мы с рыжей Катей зеваем со скуки. И вдруг, точно вихрь, в дверь врывается Дашка – мокрая до нитки, и зонтик мокрый.

– Скорее, – кричит она с порога, – в «России» «Сталкера» показывают. Как раз до психологии успеем.

Группу точно ветром сдувает – мы все несемся на Пушкинскую площадь, стоим в очереди, берем билеты.

После сеанса идем толпой, шумно обсуждая только что увиденный фильм. На психологию мы давно опоздали, но никто не переживает.

– Тарковский – это почище всякой психологии, – задумчиво произносит Даша. Все согласны, все тоже думают, что «Сталкер» это класс, и наша лекторша Зинаида Михайловна нас поймет.

Вслед нам удивленно и добродушно посматривают прохожие.

...Я не могу с уверенностью сказать, что Даша была красавицей. Скорее нет, не была. Слишком круглое лицо, слишком курносый нос. Не так чтобы очень стройная или длинноногая – но, конечно, склонностью к полноте она не страдала.

Действительно потрясающими у нее были лишь глаза и волосы. И еще что-то внутри, какой-то вечный моторчик, заставляющий ее улыбаться, бегать бегом, а не ходить, и постоянно чего-то хотеть.

Такая была Даша Веселова в свои неполные шестнадцать лет любимица, лидер и староста нашей группы.

Однако существовала у нее и еще одна роль, о которой она и не догадывалась.

Она не ведала, что из многих пар глаз, преданно глядящих на нее, одна пара глядит втрое более преданно и восторженно, следя за каждым ее шагом, а обладатель этих глаз мечтает об одном – приблизиться к ней больше, неизмеримо больше, чем остальные.

Это были мои глаза. А сама Даша сразу стала для меня чем-то вроде талисмана. Или нет, скорее, проводника в мир счастливых, свободных и смелых – ибо с детства не было для меня ничего более сложного и мучительного, чем общение с людьми.

4 В школе, как я уже упоминала, у меня была единственная подруга, Зойка Симакова, – толстая, некрасивая девочка, больше всего на свете любившая поесть. Как и почему мы сошлись, я не припомню: то ли вместе сидели за партой в первом классе, то ли рядом стояли на линейке. Зойка мне не нравилась, но больше со мной никто не дружил. И не мудрено – как можно общаться с человеком, который с трудом выдавливает из себя от силы десять слов, да и то при этом краснеет, бледнеет и кашляет.

С Зойкой на этот счет было спокойно: она болтала без умолку, поглощая то банан, то шоколадку, то яблоко, сама же смеялась и то и дело поправляя свои длинные, жидкие косы, что меня почему-то особенно раздражало.

Каково же было мое изумление, когда вдруг в сентябре я пришла в свой восьмой «А» и увидела Зойку, вернувшуюся из лагеря. Ее было не узнать. За лето она сбросила килограммов во-

семь, загорела, вытянулась. Жидкие косички трансформировались в распущенные русые волосы, откуда-то оказалось, что у Зойки удлиненные карие глаза, пухлые капризные губки, и точно по волшебству дурнушка Зойка превратилась в первую классную красавицу.

За ней тут же стали ухлестывать все наши классные донжуаны, и за первую же неделю нового учебного года Зойка позабыла, как меня зовут.

Так я осталась совсем одна. Все это привело к тому, что вместо десяти слов теперь я с трудом произносила пять. Тогда же на меня обрушилась еще одна беда.

Беду звали Коля Токарев, он учился в параллельном восьмом «Б». Коля занимался в волейбольной секции и, как все говорили, подавал надежды. Им гордилась вся школа и в особенности его класс.

И вот однажды осенним вечером еду я в троллейбусе, возвращаюсь домой от репетитора по русскому языку. Вдруг за одну остановку до моей входит в троллейбус этот самый Коля, ростом метр восемьдесят, в черных джинсах и черной же курточке с сумкой «Адидас» через плечо.

Две совсем уже взрослые девушки, сидевшие передо мной, сразу же приосанились, оборвали на полуслове разговор и во все глаза уставились на него.

И тут случается чудо. Коля беглым взглядом окидывает салон и глаза его останавливаются аккуратно на мне. Я сразу чувствую, что немею, язык мой прирастает к небу, глаза выпучиваются, как у рака.

А Коля спокойненько подходит ко мне – представьте, ко мне! А ведь он даже имени моего не знает, да и вообще – кто я для него такая? Никто, невидимка.

Между тем он подходит и говорит, мило так улыбаясь:

– Привет. Откуда так поздно путь держишь?

А я молчу. Ничего ответить не могу. И мысль одна в голове – может, он обознался? Спутал меня с кем-то? Не может же он меня помнить по школе, это просто невероятно!

Коля моим молчанием ничуть не смутился и садится рядом. И тут, как на грех, моя остановка. Я хочу встать – ноги не слушаются, хочу сказать что-нибудь – изо рта вырывается невразумительное мычание.

– Тебе выходить? – приходит Коля мне на помощь.

Я обрадовано киваю, словно и вправду немая. Девуцы впереди оборачиваются на нас и начинают оживленно шушукаться.

Коля снова встает, пропускает меня вперед, и мы выходим.

– Ну, ты где живешь? – спрашивает он. Я киваю на свой дом в десяти метрах от остановки.

– Давай провожу. – Он берет меня под руку, ведет до самого подъезда. Открывает дверь и улыбается. – А ты, я вижу, не из разговорчивых. Ну бывай, пока.

...Зашла я в подъезд, не помню, как поднялась по лестнице, как в квартире очутилась.

С того вечера все в моей жизни перевернулось. Что уж с этим Колей тогда приключилось, не знаю, только назавтра в школе он меня даже не узнал. Напрасно я все перемены у дверей его класса проторчала.

Пошутил, наверное, с кем не бывает. Он-то пошутил, а я влипла всерьез. Втрескалась по уши. Всё казалось мне, сейчас подойдет он и скажет:

– Помнишь, как мы с тобой в троллейбусе ехали? Правда, клево?

Но Коля не подходил.

Сдуру я рассказала обо всем Зойке, та все еще со мной за партой сидела. Она рассмеялась мне в лицо:

– Станет, – говорит, – он на тебя смотреть! У него в спортшколе гимнастка-разрядница, ноги от шеи, без пяти минут чемпионка Москвы среди юниоров. Он сам Олежке рассказывал.

Олежка – это один из наших классных специалистов по амурным делам и Зойкин теперешний кавалер.

Больше я никому ничего не говорила, весь год страдала молча. Узнала его адрес и гуляла неподалеку, за деревьями.

...Когда я увидела Дашку, то сразу поняла, почувствовала: она не такая, как Зойка, смеяться над чужой бедой не будет. Но не это было главным. Постепенно мне захотелось смотреть на мир ее глазами, без опасения, без тайной зависти, с доверием и надеждой. Я мечтала сблизиться с ней, но не решалась. Так и проходила весь первый курс, приветливо здороваясь с Дашей и так же приветливо прощаясь.

А на втором курсе у нас появился новый факультативный предмет – вокал. Его вела маленькая седая старушка, Изабелла Львовна, в прошлом известная певица.

Мама всю жизнь внушала мне, что у меня отличный слух и неплохой голос. Поэтому, когда она узнала об Изабелле Львовне, то пришла в восторг и настоятельно потребовала, чтобы я немедленно записалась на занятия.

Мне вокал был до лампочки, но я узнала, что на факультатив собирается ходить Даша. Это решило исход дела.

Назавтра я стояла в тесном классе возле фортепьяно, и Изабелла Львовна заставляла меня петь одну и ту же мелодию в разных регистрах. Наконец, она удовлетворенно покачала головой и объявила, что у меня вполне приличное сопрано.

У Даши тоже было сопрано, и, кажется, слабее, чем мое. Во всяком случае, сидя в классе и ожидая своей очереди заниматься, она слушала, как я вывожу певческие рулады с нескрываемым восхищением.

Однажды Изабелла Львовна не пришла на уроки. Мы с Дашей ждали ее два часа, потом позвонили ей домой и узнали, что старушка заболела.

– Надо ее навестить, – тут же решила Дашка, – Давай съездим. У меня сладко замерло сердце. Это было то, о чем я мечтала целый год. Мы купили целый пакет фруктов, узнали в учебной части Изабеллин адрес и рванули на противоположный конец Москвы.

Всю дорогу Дашка болтала без умолку, а я молча кивала на каждое ее слово.

У Изабеллы Львовны оказалась гипертония, врачи уложили ее в постель на две недели.

Это были чудесные недели: каждую среду и пятницу мы с Дашей ездили после занятий в Кунцево провести нашу старушку. Поездки нас сблизили чрезвычайно. Я уже не так дичилась и могла принимать участие в двухстороннем разговоре. Мы рассказали друг другу о себе, о своем доме, семье.

Оказалось, Дашкины родители развелись давным-давно, когда ей было всего пять лет, а потом ее мама снова вышла замуж, и теперь у Дашки есть отчим и братишка-второклассник.

Мне показалось, что живется ей не так уж безоблачно: где-то на дне ее распахнутых глаз притаилась грустинка, незаметная на первый взгляд. Я спросила:

– Тебе не обидно, что у брата есть и мама, и папа, а у тебя только мама? Ты не сердись на нее за то, что она любит теперь не одну тебя?

Даша рассмеялась и покачала головой:

– Нет, сейчас не сержусь. Сейчас я Вовку очень люблю, и отчима тоже. А раньше... – Она задумчиво покрутила прядь блестящих смолых волос. – Раньше я действительно обижалась. И даже как-то собралась из дому сбежать. Представляешь? – Она сделала страшные глаза. – В восемь лет засушила сухарей, засунула их в ранец и уехала на вокзал.

– И села в поезд? – поразились я.

– Нет, конечно, – расхохоталась Даша. – Никуда я не села. Через пять минут блужданий по перрону ко мне подошел милиционер и спросил, где мои родители. Я ему стала врать, что сирота, добираюсь к бабушке и т. д. А он мне и говорит: «Нет, милая, сироты так не выглядят. У тебя точно есть родители, и они уже наверняка с ума сходят от страха, что ты пропала».

Тут я не выдержала – и реветь. Он привел меня к себе в кабинет, посадил на стол – здоровый такой стол был, с оргстеклом на столешнице, я до сих пор помню – и приказал: «Выкладывай, за что на мамку рассердилась?»

И я ему рассказала про все: как дядя Петя пришел к нам жить, как Вовка родился. Что он все время кричит, и мама ко мне на ночь подойти не успевает. И знаешь, что он мне сказал? «Слушай, – говорит, – девочка, можно, конечно, обижаться на маму, что она теперь, кроме тебя, заботится еще о маленьком братишке. Но можно сделать иначе – полюбить этого крикуна самой. Ведь он беспомощный, маленький, жалкий, и орет потому, что сказать не

может, чего ему хочется и что у него болит. Но когда ты вырастешь и он вырастет, у тебя будет не только мамина любовь, но и его любовь. А это в два раза больше. Значит, ты будешь в два раза счастливее, чем если бы была одна».

В общем, убедил он меня тогда. А сейчас я точно знаю, что он правду сказал: с Вовкой здорово, он смешной такой, даже не представляю себе, что мама могла его не родить, – вот скука была бы.

...Я подумала, что в полной мере испытала на себе эту скуку. У родителей я была единственным ребенком, никогда с ними не расставалась и даже в садик не ходила.

Дашкин рассказ вызвал во мне легкую зависть, я представила себе, как здорово было бы иметь младшую сестренку или братишку, заботиться о них, вместе играть. Но тут же испугалась, что у меня не хватит ни сил, ни терпения на такие подвиги, а главное стало очень обидно поделить родительскую любовь с кем бы то ни было.

Тогда-то в первый раз я очень ясно поняла, что никогда не стану такой, как Даша, никогда не переступлю в себе некий барьер, отгораживающий меня от людей...

С этого разговора отношения наши стали совсем близкими. Мы начали бывать друг у друга дома и даже частенько оставались ночевать в гостях, особенно при подготовке к экзаменам.

В группе все привыкли, что мы – подруги, хотя относились к нам по-разному: Дашку обожали, меня – как мне казалось – не замечали. Вернее, замечали, но как приложение к ней – в ее присутствии или когда ей надо было что-то передать.

Летом мы вместе поехали работать в пионерлагерь вожатыми. Надо ли говорить, как пионеры Дашкиного отряда ходили за ней толпой, глядя на свою вожатую влюбленными глазами.

Меня же всю смену преследовали неудачи – то укусил какой-то инфекционный комар и место укуса раздулось до умопомрачительных размеров, то я сверзилась со ступенек и разбила вдре�г коленки, то на глазу выскочил ячмень.

К концу смены я дала себе твердый зарок никогда больше в лагерь не ездить и отдыхать спокойно на родительской даче.

Что я и сделала, пригласив с собой на пару недель Дашку в качестве гостыи.

В один из чудесных, хоть и душных, августовских вечеров мы с ней напились чаю из самовара, залезли на мансарду нашего бревенчатого домика, и в это время за окнами сверкнула молния, грянул гром.

Мы сидели на стареньком, пропахшем пылью диванчике, из которого местами торчали проржавевшие пружины, и смотрели, как стекло покрывают сплошные водяные потоки. В крошечной комнатке было тихо и сумрачно – мы не стали зажигать свет.

Я вдруг почувствовала, что меня распирает изнутри желание поделиться с Дашкой самым сокровенным, самым наболевшим,

рассказать ей о том, о чем я молчала вот уже два года. О Коле Токареве.

Дашкины глаза в темноте поблескивали таинственно и всепоглощающе, и я спросила:

– Даш, ты когда-нибудь была влюблена?

Она помолчала, словно раздумывая или прикидывая – тянет ли то, что было в ее жизненном опыте, на любовь, и отрицательно помотала головой.

– Никогда? – удивилась я.

– Нет, – уже увереннее ответила Даша.

– Ну кто-нибудь же тебе нравился? – не сдавалась я.

Она засмеялась.

– Нравился, конечно. Например, в школе один мальчишка, давно, еще в седьмом классе.

Я насторожилась. Это уже было приближением к заветной теме.

– А ты?

– Что я?

– Ты ему тоже нравилась?

– Нет, что ты! Он еще ничего в этом не смыслил, только норовил меня хлопнуть учебником по спине. А один раз лягушку мне в портфель подложил. – Даша рассмеялась еще веселей, но, поглядев на мою физиономию, вдруг умолкла.

– Да нет, – сказала она немного погодя, – это вовсе не любовь, а так... А по-настоящему я еще... мне... никто... – Она как бы не хотела всеу произносить такие важные слова и не договорила.

Мы еще помолчали, и, наконец, Даша сказала то, о чем я втайне мечтала. Она заглянула мне в глаза и мягко спросила:

– А ты?

– Да. Я – да! – прошептала я, хотя мне хотелось крикнуть эту фразу громко-громко.

– Расскажешь?

Я кивнула. В тот вечер я рассказала ей все. И про Колю, и про свою жизнь до него, и про предательство Зойки, и про одиночество.

Дашка внимательно, не перебивая, слушала, лишь иногда вставляя реплики типа – а он? а ты? а она?..

Выговорившись, я почувствовала ни с чем не сравнимое облегчение, покой, который не испытывала давным-давно. И тут же испугалась – в темноте мне показалось, что Дашка смеется.

Но она не смеялась. Она смотрела на меня пристально и немного изумленно. Смотрела молча несколько минут. Потом сказала шепотом:

– Какая ты, Анька, счастливая! Такие чувства, переживания!

– Счастливая? – ахнула я. – Да что ты! Я так страдаю, так несчастна. Если бы ты только знала... – Тут из глаза у меня брызнули слезы. Я плакала при Даше впервые, да и вообще я никогда ни при ком не давала воли слезам.

Она обняла меня, зашептала что-то нежное и успокоительное, и от этого я заревела навзрыд, опустив голову ей на плечо, не таясь, сладко всхлипывая и с изумлением слушая, как прерывается ее шепот. Прерывается собственными слезами.

Были ли это слезы сострадания ее доброй души, открытой ко всем страждущим, или прорвалось наружу долго сдерживаемое напряжение ее непростой жизни? А может, просто в тот момент ею овладели тоска и беспокойство, так свойственные юности, от которых даже Дашка с ее оптимистическим нравом не была застрахована?

5...Да, да, я нужна была Даше не меньше, чем она мне! Теперь я знала это наверняка. Чем дальше, тем больше мы становились, что называется, не разлей вода, всюду появлялись вместе, и не было у нас друг от друга ни единого секрета.

Я по-прежнему восхищалась Дашкой, ее волей, жизнелюбием и открытостью. Но и она видела во мне какие-то хорошие черты, которые самой мне были неведомы и не заметны. И я становилась увереннее в себе, сильнее, добрее, глядя на себя ее глазами.

...Так и натикало нам по восемнадцати. Это было событием, тем более родились мы одного и того же числа, только с разницей в месяц.

Впервые в связи с нашим совершеннолетием нас отпустили отдыхать одних. Отец достал на работе три путевки на теплоход, плывущий до Астрахани и обратно. Третьей с нами собралась ехать веснушчатая Катя – та самая дотошная моя соседка по столу в первый наш учебный день. И я и Дашка были с ней в приятельских отношениях.

Теплоход очаровал нас с первого взгляда – огромный, сверкающий чистотой. Уютные каюты, кафе, танцзал, словом, все, что надо человеку в восемнадцать лет, впервые поехавшему во взрослое самостоятельное путешествие.

Первые два дня мы усиленно загорали на верхней палубе, благо погода стояла чудесная. Дашка сразу покрылась ровным, медовым загаром, делающим ее и без того синие глаза ну прямо васильковыми. У рыжей Кати прибавилось с десятка веснушек, а ко мне загар не приставал. Днем моя кожа краснела, а к вечеру становилась такой же белой, как прежде.

На третий день мы с Катей потеряли к солнечным ваннам всякий интерес и стали уговаривать Дашу пойти на экскурсию по теплоходу.

...Первой их увидела я. Почему-то вдруг сильно забилося сердце, пересохло во рту.

Их было двое – и один из них вылитый портрет Коли Токарева. Нет, не портрет, а гораздо, гораздо лучше. Та же стройная, подтянутая фигура, те же русые волосы, похожая стрижка. Но гораздо мягче взгляд серо-голубых глаз, и улыбка другая – не снисходительно-усталая, как у Коли, а теплая, добрая, будто бы даже смущенная.

Что? – Дашка удивленно обернулась на меня, застрывшую на лестнице с верхней палубы, перехватила мой взгляд и задумчиво покачала головой.

Интересно, они на танцы ходят? – поинтересовалась Катя.

Ходят, – безнадежно сказала я.

Дашка промолчала.

Вечер был предreshен без обсуждений. Едва мы зашли в танцевальный зал и остановились у ближней стенки, дверь распахнулась, впуская наших заочных знакомых.

Заиграла музыка, и тотчас нашу Катю пригласил какой-то выскочивший, усатый парень в сиреновой рубашке. Катя закатила мушкетерски глаза, пожала плечами и, с трудом дотянувшись руками до плеч парня, исчезла среди танцующей толпы.

Мы с Дашей остались подпирать стенку вдвоем.

«Ну подойди же ко мне, пожалуйста! – мысленно посылала я сигналы улучшенному двойнику Коли. – Давай же, давай, смотри, мидос!».

В глубине души я чувствовала безнадежность своих мечтаний. И вдруг – он услышал! Отделился от своего друга, внимательно поглядел через весь зал и... направился к нам!

У меня потемнело в глазах. «Вот сейчас, – думала я, – сейчас он пригласит кого-нибудь и до нас не дойдет».

Но он дошел. Как во сне я видела его, остановившегося прямо перед нами. Голубые, такие голубые глаза, ласковая, теплая улыбка. Золотистые волосы, которые так хочется потрогать...

...Конечно. Я всегда это знала. С первой секунды знала, что будет все именно так. Дура! Как я могла подумать...

Он улыбнулся – не мне, а чуть в сторону.

Здравствуйте. Вас как зовут?

Даша.

А меня – Паша. Можно вас пригласить?

Она виновато улыбнулась мне – мол, прости, я не хотела.

И я осталась одна. В ушах что-то оглушительно тикало. Затем мелькнуло чье-то лицо. Губы на лице шевелились, но я не слышала, не понимала ни слова. На лице отразилось удивление, губы зашевелились с новой силой. Тут наконец я поняла, что ладонями обхватила голову, закрыв уши. Медленно опустила руки, и тут же услышала оглушительную музыку и голос:

– Девушка! Де-ву-шка! Вы танцуете?

В отчаянии я замотала головой с такой силой, что мой кавалер сорока с лишним тут же исчез, понимающе кивнув.

Пришла Катя, с трудом отвязавшись от своего усатого партнера. Мы еще постояли у стенки, потом сходили в бар, выпили лимонаду, съели по порции мороженого, снова зашли в зал.

Даша все не возвращалась. Через десятки спин, рук и ног мы видели ее в самом центре танцплощадки. Кончался один танец, начинался другой – Даша и голубоглазый не отходили друг от друга. Они о чем-то разговаривали, оживленно жестикулируя.

Несколько раз я видела, как она растерянно оглядывается по сторонам, щурится, пытаюсь разглядеть нас, и плотнее вжималась в стенку.

Наконец Катька, которой надоело прятаться от усатого, поставила вопрос ребром:

– Или мы уходим, – сказала она твердо, – или я иду танцевать на все оставшееся время.

Мы ушли в каюту, разделись, легли. Еще какое-то время Катя рассказывала мне об усатом поклоннике – его звали Сережей, он был студентом МАИ, уже успевшим жениться, обзавестись ребенком и развестись.

Я слушала Катину повествование в пол-уха. Дашки все не было.

Она появилась около трех ночи. Катя давно спала. Тихо-тихо открыв дверь, Дашка на цыпочках прошла к своей койке, откинула покрывало, расстегнула пуговицу на блузке. Постояла в задумчивости. Потом подошла ко мне.

Я плотно зажмурилась.

– Ань! – нерешительно позвала Дашка. – Ты спишь, Ань?

Я молчала. Мне хотелось оглохнуть и ослепнуть, ибо я отчетливо понимала – я потеряла Дашу. Навсегда. И потеряла себя. Ту себя, которая была Дашкиной лучшей подругой, ту, сильную, умную, благородную.

– Спишь, – разочарованно прошептала Даша и побрела от меня к постели.

– С тобой уснешь, пожалуй! – Я вскочила и села на кровати.

– Ой, – обрадовалась она, – ты прости, ради Бога! Я искала вас, искала. Не нашла и решила, что вы ушли спать.

– Мы и ушли, – буркнула я, – стоит из-за всяких идиоток волноваться, которые с первым встречным...

– Анечка, он не первый встречный. – Дашка кинулась обратно, присела у меня в ногах. – Он художник. И живет в Москве неподалеку от нас. Он здесь с другом, а его друг женат. Только жена не смогла поехать – у нее зуб разболелся, и пришлось остаться, чтоб его вырвать. И этот друг, представляешь, – Володя его зовут, – так переживает, что не хочет никуда ходить – ни на танцы, ни загорать, и Пашку не пускает! Два дня в каюте просидели, а сегодня утром телеграмма пришла, что Марина – это Володина жена – зуб себе вырвала, чувствует себя хорошо и завтра нас догонит на поезде...

...Я не узнавала Дашу. Она, не останавливаясь, плела какую-то чушь про Володю, Марину, больной зуб, а глаза ее сияли, сияли.

И мне все стало ясно.

Наконец она опомнилась.

– О, Господи, уже без двадцати четыре. Я тебе спать не дала! Прости, пожалуйста.

Она разделась, легла, долго ворочалась. Я не спала и слышала, что она тоже не может заснуть. В каюте уже стало совсем светло.

Извиняно Дашка приподнялась на локте и снова позвала шепотом:

Аня!

Что?

Помнишь, про что мы у тебя на даче говорили? Ты меня спрашивала тогда? Помнишь?

Да.

Кажется, теперь у меня то же самое.

Все время, пока мы плыли до Астрахани и обратно, Даша боиانه не разлучалась со своим Пашей. Наши разношерстные компании слились, и получилось весьма странное общество: Пашин приятель Володя, тоже художник, мрачноватый, высокий брюнет с близко и глубоко посаженными глазами, его приехавшая на теплоход после удаления зуба жена Марина – полный англод супруг, кругленькая, светленькая, сдобненькая и смешливая; Паша и Даша, ослепленные свалившимся на них чувством, пребывающие будто во сне, одинаково счастливо-синеглазые; рыжая Катя и ее горе-поклонник, разведенный студент Сережа, оказавшийся чрезвычайно настырным.

И я – улыбающаяся резиновой улыбкой, внешне милая и притворливая, внутри раздираемая отчаяньем, жгучей ревностью и завистью. Правда, нельзя было сказать, что на меня совсем уж никто не обращал внимания – тот дядечка, что пригласил меня танцевать в первый вечер, периодически делал новые попытки. Так что и последние четыре дня я вовсе перестала ходить на танцы, избавив себя хоть от одного, как мне казалось, унижения.

6 На берег я сошла конченным человеком. Все два с половиной года моей дружбы с Дашей пошли насмарку – я больше не смотрела на себя ее глазами и в одночасье стала такой, какой была до знакомства с ней: завистливой, пугливой и страшно одинокой.

При этом я отлично осознавала: Дашка ни в чем не виновата. Да, она счастлива, но при этом не менее внимательна ко мне, чем всегда, да, она любит Пашу, но и меня она любит по-прежнему.

Но мне-то надо было, чтобы она любила только меня! Проникаясь к себе все большим презрением, я втайне лелеяла бессовестную надежду на то, что, может быть, ничего у них с Пашей не получится, и тогда Дашка станет такой же несчастной, как я, – нелюбимой, брошенной и от этого особенно близкой.

Однако у них все было хорошо. Дашка звонила каждый день и приглашала куда-нибудь пойти втроем – каникулы еще продолжались, и от обилия свободного времени мне было еще тошней. Я шла, хотя, конечно, нужно было отказаться. Я упорно следовала за ними, куда бы они ни направлялись. Если гуляли допоздна, то сначала Даша и Паша провожали меня до дому, а потом уже он ехал провожать Дашку.

Все время, что мы проводили вместе, я молчала. Дашка болтала за нас обеих, бросала на меня виноватые взгляды, я видела,

как она мучается, как мучается добрый, мягкий Паша, – и не могла заставить себя вступить в разговор. Больше всего в эти мгновения мне хотелось исчезнуть, раствориться в воздухе, только бы не ощущать своих каменных рук, ног и нераскрывающегося, словно слипшегося, рта.

Пролетело лето, начался наш последний учебный год, и в один далеко не прекрасный для меня день Дашка сказала:

– Ань, знаешь, я выхожу замуж, – и улыбнулась своей неподражаемой улыбкой.

Нужно было что-то сказать ей, броситься на шею, поцеловать, как это принято между подругами. Но у меня застряли в горле все нужные слова. А она смотрела на меня – доверчиво, радостно, ожидающе. И в ее распахнутых глазах я увидела едва заметную тень непонимания, недоумения.

Что-то будто дернуло меня, и, взяв себя в руки, я пробормотала: – Поздравляю, – и чмокнула ее в щеку.

В тот день я долго перебирала в уме всевозможные способы ухода из жизни – Дашкины доверчивые глаза жгли мне душу. Если бы она могла знать, какая гадость лежит на дне этой души, наверное, она бы содрогнулась. Но она не знала и даже не предполагала ничего подобного, потому что сама была чиста, как может быть чист человек лишь в юности.

При мысли о душе мне вспомнился один случай, произошедший давно, еще на первом курсе. Одна из девочек принесла в группу тест – мы в ту пору очень увлекались этими делами.

Всех вопросов я не помню, но один был таков: описать озеро, каким вы себе его представляете.

Тут у всех заработала фантазия: кто представлял себе заброшенный пруд, кто чуть ли не море, кто болото. Я обрисовала глубокую, темную заводь, поросшую у берегов тиной, с неведомым, таинственным дном. А Дашка сказала:

– Озеро круглое, как блюдце, вода в нем чистая, чистая, прозрачная. И видно все дно, до самого камушка.

Оказалось, что по тесту озеро – это наша душа. Тогда мы смеялись, а теперь я понимала, что в тесте было разумное зерно. Такая и была в те годы Дашкина душа – кристально прозрачная, без единой задней мысли.

...Под новый год Даша и Паша сыграли свадьбу. Я не стала на ней свидетельницей, хоть Дашка и уговаривала меня. Просто испугалась, что не совладаю с собой и что-нибудь выкину – теперь я часто не могла сдержать слез и ревела при Дашке, не стесняясь, объясняя свое тоскливое состояние несчастной любовью к Коле.

Отчасти это было правдой, но лишь отчасти. Однако Дашка верила мне, утешала, как могла.

Потом были выпускные экзамены. После них мы подали документы в институт – я на дневной, а Дашка – на заочный факультет. Она уже была беременна сроком три месяца. Я понимала, что видеться мы теперь будем реже.

Кажется, она тоже понимала это. Как-то, когда я была у них в гости – а жили они у Паши, в его однокомнатной квартире, достались ему от бабушки, – она обняла меня и во взгляде ее я прочитала грусть и тревогу.

Намеднь будешь приходить ко мне, когда родится маленький?

Дашка поглядела на меня с надеждой.

И кинула. Я знала, что сидеть с ее ребенком будет некому: ее мать работала, дома оставался совсем еще маленький брат. У Паши родители по полгода в командировках.

Ребенок родился недоношенным, восьмимесячным, очень слабым. Сама Дашка тоже чуть не сыграла в ящик при родах – неожиданно стало плохо с сердцем. Я бы с ума сошла от всего этого, но не Даша! Она спала по четыре часа, полоскала огромные пеленки с пеленками, выгуливала с коляской необходимые младенцу часы и, что особенно невероятно, ухитрялась при этом на отлично сдавать сессии.

И, конечно, приезжала помогать ей, но не так часто, как могла бы. И училась в институте, но учеба мне не нравилась. Не нравились и новые подруги, с которыми я не могла найти общий язык. По сравнению с Дашей они казались более взрослыми, искушенными, циничными, тем более, почти у каждой была своя личная жизнь.

А я все по-прежнему коротала свои дни в одиночестве.

И однажды мама, которой надоело ежедневно видеть мою зарешеченную, кислую физиономию, позвонила двоюродному моему брату Вадиму. Вадик пару лет назад окончил геологоразведочный институт, успел побывать на Камчатке и недавно вернулся в Москву.

И подслушивала их разговор, стоя под дверью кухни. Мама просила Вадика познакомить меня с кем-нибудь из его друзей-геологов, благо их у брата было немало. Мне было омерзительно стыдно, но я не вошла в кухню и не остановила ее.

Через пару дней Вадим позвонил сам и позвал к телефону меня.

Анька, – проговорил он деловито и сурово. – Слушай сюда. Есть один парень, только-только приехал с Сахалина, из экспедиции. Не Ромео, но для ухажера сгодится. Намерения у него самые серьезные, так что быстро все взвесь и отвечай – знакомить тебя с ним или нет?

В этот момент я подумала, что больше ждать журавля в небе у меня просто нету сил. Никогда не улыбнется мне голубоглазый, русоволосый принц с теплохода... Так стоит ли понапрасну топить в слезах молодую жизнь? Как писал Пушкин – «Привычка свыше нам дана, замена счастию она». А еще в народе говорят – стерпится-слюбится.

– Знакомь, – решительно сказал я.

7 Сахалинца звали Женя. Он оказался довольно высоким, худощавым парнем, уже заметно начинающим лысеть. У него были приятные черты лица, только какие-то мелкие, маловыразитель-

ные. Мы втроем с Вадиком пошли в ресторан, и Женя с размахом заказал ужин. Я ела икру, пила шампанское и видела, как почти-тельно смотрит на Женю официант, подающий нам блюда.

Словоохотливостью мой новый знакомый не отличался, в основном молчал и курил сигарету за сигаретой. Молчала и я, поэтому Вадиму пришлось стараться за всех. Он острил, рассказывал анекдоты и смешные случаи из экспедиций.

Заиграла негромкая музыка. Женя бросил недокуренную сигарету в пепельницу, встал во весь свой внушительный рост и предложил мне:

– Потанцуем?

Я кивнула. Танцевал он хорошо, тонко чувствовал ритм, двигался легко и даже грациозно. Мы остались у эстрады еще на один танец, потом еще. А потом зазвучала популярная в те годы песня «Снег кружится».

Женя прижал меня к себе тесней, наклонился к самому моему лицу и произнес негромко, но внятно:

– Выйдешь за меня замуж?

От неожиданности я поперхнулась. Так быстро? Ведь он знает меня несколько часов и вовсе не выглядит влюбленным. Лицо его по-прежнему оставалось мрачноватым и непроницаемым, лишь на лбу мелкими капельками бисерно поблескивал пот.

Он не торопил меня, плавно кружил в танце и ничего больше не говорил. Ждал.

*Снег кружится, летает, летает,
И поземкою клубя,
Заметает зима, заметает
Все, что было до тебя*

– ласково пел со сцены худенький, длинноволосый юноша с гитарой.

Мне вдруг показалось, что все это происходит не взаправду, а лишь во сне, слегка закружилась голова, ноги стали ватными. И прежде, чем я успела о чем-то подумать, губы мои сами произнесли:

– Да. Согласна.

Женя кивнул и, нагнувшись еще ниже, поцеловал меня в губы аккуратным, умелым поцелуем.

...Дальнейшие события развивались стремительно. Мы пошли в салон и купили мне свадебное платье и туфли, а Жене заказали костюм в ателье. Родители забронировали ресторан, накупили пригласительных открыток. Вадик бегал договариваться насчет ансамбля и машин.

А я... я не чувствовала ничего, кроме оупения. В тот самый первый день нашего с Женей знакомства, совсем поздно ночью Вадик, приехавший проводить меня и оставшийся у нас дома, рассказал мне, что его приятель бежал с Сахалина от несчастной

любви. Приехал в Москву и дал зарок, что женится в ближайшие несколько недель.

Все это брат поведал мне под строжайшим секретом, считая, что не имеет права умолчать о том, что сподвигло Женю на столь скоропалительное решение о свадьбе.

Женька – парень мировой, – изрек Вадик в завершении разговора. – Все у вас будет о'кей, как говорится, стерпится, слюбится.

Маме я ничего не сказала про Женину несчастливую сахалинскую любовь, и через два месяца зарегистрировала свой брак в Прибоедовском загсе.

Свидетельницей у меня была Катя, сама вот-вот собирающаяся замуж за своего усатого Сережу, от которого ей так и не удалось отвязаться. Даша на момент нашего бракосочетания подхватила лютый грипп и лежала дома с температурой сорок.

Вскоре после свадьбы я поняла, что жду ребенка. Женя был счастлив, кормил меня фруктами, водил гулять и обещал стать образцово-показательным отцом. Отношения у нас с ним были ровные и дружеские, правда, не слишком теплые, и никогда ни он, ни я не заикнулись о прежних наших увлечениях.

Родился Андрюша, маленький, розовый комочек, жалобно пищущий, трогательно шевелящий крохотными ручками и ножками.

Я смотрела на него, голенького, лежащего на столе и пронзительно орущего, и мои глаза застилали слезы. Это было счастье, первое настоящее, солнечное счастье в моей печальной и тусклой жизни.

Через неделю после нашей выписки из роддома примчалась Даша, притащила целый пакет с почти новыми распашонками и ползунками, две авоськи зеленых яблок, ворох бутылочек, сосок.

Ее Валерка уже делал первые шаги по квартире, она захватила с собой карточки – на них толстый малыш с яркими синими, как у Дашки, глазами, деловито ел кашу, размазывая ее по щекам.

Какое-то время мы пробовали встречаться, вместе гулять, но это было нелегко – Дашка теперь жила в другом районе и ей с малышом приходилось добираться до нас на двух автобусах с пересадками.

Так что постепенно наше общение стало лишь телефонным.

Андрюша рос, я училась, Женя работал в НИИ. Так незаметно пролетело три года.

8 А затем пришли новые времена. Времена приватизации, рыночных отношений, активного создания коммерческих структур.

Женя как-то быстро, сразу сориентировался в происходящем, и вскоре после августовских событий девяносто первого года, когда наступила полная свобода предпринимательства, они с друзьями открыли фирму по продаже стройматериалов.

Поначалу я не понимала смысла их деятельности: всё во мне противилось торгашеству, я жалела, что Женя бросил свой институт, не закончил диссертацию, занимается черт знает чем, круглые сутки отсутствует дома, и снова завидовала Дашке, у которой Паша продолжал писать картины и работу свою менять ни на что не собирався.

Однако вскоре все резко изменилось. Прошло чуть меньше года, и Женя стал возвращаться раньше. На столе у нас появились дорогие и редкие продукты из центральных магазинов.

Летом мы с Андреейкой поехали к маме на дачу, а в нашей квартире начался грандиозный ремонт. Он шел все лето и часть осени. Когда, наконец, мы вернулись в Москву, я не узнала свое жилище.

Все было переделано, коридор расширился, туалет и ванная слились в один большой не то бассейн, не то банный зал, потолок сверкали зеркальными плитками, паркет был залит ослепительно блестящим лаком. Обои напоминали дворцовые гобелены, а между прихожей и кухней красовалась полукруглая арка.

Я долго не могла поверить, что здесь нам предстоит жить.

А дальше мы поехали по магазинам выбирать все новое – от мебели до носовых платков. Двери шикарных салонов открывались перед нами, навстречу с услужливой улыбкой выходили продавцы.

Это было так непривычно, так ново. Обычно я заходила в магазины с трудом и мучительно стеснялась попросить продавцов показать мне товар. Но тут я перестала трусить и спокойно, не торопясь, перебирала целый ворох вещей, пока не находила самое что ни на есть лучшее.

Женя эту мою разборчивость очень приветствовал.

– Не спеши, – назидательно говорил он, – Пусть попотеют, им за это хорошо плачено, у нас есть право выбирать.

Мы обставили квартиру, и она стала выглядеть как картинка в импортном журнале по домоводству.

Теперь и поход за продуктами превратился для меня в дело весьма приятное: я стала посещать недавно открывшийся рядом супермаркет. Там было все, что только можно пожелать, и всегда отсутствовали очереди. Кассиры и продавцы скоро запомнили меня и любезно улыбались, встречая у входа, советуя, что взять посвежей и повкусней. Они вели себя так по отношению к каждому постоянному клиенту, но мне все равно ужасно нравилось их внимание и почтение. Постепенно я научилась беседовать с ними о погоде, политике и прочих мелочах, тогда как раньше сказать слово незнакомому человеку для меня было пыткой.

Но самым главным событием, полностью окончательно изменившим мое сознание, стало посещение салона красоты – одного из центральных, дорогих и престижных.

Первый раз меня привел туда Женя. Я отчаянно стеснялась и артачилась. От нескольких визитов в парикмахерскую у меня на

нюю жизнь остались неприятные воспоминания: презрительные, как мне казалось, взгляды мастериц, жуткое впечатление от своего отражения в зеркале после стрижки и насмешливое: «Что же вы хотите, девушка, с вашими волосами...»

Но в этот раз все было иначе. Навстречу нам с Женей вышла молодая, симпатичная женщина, приветливо улыбнулась, глянула выжидающе.

– Света, это моя жена, – сказал ей Женя. – Вы обслуживали Риту, супругу Максима, моего друга. Она осталась очень довольна.

Света снова мило улыбнулась.

– Я поручаю вам мою Анечку, – с этими словами Женя легонько подтолкнул меня вперед, – и полностью рассчитываю на ваш вкус. А то моя половинка очень застенчива.

К моему удивлению, Света больше ни о чем не спросила, мягко взяла меня под руку и провела в зал.

Через час я испытала, пожалуй, самое прекрасное после рождения ребенка чувство. Как уж Светлане удалось из моих редких и абсолютно прямых волос соорудить такое чудо, не знаю, но я совершенно преобразилась. И это был не конец.

Прямо из парикмахерского зала Светлана отвела меня к косметологу, оттуда к визажисту и маникюрщице.

Когда, выходя из салона, я заикнулась об оплате, Светлана успокоила меня:

– Ваш супруг за все уже рассчитался. За весь комплекс услуг. Всего вам доброго, приходите через неделю.

Так я стала посещать этот салон регулярно, раз в семь дней. И скоро у меня появились новые знакомые – такие же, как я, жены состоятельных мужей. Мы дружески болтали, сидя с маской на лице, вместе ходили на массаж, в бассейн. Некоторых из них я пригласила в гости, и они стали своими в доме.

Женя, который много времени проводил в фирме, нисколько не препятствовал мне в этой дружбе, напротив, был ей рад.

9 Так потекла моя новая, веселая и радостная жизнь, о которой я и мечтать не смела ранее. Мама ушла на пенсию и сидела с Андрюшей, а меня, до сей поры так и не успевшую поработать по специальности, Женя устроил в фирму на должность вице-президента. Не скажу, чтобы моя работа была хлопотной и слишком ответственной. Я, скорее всего, играла роль картинки, заставки, но играла с охотой и увлечением. Сотрудники фирмы меня уважали и – я отчетливо это ощущала – слегка побаивались. Никто не спорил со мной, все улыбались так же мило и любезно, как продавцы в магазине, как Светлана, как педагоги музыки и английского, которых мы наняли к Андрейке.

Мы с моими новыми подругами ходили на все модные спектакли и выставки, иногда в клубы. Летом и зимой, в Рождество, Женька возил меня на курорты, в тридцати километрах от Москвы у нас строился двухэтажный коттеджик.

Теперь, когда мы изредка собирались нашей училищной группой, я ловила на себе уважительные и даже восторженные взгляды девчонок. Конечно, я изменилась и внешне, и внутренне: исчезли скованность, застенчивость, появились уверенность в себе и блеск в глазах.

Увлеченная собой, я не очень-то задумывалась о том, как живут мои старые подруги. Однако все же я стала замечать, что за два последних года Даша изменилась. Погрустнели глаза, реже появлялась на лице ослепительная улыбка. К тому же вдруг я увидела, что на последней встрече и на дне рождения нашей рыжей Кати она была все в одном и том же черном трикотажном платице, что и полгода назад, когда я праздновала свой день рождения. В нем же она ездила с нами в Третьяковку.

Катя по секрету рассказала мне, что у Дашки большие материальные проблемы. Паша никак не может устроиться на оплачиваемую работу, приносит домой копейки, начал попивать.

Я была в шоке. Мне стало невероятно стыдно, что столько времени я ничего не знала о Дашкином бедственном положении, а самая близкая моя подруга не решилась мне пожаловаться. Теперь мне отчетливо вспоминалось, как замолкала Даша, когда в компании начинали обсуждать покупку новых вещей, проскальзывающие в разговорах ее реплики типа: мы это не можем, нам это не по карману.

Почему-то я не воспринимала все это всерьез. Да и вообще саму Дашу я теперь тоже воспринимала не так, как в юности. Общаться с ней мне было гораздо менее интересно, чем с моими новыми приятельницами и даже Катей – та жила вполне обеспеченно со своим экс-студентом, а ныне модным тренером по теннису.

И все же я твердо решила встретиться с Дашей, поговорить с ней по душам и вызваться помочь.

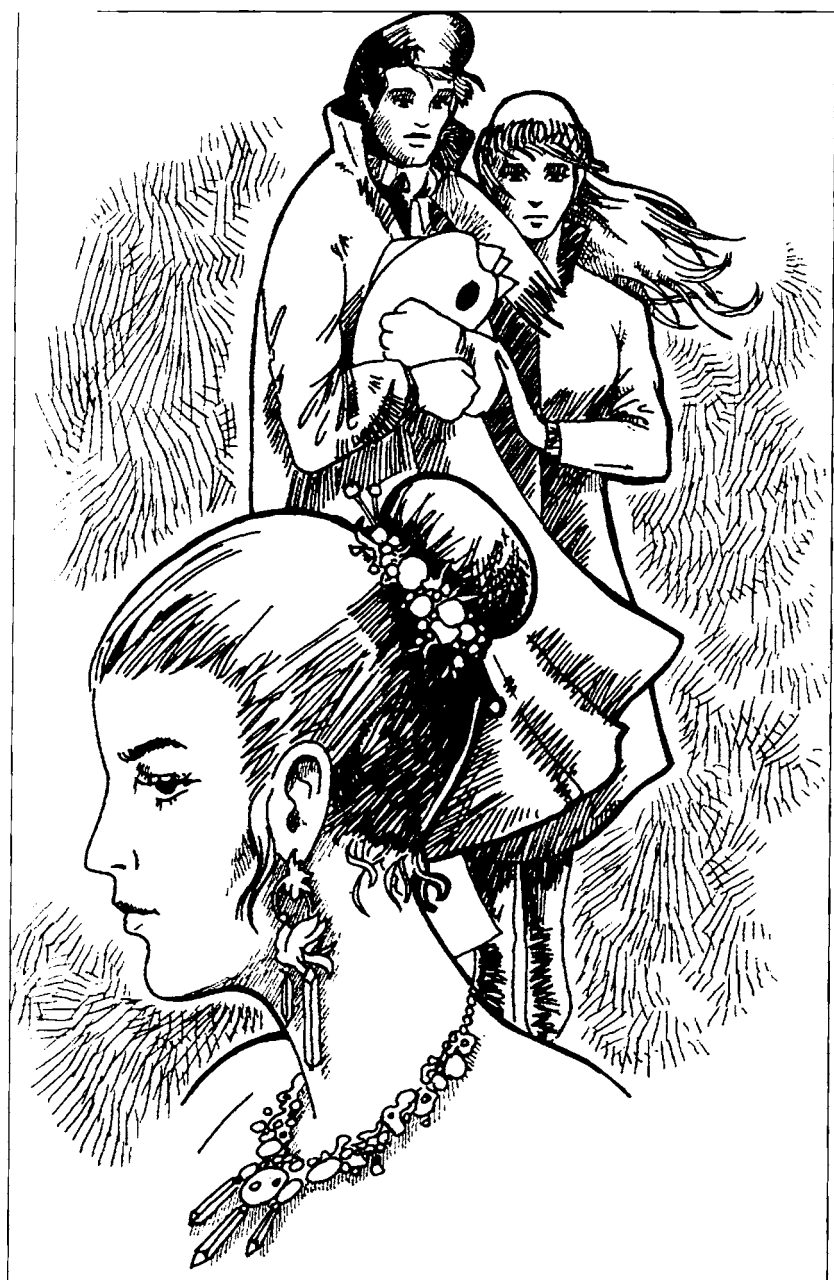
Была осень. Мы гуляли по парку, долго бродили по аллеям, усыпанным опавшими листьями, потом уселись на скамейку – нашу с юности любимую скамейку под большим столетним дубом.

Нет, позвонила не я, она. Она теперь вообще звонила мне чаще, чем я ей, но не назойливо, а вежливо, выдерживая паузы недели в две.

А я забыла за эти недели данное себе обещание. На эту среду, бывшую совершенно свободной, я планировала поездку по магазинам. Однако Даша попросила встретиться, погулять с ней, и я, скрепя сердце, поездку отложила.

Прогулка вышла тоскливая – Даша все время молчала, о чем бы я ни завела разговор, он не поддерживался ею и быстро угасал. Выглядела она утомленной: синяки под глазами, волосы причесаны как-то небрежно, у губ залегли две горькие морщинки.

У меня вдруг сжалось сердце, я словно очнулась: это же моя Дашка, веселая, самоотверженная Дашка, любимая подружка с юности! Что же с ней происходит?

– Что с тобой происходит? – спросила я ее напрямик.

Она вздохнула, сглотнула комок, помолчала. Потом тихо произнесла:

– Не знаю. Как-то тяжело все.

– Что тяжело? – не поняла я.

– Да все, Ань. Денег все время не хватает. Даже на еду. На работе устаю. На другой – тоже.

– Ты разве на двух работах? – изумилась я.

– Давно. Уже второй год.

– А что же твой Паша? – гневно начала я. – Почему он не может обеспечить вас? Почему допускает, что ты так вкалываешь, а сам...

– Не надо так, Ань, – мягко, но настойчиво попросила Даша. – Он работает, все это время работает, но... – Она растерянно и грустно улыбнулась. – Никому сейчас то, чем он занимается, не нужно.

– Значит, пусть займется тем, что нужно, – резко проговорила я.

– Он не может.

– Не может? – возмутилась я. – Да что ты говоришь? Он же мужчина. Пусть приспособится, найдет себя в этой жизни.

– В том и дело, Анечка, что он не умеет приспособиться. А я не могу его заставить – он же не нарочно, пойми. Он очень страдает, старается изо всех сил, берется за любую халтуру, а его обманывают – или вовсе не платят, или дают копейки. Ну не убить же мне его, – попыталась она сострить.

Выглядело это как-то жалко и натянуто.

– Уйди от него, – посоветовала я.

– Нет, что ты! Об этом и речи быть не может. – Дашка округлила на меня свои синие глаза. – Я же люблю его!

Я безнадежно вздохнула, пожав плечами. В этот момент я подумала, что, может быть, Даша вовсе не умница, которой ее всегда все считали. Может быть, она и просто дура, если готова пахать на двух работах, отказывать себе и ребенку в самом необходимом и стареть, неудержимо стареть, пока все остальные наслаждаются жизнью? Настоящей, взрослой жизнью!

Без особой веры в успех я все-таки предложила:

– Знаешь, у тебя, что называется, глаз замылился. Ты не в состоянии трезво оценить ситуацию, поддерживаешь Пашино неверие в себя своим ненужным усердием. Давай я с ним поговорю.

Я была уверена, что она скажет: нет. Но она неожиданно обрадовалась.

– Конечно. Если тебе не трудно, поговори.

Видно было, что предложение мое ей понравилось: в глазах появилась надежда, бледные щеки окрасились слабым румянцем.

Мы договорились, что завтра они с Валеркой в шесть уйдут из дому, будто бы к врачу. И в это время нагряну я. Пашка сочтет, что мы договорились о встрече, но Дашка позабыла об этом в суете,

и предложит дожидаться ее, благо детская поликлиника совсем рядом.

Назавтра без пяти шесть я встретила Дашу с сыном возле остановки. Они отправлялись к ее маме.

Даша глянула на меня с благодарностью и доверием.

Все будет хорошо, – пообещала я ей и направилась к подъезду.

На самом деле я не была уверена, что все будет так уж хорошо. Дашу последние годы я почти не видела, в гости к нам Дашка приходила всегда одна или с Валеркой. Я же и вовсе не была у них целую вечность. И теперь мне вспоминались времена, предшествующие новой моей жизни: мое косноязычие в Пашкином присутствии, его вежливый, но равнодушный взгляд, которым он удостаивал меня в те редкие минуты, когда не пожирал глазами Дашу.

Конечно, теперь все изменилось. Я знаю, что отлично выгляжу, что нравлюсь многим мужчинам – например, коммерческий директор Женькиной фирмы и его ближайший друг неоднократно делали попытку понять, что рад был бы завести со мной роман.

А Дашка – конечно, она хороша, но уж больно утомленной выглядит, какой-то потускневшей, что ли.

...Дверь долго не открывали. Настолько долго, что я даже подумала, не ушел ли Паша куда-нибудь сразу вслед за Дашей, да так, что мы его и не заметили.

Но тут, наконец, в замке завозились, и Паша предстал на пороге. Он поглядел на меня с удивлением и растерянностью:

Аня? Вот не ожидал, что заглянешь. А Дашка-то...ушла. Забыла, что ли, про тебя? – Он выглядел смущенным, сделал приглашающий жест рукой, пропустил меня в прихожую. – Ты заходи, она быстренько вернется. В поликлинику побежала с малым, тут подкашело.

Я кивнула, изображая недоумение, в соответствии с разработанным планом – мол, мы же договорились. Я была рядом по работе и обещала зайти.

Пошли-ка, я пока что угощу тебя кофе. – Паша повел меня по уютному коридорчику.

Я уже отвыкла от таких квартир. Нет, все здесь было чисто и аккуратно, но мебель, обои и вообще обстановка показались мне удручающе убогими. Я подумала, что ни за что бы не смогла жить так теперь, когда вот уже несколько лет меня окружают красивые, добротные и дорогие вещи, когда уют и комфорт в доме продуман до мелочей и отнюдь не дешевых мелочей.

Мы зашли на светлую, крошечную кухнюшку, стены которой сплошь были увешаны картинами. Одна из них, висевшая прямо напротив окна, на мгновение лишила меня дара речи: на бледно-сиреновом фоне то ли виднеющихся вдаль цветов, то ли просто клубящегося тумана была изображена Даша – и как изображена!

Мне стало сразу ясно – все мои мысли о том, что Паша не очень хороший художник, раз не умеет зарабатывать деньги, полная чепуха.

Хороший он художник. Не просто хороший, а прекрасный. Может быть, даже гениальный. Напиши он лишь один этот портрет, все равно имел бы право считаться настоящим, большим мастером.

Дашка на картине...как бы это передать... словно бы летела. Все в ней светилось: лицо, глаза. На черных, растрепанных волосах – веночек из ромашек, и в руках ромашки, много, много, целая охапка. Длинная юбка развевается по ветру.

Столько счастья в этой картине было, столько восторга, молодости, силы, что я никак не могла оторвать от ее глаз.

– Нравится? – Паша поставил на стол чашку с кофе и вазочку с печеньем, сел на старенький, обитый дерматином табурет.

– Очень, – искренне ответила я, – Давно написал?

– Давно, – вздохнул Паша.

Я села напротив, окинула его осторожным и внимательным взглядом. Вроде не так он и изменился – разве что тени залегли под глазами и похудел. Раньше был стройный, мускулистый, а теперь стал суховатый. Но следов явного пьянства я не обнаружила. По-прежнему голубые глаза смотрели на меня чуть исподлобья, с какой-то новой, незнакомой настороженностью.

– Ну, а как сейчас дела? – как можно деликатней спросила я, стараясь направить разговор в нужное русло.

Паша грустно усмехнулся.

– Паршиво, если честно. Неужели Дашка не рассказывала? Впрочем, она гордая, могла и промолчать. – Он кивнул на висевшие по стенам картины. – Никто не хочет это покупать, Ань. И в комнатах картин полно – их тоже никто не желает.

– Но почему? – поразилась я. – Ведь они же замечательные.

– Правда? – Паша посмотрел на меня с благодарностью. Глаза его зажглись, стали теплыми, как летнее небо.

В этот момент я поняла, почему Дашка не хочет с ним расставаться, несмотря на нужду и все прочие тяготы жизни. Ах, если бы Жене, идеально выдержанному, прекрасно зарабатывающему, почти не пьющему Жене хоть капельку того света, что был сейчас в Пашином взгляде. Но увы!

– Тематика у меня не та. – Он безнадежно махнул рукой. – Сейчас модно стилизации делать или лубок. А я этим не занимаюсь.

– А если попробовать выставить в салон?

– Пробовал. Они такие цены назначают – закачаешься.

Он встал из-за стола и стоял передо мной, слегка поникший, несчастный и все равно бесконечно обаятельный и желанный.

Внезапно я почувствовала зависть к Дашке, глупую, острую зависть. Мне захотелось срочно очутиться на ее месте, стать хозяйкой этой бедной квартирки и возлюбленной голубоглазого, пьющего и неудачливого художника.

«Но это же бред, – сказала я сама себе, – ты же видишь, что Дашка несчастна. Чему можно завидовать?»

Меж тем Пашка смотрел на меня с ожиданием – видно было, что мои слова явились для него бальзамом, что он жаждал хоть какой-то похвалы. Никогда раньше в его взгляде, устремленном в мою сторону, я не читала такого искреннего интереса, такой теплоты.

Кровь вдруг прилила мне к лицу, и я ощутила приятную слабость, разливающуюся по всему телу. Ни о чем уже не думая, а только не отрываясь глазами от Пашкиных ослепительно-голубых глаз, я проговорила:

– Ты гениальный художник, Паша. Все гении при жизни не были востребованы.

Он рассмеялся.

– Скажешь тоже!

Но я видела, что ему приятно.

И меня понесло, закрутило.

– Зря ты мне не веришь. Я-то вижу со стороны, мне не нужно от тебя денег на еду, шмотки и прочую дребедень, как Дашке. По моему, ты имеешь право на временные неудачи, ведь так было со всеми, кто хоть чего-то стоил.

«Что я говорю?» – промелькнуло у меня в голове. Я осторожно поглядела на Пашу. Тот внимательно слушал и молчал. Ободренная его вниманием, я продолжала:

– Я знаю, что ты мне сейчас скажешь: что истерзался совестью, что не можешь помочь семье, доставляешь страдание близким. Что Даша не одобряет твое якобы бездействие. Так?

– Ну, в общем... да, – кивнул он, и добавил не очень уверенно: – Но Дашка-то как раз ничего такого не говорит. Мне самому стыдно до чертиков – я уже готов хоть ночным сторожем пойти, только чтобы эта жизнь прекратилась. Но... – Он болезненно поморщился. – Не могу я не писать, понимаешь? Умру.

Он произнес это так просто и безнадежно, так горестно, что я легко ему поверила – умрет. Не писать картины Пашка не сможет, это для него главное в жизни, это – сама его жизнь.

– Ты прости, – сказала я, – но хочешь правду?

Он удивленно уставился на меня.

– Дашка не совсем тебя понимает. Мы с ней разговаривали несколько раз, и мне кажется... ну, в общем, если бы она по-настоящему верила в твое призвание, то смогла избавить тебя от угрызений совести. Поверь, женщина может ненавязчиво, незаметно устроить так, что мужчина рядом с ней будет чувствовать себя счастливым и уверенным, независимо от всего.

«А ведь это подлость», – произнес внутри меня какой-то посторонний, холодный и спокойный голос, но я мысленно зажала уши и торопливо закончила:

– А Дашка всегда была чудесной, доброй, веселой, но чуточку толстокожей, слишком радостной, чтобы понять такие тонкости.

Паша как-то странно улыбнулся. Мне показалось, ему понравились мои слова. Я молила Бога, чтобы он сказал: «Да, да, так

оно и есть. Просто я никому, никому не мог об этом сказать. И только ты поняла меня».

Что за этим последовало бы, я не представляла, но все во мне напряглось и замерло в ожидание этих восхитительных слов.

Но он спросил, глядя куда-то в сторону, нарочито равнодушно:

– Значит, это Дашка во всем виновата?

– Нет, я так не говорила, – испугалась я, – я только хотела убедить тебя...

– А мне кажется, ты именно это и сказала. – Голос его оставался таким же ровным, тихим, бесцветным, и почему-то это вселило в меня страх, как если бы Пашка внезапно заорал и застучал кулаками по столу.

– Ты не понял. – Я постаралась придать голосу максимальную убедительность, какую только могла. – Я имела в виду, что...

– Обидеть художника может каждый, – вдруг резко рассмеялся Паша.

– Да, да! – Я с готовностью засмеялась ему в ответ, радуясь, что он шутит.

– А понять, значит, его можешь только ты.

Паша окинул меня преувеличенно внимательным взглядом с головы до ног, отчего мне тут же захотелось провалиться под пол пятиметровой кухни.

– Я тебе, знаешь, что скажу, – задумчиво проговорил он и подошел ко мне вплотную. – Я Дашкиного мизинца не стою. Она для меня – все. Не знаю, что она говорила тебе, но меня за три последних года ни в чем не упрекнула. И правильно я себя чувствую последней скотиной – я ради нее ничем не пожертвовал, а она для меня поступилась всем – здоровьем, молодостью, карьерой. Всем!

Я молчала. Во мне все омертвело, и после недавней теплоты и расслабленности все тело сковал како-то могильный холод. Будто я вернулась в свое шестнадцатилетие и сидела за партой в классе училища.

Паша заметил мое состояние, слегка смягчился, сел обратно за стол, помолчал. Потом грустно и с укором произнес:

– А ведь ты Дашку не любишь. Эх... А она-то считает тебя самой-пересамой лучшей подружкой, за тебя хоть в огонь...

Этого я вынести уже не могла. Вскочила, опрометью добежала до прихожей и выскочила за дверь.

Как же я ненавидела в эти минуты и Дашу, и Пашу, их неведомую друг другу круговую поруку, счастливую неудачливость, стены их хрущобы-трущобы, оклеенные дешевыми обоями и увешанные гениальными картинами!

Я пробежала почти целый квартал, всхлипывая и бормоча про себя бессвязные ругательства и жалобы, пока не заметила, что на меня оборачиваются прохожие. Тогда я остановила машину.

Водитель оказался симпатичным молодым парнем. Он всю дорогу пытался завязать разговор, но я молчала, как рыба. Парень осознал безнадежность своих стараний, врубил на полную гром-

гость, магнитола, и весь остаток пути мы проехали под развеселое Радио-Ксюша-Ксюша, юбочка из плюша...».

Я вышла из машины с твердой уверенностью, что никогда больше не увижу Дашу. Не нужна мне эта детская дружба, не нужны тягостные, унижительные воспоминания.

В тот день я долго не могла заснуть, ворочалась с боку на бок, выла валокордин, и Женин мирный храп вдруг показался мне совершенно отвратительным.

Назавтра позвонила Даша. Голос ее был взволнованным.

Ну как? – спросила она. – Вы поговорили? Пашка такой сердитый вчера был, я подумала, может, это хорошо? Ты в нем волю прощупала, а то он в такой апатии пребывает все последнее время.

Знаешь, Даш, – сказала я ей очень вежливо, – прости. Я не могу сейчас с тобой говорить. Андрюшка капризничает. Созвонимся потом, ладно?

Хорошо, – сразу согласилась она, хотя в тоне ее чувствовалось разочарование. – Ты мне перезвонишь, когда освободишься?

Или ты мне... попозже. – Я повесила трубку, собрала абсолютно спокойного и послушного Андрейку и отправилась в гости к приятельнице по бассейну Нине.

Даша позвонила через день. К телефону подошла мама, приехавшая понаучить Андрея.

Скажи, что меня нет дома, – попросила я ее.

Мама удивилась, но просьбу мою выполнила. Еще через несколько дней Даша предприняла последнюю попытку, но к этому времени я купила аппарат с определителем номера и трубку не взяла.

Больше она не позвонила, и я почувствовала невероятное облегчение. Мне стало ясно, что гордая Дашка поняла, что разговаривать с ней я не хочу, и не будет унижаться до расспросов и объяснений.

Женя как-то сказал:

– Позвонила бы ты своей Дарье. А то она ведь что-то от тебя хотела.

Я ответила сухо и коротко:

– Не хочу.

– Вообще больше не позвонишь? – Женя удивленно поднял брови.

– Вообще.

– Поссорились?

– Нет. Просто не хочу.

– А... – понимающе протянул Женя и пожал плечами. – Ну как знаешь.

10...Так зажила я без Дашки, бывшей своей спасительницы, а ныне единственной свидетельницы унижительных и тягостных лет юности.

Женин бизнес процветал. Мы жили, ни в чем не нуждаясь и ни в чем себе не отказывая. Муж никогда не повышал голос на нас

с сыном, не скупился на дорогие подарки ко всем праздникам, но все чаще свободное время мы проводили порознь: Женя в делах на фирме, оставаясь работать сверхурочно, а мы с Андрюшей в гостях или на прогулке.

Андрей подрос и пошел в школу. Незаметно пролетели младшие и средние классы, сын стал взрослым, говорил баском, над верхней губой у него появился легкий светлый пушок.

Однако к радости от того, что мой мальчик вырос, все чаще примешивалось беспокойство.

Чем старше он становился, чем явственней замечала я в нем черты собственного характера, того, что был у меня в юности. Андрей с детства отличался нелюдимостью, замкнутостью. В садик он не ходил, поскольку в этом не было нужды, в школу пошел с неохотой и слезами. Долго дичился учительницы и одноклассников, боялся поднимать руку, отвечать у доски. И это все несмотря на то, что школа была старая, заслуженная, можно даже сказать, элитная. Чтобы устроить туда Андрюшку, мы заплатили немалый взнос, конечно, в условной форме – купили в класс компьютер и ковер.

За все годы учебы сын не приобрел ни одного настоящего друга, никогда, придя домой, не рассказывал о том, что творится в классе, запирался у себя в комнате и сидел весь вечер перед телевизором или за компьютером.

Когда он был помладше, я не придавала всему этому большого значения. Но прошли годы, Андрюша ходил в девятый класс – и иногда меня угнетало, что никто никогда не позвонит ему, не придет к нам в гости.

У моей приятельницы Нины дома телефон не умолкал: дочь Светка непрерывно болтала с друзьями и подружками. Когда бы я ни пришла к ним, в квартире всегда было полно молодежи, мелькали веселые, свеженькие, полудетские лица, слышались громкие, петушиные голоса.

Нинка страдальчески закатывала глаза, закрывала ладонями уши, а я испытывала зависть к ней: у нас в доме всегда была тишина. Андрей по-прежнему сидел в своей комнате за компьютером или книгой, всегда один, всегда серьезный, сдержанный, улыбочивый.

Гулять его можно было выставить лишь силком: если на улице было тепло, он брал велосипед и в одиночестве колесил по двору, если стояла зима – катался на лыжах вместе с Женей.

Как-то я поделилась своими опасениями с мужем, но тот отнеся к ним со своей обычной бесстрастностью, сказав, что сейчас так же, как Андрей, проводит время каждый третий подросток. Мне нечего было ему возразить, и я закончила этот разговор.

...А еще было в моей жизни одно неприятное обстоятельство, о котором я упорно молчала, не желая открыться даже Женьке, полагая, что тот будет смеяться надо мной.

Действительно, то, что беспокоило меня, было всего лишь сном. Обычным сном, который, однако, повторялся довольно ре-

гулярно – где-то раз в полтора-два месяца на протяжении вот уже многих лет.

Первый раз я увидела его в ночь после того ужасного разговора с Пашей. Сон был коротким, начала его я никогда не помнила или он бывал разным. Но заканчивался он всегда одинаково.

...Я иду по тропинке. Солнце, летний день. Дышится легко, мне спокойно, хорошо, как никогда.

Вдруг из-за поворота выходит Андрей, а за ним Женя.

Причем Андрей уже большой, совсем большой, но сколько ему лет – определить во сне я не могу.

Я протягиваю руки ему навстречу, хочу его обнять. Он подходит ближе, еще ближе, совсем близко – и внезапно я вижу, что лицо его искажено гневом.

Я хочу спросить его, что случилось, пытаюсь дотронуться до него, но в это время он с силой ударяет меня в грудь, так, что я отлетаю в сторону. Мне становится так больно и тяжело, что кажется – вот-вот лопнет сердце, глаза наполняются слезами.

Я смотрю на Женю, ожидая от него сочувствия и поддержки, и – о ужас! – он вдруг начинает смеяться.

Да, он смеется, хохочет мне в лицо. Потом пожимает плечами – обычный его жест – и уходит обратно, за поворот, откуда только что появился. За ним исчезает Андрей.

А я остаюсь стоять на тропинке. Меня душит боль, отчаянье, слезы. И жуткое одиночество.

...В этот момент я обычно просыпалась. Сколько раз хотела рассказать про сон Жене, но не решалась. Да и точно знала – муж не верит ни во что ирреальное, снам не придает никакого значения, считая, что кошмары снятся на чрезмерно полный желудок.

Однажды я не выдержала и сходила к модному и жутко дорогому психотерапевту, пользовавшему многих моих подруг. Тот внимательно выслушал меня и сказал, что у сына что-то вроде Эдипова комплекса, когда подсознательно ревнуют мать к отцу. Якобы я чувствую этот комплекс, отсюда и мой странный, повторяющийся сон. Психотерапевт посоветовал больше общаться с Женей, ходить на прогулки втроем и прописал абсолютно безвредный препарат на травяной основе.

Его надо было пить наутро после того, как приснился сон. Действовало лекарство чудотворно: к вечеру следующего дня кошмар почти полностью стирался из памяти, и меня ничто не беспокоило до следующего такого же сна...

11 О Даше за эти годы я вспоминала все реже, а слышала про нее только один раз. Было это три года назад.

Одна моя знакомая, дама из муниципалитета, пригласила меня послушать городской конкурс самодеятельных вокалистов.

Он проходил в зале одного из крупных центральных кинотеатров. Рядом со мной села сухошавая, медноволосая и элегантная женщина. Она нервно постукивала длинными, изящными, нама-

никюренными пальцами по подлокотнику кресла, от нее шел аромат моих любимых духов.

Я вгляделась пристальней и, к изумлению своему, узнала рыжую Катю. Мы не виделись больше пяти лет – как только перестали встречаться училищной группой.

И я и она едва дождались перерыва, чтобы выйти поболтать. Катька выглядела прекрасно: огненно-рыжие свои волосы она перекрасила в более темный и благородный цвет, большой лягушачий рот стал теперь красиво очерченным и сексуальным. А пикантно вздернутый носик и большие карие глаза делали Катину личико и вовсе очаровательным.

Оказалось, на конкурс она пришла с дочкой, у которой в ее тринадцать лет чудесное и редкое сопрано.

Мы долго вспоминали прошлое и пришли к выводу, что это было не лучшее время в нашей жизни.

Я все ждала, что она что-нибудь скажет про Дашку, но Катя никак не упоминала о ней. Наконец, я не выдержала и осторожно спросила:

– Больше никого из наших не встречала?

– Ты Веселову имеешь в виду? – тут же догадалась Катя и кинула на меня цепкий, пристальный взгляд.

– Ну, и ее в том числе, – замаялась я.

– Да брось, я же знаю, что вы разошлись, как в море корабли, – рассмеялась Катя и закурила тонкую длинную сигарету. – Видела я ее. Год назад.

– Где? – вырвалось у меня слишком поспешно.

– На похоронах Паши. – Улыбка так же быстро сошла с Катиного лица, как и появилась на нем.

Вообще ее лицо как бы не соответствовало ни ее разговору, ни смеху – оно оставалось неподвижным и отстраненным, как лист декорации, на который художник-мультипликатор наносит сотню изображений движущихся героев.

Я молчала, оглушенная ее словами. Молчала и Катя, делая одну за другой глубокие затяжки. Наконец я спросила:

– Отчего он умер?

– Все от того же, – мрачно усмехнулась Катя. – Он в последние годы пил сильно. Так, что сердце не выдержало – инфаркт.

– Господи, – пробормотала я, – в тридцать пять лет...

– В тридцать шесть, – сухо поправила Катя. Мне показалось, она смотрит на меня с укором, и я отвела глаза.

Повисла неловкая пауза. Первой не выдержала Катя.

– Ладно, Анята, пойду я к Сашке за кулисы, а то она у меня впечатлительная – жуть. Рада была видеть тебя... такой.

– Какой?

– Состоявшейся. Это немаловажно в нашей жизни, особенно в свете тех событий, о которых я тебе только что поведала.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Ты-то сама, как я понимаю, тоже в полном порядке?

На Катином лице опять появилась самостоятельная улыбка, живущая отдельно от глаз.

– Как сказать, как сказать, – быстро, словно скороговоркой, произнесла она.

– Но ведь вы... ведь Сергей... – Я хотела сказать, что в их семейной жизни все благополучно, и отношения и бюджет, но, наткнувшись на колючий Катин взгляд, осеклась.

– Сережа ушел от меня, Анечка.

– Как ушел? – Я не поверила своим ушам.

– Так, – коротко рассмеялась Катя. – Как уходят? К своей клиентке по теннису. Тренировал, тренировал и... дотренировался.

– И давно?

– Давно. Три года назад. У них уже ребеночку два с половиной... Так вот, – видя мое изумление, с усмешкой прибавила она.

– Но как же ты? Одна с девочкой... он хоть как-то обеспечивает вас? Помогает? – Я видела, что одета Катя очень недешево плюс модная сумочка, дорожные сигареты, сотовый последней модели, бриллиантовые сережки в ушах. При доходах Сергея он, наверное, спокойно мог жить на две семьи.

Однако Катя покачал головой.

– Нет, Ань. Мы и не виделись с ним за эти годы ни разу. Как ушел, так и не появлялся. Алименты на Сашку по почте присылает, смех, а не деньги. А это... – Она поймала мой взгляд и легонько коснулась сережек кончиками длинных, изящных пальцев. – Это я сама. Я ведь давно педагогику оставила.

– Правда? – изумилась я.

– Конечно. А ты думала? Нашей профессией на жизнь не зарабатываешь. На приличную жизнь, – уточнила она, – а к другой я не привыкла.

– Кем же ты работаешь? – с любопытством спросила я.

– Ой, Анюта, это долго объяснять... – Катя вдруг заскучала, взгляд ее устремился в сторону. – В общем, я... я не работаю.

– А как же?

– Да так. Встречаюсь с разными солидными людьми, скрашиваю им досуг. Они меня за это... благодарят.

– Но ведь это... – Я остановилась на полуслове, не смея закончить фразу.

Я смотрела на Катю во все глаза, не в силах поверить в то, что она только что произнесла спокойным, будничным тоном.

Она натянуто улыбнулась, зачем-то суетливо щелкнула замком на сумочке и быстро проговорила:

– Да, да, то самое. Ты все правильно поняла.

Из боковой двери появилась девочка-подросток, худая, нескладная, в роскошном концертном платье с обнаженными плечами и с огромными несчастными глазами. Увидела нас и поспешила навстречу.

– Мам! – Она капризно надула пухлые губки и повисла на руке у Кати. – Ты куда пропала? Мне сейчас выходить. Я боюсь.

– Я иду, Сашуля. – Катино лицо мгновенно изменилось, разгладилось, глаза засияли. Плечи ее распрямились, она будто помолодела лет на десять. – Все, Анечка, пока, побежала. – Катя чмокнула меня в щеку и, обняв дочь за костлявые плечики, увела ее куда-то по коридору.

Я глядела вслед их удаляющимся спинам – это шли две подружки, два близких существа, которым, кроме друг дружки, ничего не надо было в этом мире. Катя готова была зарабатывать каким угодно способом, чтобы ее девочка ни в чем не нуждалась и воплощала в жизнь свою мечту стать певицей, а той, в свою очередь, было абсолютно наплевать, чем добывает средства ее мать. Она просто любила ее и была ей благодарна.

Я вспомнила об Андрее и невольно вздохнула.

Дома весь вечер мне не давали покоя мысли о Паше и Даше. Я чувствовала себя низкой, подлой и жестокой. Конечно, мне следовало тут же набрать Дашин номер, сказать, что я только что узнала обо всем, выразить сочувствие, предложить помощь. И я уже была готова сделать это, но что-то остановило меня.

Я утешила себя тем, что прошло много времени, что Дашка забыла меня и ей не нужны мои сочувствия. А может, у нее новая семья, любовь, успех, и она посмеется над моей непрошеной жалостью.

Так я ей и не позвонила. И это мое очередное предательство время тоже стерло из памяти, приглушив угрызения совести, сделав их легкими и незначительными.

12...Приближалось Женино сорокапятилетие. По этому поводу дома у нас готовилось торжество. Гостей решили собрать не в ресторане, а в квартире, благо позволяла площадь. Набиралось человек тридцать – сплошь серьезные, важные персоны. Уже наняты были два повара, официанты, я согласовала с ними меню, купила сногшибательное вечернее платье.

За несколько дней до праздничного вечера мы с Андреем поехали в центр на поиски достойного подарка. Оказалось, однако, что выбрать нечто самое-самое весьма непросто. Глаза разбежались, но лишь только находилась вещь, которая нравилась нам обоим, у нее обязательно обнаруживался какой-нибудь изъян: или она при ближайшем рассмотрении казалась не оправдывающей цену, или нас не устраивал ее цвет и фасон, а других в продаже не было.

Наконец, устав от бесплодных поисков, мы с Андреем решили сделать обеденный перерыв. Я хотела зайти в маленький уютный ресторанчик, расположенный поблизости, – мы часто бывали там с приятельницей и были в восторге от обслуживания и качества блюд. Но Андрей вдруг занял, что хочет непременно в «Макдоналдс».

Рестораны быстрого питания я не переваривала, гамбургер не могла взять в рот и вообще не привыкла есть без помощи ножа и

вилки. Я попробовала отговорить Андрея, но тот уперся намертво, и мне пришлось сдаться.

Мы зашли в зал и заняли одну из быстро идущих очередей.

Андрюша радостно оглядывался вокруг, с интересом глазел на игрушки из подарков, которые проносила мимо ребятня, и я с удивлением подумала, что он еще совсем ребенок, несмотря на свои пятнадцать, сорок второй размер обуви, рост метр восемьдесят и усы. Ему явно нравилась веселая, разношерстная публика, на ходу запикивающая в рот огромные бутерброды, булькающая коктейлями и кока-колой и объедающаяся картошкой фри.

Очередь внезапно раздвоилась – у стойки появился новый паренек, призывно поднял вверх ладонь, и часть толпы хлынула к нему.

– Вы в какую кассу? – поинтересовалась я у стоящей передо мной женщины – та явно не сориентировалась в очередях и оказалась между обеими, а за ней и мы с Андреем.

Женщина обернулась. На меня глянули пронзительно синие глаза, прищурились, потом широко, удивленно распахнулись.

– Даша? – ахнула я.

Очереди обогнули нас с двух сторон, точно река островов.

– Аня! – Даша улыбнулась приветливо и радостно. – Вот где довелось встретиться. Это ж надо!

Я отчаянно боролась со смущением и стыдом, не зная, что сказать. Нет, конечно, я была рада этой встрече, но что-то внутри меня сразу напряглось, заставило встревожиться, обеспокоиться.

– Это Андрейка такой вырос? – весело спросила между тем Даша, кивая на Андрюшу, стоящего рядом.

В голосе у нее была теплота, и я немного расслабилась.

– Да, ему недавно исполнилось пятнадцать. – Я подтолкнула сына вперед и тут же почувствовала, как он весь одеревенел и уперся. – Помнишь, Андрейка, тетю Дашу? Ты был маленький, когда она к нам приходила. Помнишь?

Сын молчал, сосредоточенно разглядывая свои огромные ладони. Даша засмеялась – добродушно, ласково.

– Да помнит он, все прекрасно помнит, не приставай к нему. Он, знаешь, Ань, похож на тебя, просто копия.

Почему-то меня не обрадовал ее комплимент. Зато Андрею явно понравилось, что Даша нашла его похожим на меня: он перестал напряженно глядеть в пол, кончики губ его дрогнули в подобии улыбки. Я заметила, что краем глаза он косит за Дашкину спину, перехватила его взгляд и только тут увидела позади Даши высокого, плечистого парня. Он приветливо улыбнулся и чуть наклонил черноволосую голову.

Господи, да ведь это же Валерка! Никогда бы мне не узнать его, если бы не эти глаза, Пашины глаза, какие не так часто встретишь.

Даша, глядя на меня, засмеялась.

– Не узнала? Не мудрено, вон какой мужик вымахал.

– Красивый, – не удержалась я и невольно покосилась на Андрея. Разница в возрасте между ними была года в полтора, но выглядел Андрюша по сравнению с Дашкиным сыном совсем ребенком: узкоплечий, узкогрудый, с по-детски растерянным, наивным лицом.

Похож Валерка был больше на Дашу – волосы такие же, как у нее, густые, черные с блеском, лицо круглое и веселое – у Паши в лице всегда была грустинка. Только глаза, как я заметила в первый же момент, были отцовские. А ростом Валерка, пожалуй, и повыше Пашки будет.

Теперь пришел черед Даши кивать в мою сторону.

– Это тетя Аня, – сказала она сыну, – помнишь тетю Аню, Валер?

Тот смущенно пожал плечами – конечно, ни черта он не помнил. Никакой предательницы тети Ани. Этот жест выдал его настоящий, весьма юный возраст, и я поняла, что мужчина он только по виду.

Внезапно Андрей кашлянул и громко спросил:

– Мы что, так и будем стоять здесь и выяснять, кто на кого похож?

Я в изумлении уставилась на него. Мой ли это сын, тот, который в присутствии посторонних теряет дар речи, заикается и краснеет, как рак?

– А что ты предлагаешь? – поинтересовалась Даша.

– Давайте поделимся: мы с ним, – он указал на Валерку, – сделаем заказ, а вы пока займите столик. Заодно и наговоритесь обо всем.

Я не верила своим ушам. Голос Андрея звучал твердо и уверенно, плечи его расправились, глаза блеснули.

– О'кей, – согласилась Даша, – Держи, молодой человек. Мне – коктейль, а тебе все остальное. – Она сунула Валерке потрепанный кошелек и вышла из толпы. Мне ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

Мы направились к освободившемуся столику у окна. Обернувшись по пути, я увидела, как наши парни что-то оживленно говорят друг другу, будто расстались только вчера и всю жизнь были лучшими друзьями.

Я и Даша сели, пристроили сумки на два свободных места и молча смотрели: я на нее, она – на меня.

Выглядела она не ах – в волосах полно седины, под глазами морщинки. Лицо почти без макияжа, только губы чуть тронуты помадой. На ней был какой-то много ношенный серо-зеленый костюм – жакет и длинная юбка из дешевой синтетической ткани, на ногах – стоптанные босоножки. Руки без маникюра, неухоженные, с загрубевшими подушечками на пальцах.

И только глаза были по-прежнему ярко-синие, юные. В них я не прочла ни злости, ни обиды, ни осуждения. Только искреннюю радость от встречи.

– У тебя отличный вид, – нарушила молчание Даша. – Тебе от силы можно дать тридцать.

– Спасибо, – неловко поблагодарила я, не чувствуя себя вправе на такой же комплимент. – А у тебя чудесный сын. Красавец и прямо богатырь.

Она рассмеялась:

– Какой там богатырь! С ним одна морока... – Но видно было, что ей приятно.

– Чем занимаешься? – спросила я.

– Чем мне заниматься? В школе веду русский и литературу.

– Нравится?

Я сказал это просто чтобы что-нибудь сказать. Работа в школе казалась мне самой примитивной прозой, чего в ней могло быть привлекательного? Но Даша ответила неожиданно горячо и с удовольствием:

– Нравится. У меня еще классное руководство, так что не соскучишься, есть чем заняться.

– А по деньгам?

– По деньгам выходит ровно столько, сколько нам нужно. Вот на «Макдоналдс» хватает раз в месяц – и хорошо. – Даша усмехнулась, поглядывая в сторону мальчишек, уже стоящих у прилавка. – Ты-то как? Давай рассказывай.

– Я? – Я смутилась.

Что я могла ей рассказать? Что работаю на руководящей должности в фирме? Что даже в качестве домашнего халата не ношу такие костюмы, в котором она приехала в центр и который, по всему виду, у нее выходной? Что не была в «Макдоналдсе» ровно десять лет, а месяц назад вернулась из Египта?

– У меня все в норме, – вяло произнесла я, понимая, что говорить нам, в сущности, не о чем. Совершенно не о чем.

Вернулись мальчишки, неся в руках подносы с едой. Не обращая на нас никакого внимания, развернули бутерброды, надорвали пакетики с картошкой, продолжая трепаться о чем-то своем, понятном лишь им одним. Мы посидели полчаса, благо народу в зале было немного и никто не стоял у нас над душой, ожидая вожделенные места за столиком.

Мне уже хотелось побыстрее распрощаться с Дашей и ее сыном – нужно было найти подарок, вернуться домой, закончить уйму дел. Но Андрей и Валерка все не могли наговориться.

Наконец Даша заметила, что я нервничаю, и благородно пришла мне на помощь.

– Все, – решительно произнесла она, – пора по домам. В конце концов, у нас в квартирах телефоны есть, можете созвониться, если это необходимо.

– Ладно, – согласился Валерка, – Андрюха, я тебе позвоню. Сегодня вечером. Идет?

– Идет. – Андрей просиял.

– Пока, – Даша манула мне рукой, – звони.

Она встала. И тут я осознала, что за все время нашего застолья мы ни разу не упомянули о Паше. Значит, Даша знает, что я в курсе ее дел? Катя рассказала ей о нашей встрече? Или просто она не в силах говорить о смерти мужа, старается не вспоминать об этом, особенно в присутствии сына?

Я глядела вслед уходящим Даше и Валерке: он огромный, она на его фоне маленькая, хрупкая, как девочка. На пороге они обернулись и оба еще раз помахали на прощанье.

Мы с Андреем тоже вышли из ресторана и продолжили свой вояж по магазинам. Однако теперь Андрей весь погрузился в себя, на витрины не смотрел, отвечал на мои вопросы невпопад, и я видела, что ему совершенно наплевать на то, какой подарок мы выберем отцу.

Он то и дело поглядывал на часы и нетерпеливо топтался у прилавков.

Я не выдержала и укоризненно проговорила:

– Что ты, как маленький? Ведь мы стараемся для папы.

– Да не все ли равно, что ему купить? – огрызнулся Андрей. – У него и так все есть.

– Не говори ерунды, – рассердилась я. – Любое дело надо доводить до конца.

– Вот и доводи, а я хочу домой. Мне надоело тут шататься.

Расстроенная и раздосадованная нашей размолвкой, я купила первое, что попалося на глаза, – какую-то дико дорогую и совершенно безвкусную статуэтку, которую буквально силком всучила мне продавщица, объясняя, что она является эксклюзивным товаром из Германии.

Мы приехали домой, дорогой почти не разговаривая. Едва я захлопнула входную дверь, зазвонил телефон. Андрей, оттеснив меня, бросился в комнату.

Вышел он оттуда минут через семь, с покрасневшим лицом и блестящими глазами.

– Мам... – Тон его был ласковым, извиняющимся. – Мам, слышишь, можно я завтра пойду с Валерой в одно место?

– В какое место? – ошеломленно произнесла я.

– Ну, понимаешь, его приятель создал свою рок-группу. И завтра вечером у них концерт в Доме творчества. Валера пойдет поболеть.

– А при чем здесь ты?

– Он и меня приглашает. Мам, ну пожалуйста, а? – Сын просительно заглянул мне в глаза.

Я пожала плечами:

– Ладно, иди.

– Спасибо! – Андрей расцеловал меня в обе щеки и умчался к себе.

Я осталась стоять посреди прихожей в растрепанных чувствах.

Что происходит? Почему мой мальчик так изменился всего за несколько часов и буквально на глазах? Откуда у Дашкиного сына такая власть над ним – обещал позвонить, и Андрея как места себе

не находил, рвался домой. Позвал болеть за какого-то неведомого парня – и мой дурачок ноги мне готов целовать, только бы я пустила его?

Я искала объяснения происходящему и не находила. Начала заниматься хозяйством – все валилось у меня из рук. Раздраженная, сердитая без видимой причины, наорала на маму, разругалась с поваром, приехавшем уточнить меню, в довершении всего чуть не кокнула злополучную статуэтку.

В глубине души я надеялась, что Андрей не поедет с Валеркой. Он был крайне тяжел на подъем, а тут еще чужая, незнакомая компания, другой, довольно далекий район.

Но нет – едва тот вернулся на следующий день из школы, как моментально проглотил обед, спешным порядком сделал уроки и умчался.

Вернулся он около девяти. Я открыла ему дверь – он тут же с порога возбужденно заговорил, начал рассказывать о концерте, делиться впечатлениями о прошедшем вечере.

Я взяла его ветровку, чтобы повесить на вешалку, и отчетливо уловила идущий от нее новый запах – запах улицы и свободы, дешевых сигарет, дешевых духов, мятной жвачки и чипсов.

– Завтра я тоже уйду, – уже не спрашивая, а утверждая, объявил Андрей.

– Завтра у тебя английский, – напомнила я.

– После него, – невозмутимо ответил он, – Позвоню Любови Ивановне, попрошу перенести урок на два часа раньше.

– Это неудобно!

– Еще как удобно, – Жениным тоном произнес Андрей, – вы ей такие бабки платите.

Я только рот раскрыла.

13 Прошло две недели – и почти каждый вечер Андрей исчезал из дому. Ему стали звонить по телефону – иногда ребята, иногда девчонки. Он изменился до неузнаваемости – стал подтянутым, перестал сутулиться, заулыбался.

Как-то вошел в нашу огромную ванную, когда я развешивала кое-какие вещи, которые нельзя было постирать в машине.

Увидел меня, стоящей на табурете, ни слова не говоря, прилизился, взял из моих рук белье и быстро, сноровисто пристроил на веревке. Потом протянул мне ладонь:

– Слезай, а то упадешь.

Раньше он чашку за собой не вымыл бы!

Казалось, я должна была бы радоваться: сбывалось то, о чем я всегда мечтала, сын стал счастливым, обрел, наконец, друзей и самостоятельность.

Но меня, наоборот, терзали перемены, произошедшие с ним. Я не могла смириться с тем, что Андрейка бегаёт за Валеркой точно так же, как я когда-то бегала за Дашкой. Для меня это было невыносимо обидно и больно.

Я пожаловалась Жене на то, что ребенок стал пропадать на улице.

– Брось, – усмехнулся он. – Парню давно пора повзрослеть. Значит, время пришло.

– Но там девочки, – не сдавалась я. – Кто их знает, этих маленьких сучек, что у них на уме? Да и рано Андрюше иметь с ними дело.

– Напротив, в самый раз. Пора ему научиться ухаживать за девушками или хотя бы посмотреть, как это делают другие.

Не добившись от Жени поддержки, я позвонила Даше и спросила ее, хорошо ли она знает друзей своего сына.

– Конечно, – с недоумением проговорила она, – с семи лет. Они же все эти годы учатся вместе, у них, знаешь, такой дружный класс.

Я кивнула, мрачно усмехаясь в сторону: еще бы быть недружным классу, где учится Дашкин сын!

Я ничего не могла поделать – события развивались своим чередом. Шли дни, и я все больше ненавидела Дашку и Валерку. Мне казалось, они украли у меня Андрея, хоть я и понимала – слово «украли» сюда не подходит, оно несправедливое, это слово. Андрюша не стал меньше любить меня, наоборот, всякий раз старался проявить по отношению ко мне заботу, разговаривал ласково и вежливо. Но... наступал вечер, и он покидал меня.

Я стала плохо есть и спать, похудела, забросила занятия в тренажерном зале. Мои приятельницы забили тревогу, настаивая, чтобы я сходила к врачам.

Но я не шла. Я твердо знала, что врачи мне не помогут. Помочь мне могло одно – если бы Валерка вдруг чудесным образом исчез из нашей жизни.

Так пролетел месяц, за ним другой. И однажды я не выдержала.

Был будний день, кажется, вторник. Женька только что уехал по делам. Я сидела в кресле в гостиной с какой-то скучной книжонкой в руках и наблюдала через открытую дверь, как Андрей, стоя перед зеркалом, пытается уложить набок непослушную прядь волос.

Конечно, так, как это делал Валерка!

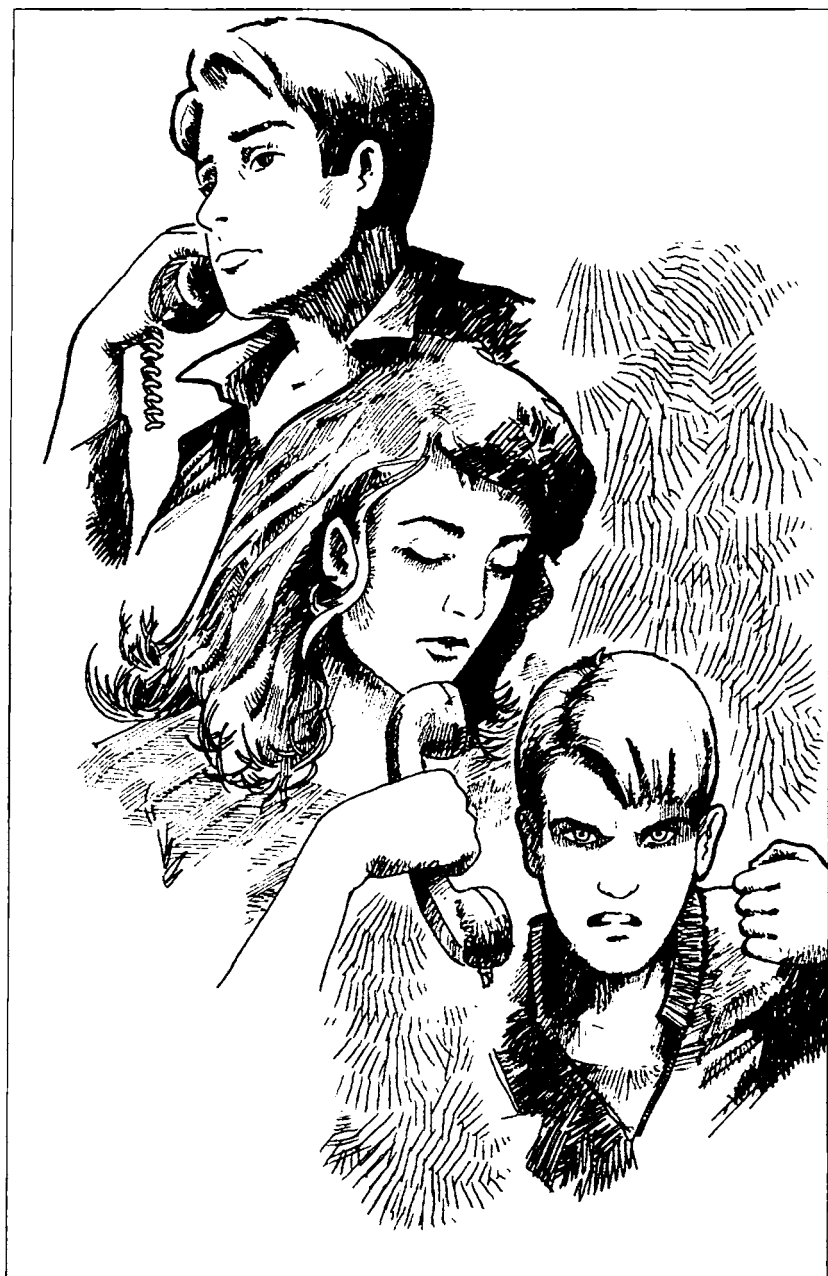
Сын потратил на это никчемное занятие уже с полчаса, а прядь все не ложилась, стояла себе торчком, потому что волосы у Валерки и у Андрюши были абсолютно разными.

– Зря стараешься, – сказала я, откладывая книгу. – Только испачкаешь волосы, голову придется мыть.

– Не зря, – спокойно ответил Андрей, продолжая заниматься своим делом.

– Но ведь это же глупо! – взорвалась я. – Зачем тебе кому-то подражать? Почему бы не быть самим собой?

– Ты не понимаешь, – терпеливо объяснил он. – Так ходят все наши.

– Какие наши?!

– Наши. Компания. Кстати, мам, давно хотел тебя спросить – знаешь, у Валерки джинсы, черные такие?

Я молчала, готовая услышать любую чушь.

– Знаешь! – обрадовался Андрей, приняв мое молчание за знак согласия. – Где они продаются? А то я смотрел в магазинах – таких нет.

Тут я дико расхохоталась. У меня даже сердце закололо от смеха.

– Ты что, мам? – Сын удивленно округлил глаза. – Что с тобой?

– Нет! – закричала я. – Это не со мной! Это с тобой! Дурачок ты, дурачок! Где ты искал эти проклятые джинсы – в бутиках, куда мы обычно ходим за покупками? Так?

– Ну... – Андрей неуверенно поджал плечами. – Да, там. А что?

– А то, что там они не продаются. Дашка купила их Валерке на барахолке, и красная цена этому дерьму триста рублей!

– Очень хорошо, – обрадовался Андрей, – я схожу на барахолку.

– Послушай, – устало проговорила я, – чем тебе не нравятся те джинсы, которые отец привез тебе из Англии? У вас в классе многие ходят в таких. Они удобные, хорошего фасона, модные, ткань замечательная.

– Я не хочу, как в классе, – Андрей упрямо мотнул головой.

– Скажи мне, – мягко попросила я, – чем тебе так нравится Валера? Ведь он не такой уж умный мальчик, и учится, наверное, не блестяще?

– Нормально учится, – нехотя сказал Андрей и сделал шаг в сторону двери.

– Подожди, пожалуйста. – Я встала и вышла в прихожую. Обняла сына за плечи, погладила по непослушным волосам. – Ты должен объяснить мне, что тебя так в нем привлекает.

– Зачем? – Он посмотрел на меня исподлобья.

– Мне это нужно. Просто необходимо.

– Он... счастливый, – после секундной паузы тихо произнес Андрей.

– С-счастливый? – заикаясь, переспросила я. Сердце мое ухнуло куда-то вниз. – Он счастливый?! А ты, значит, нет?

– Я... не такой. – Андрей опустил голову.

Я видела, что он стыдится и жалеет меня, но не может скрыть правды, не сказать то, что, видимо, давно беспокоит его.

– Я... не понимаю, – дрожащим голосом проговорила я. – Чем он счастливей тебя? Его отец пил и умер, мать не может обеспечить ему самое необходимое – нормальную учебу, приличное знание языков. Посмотри, где ты только ни побывал в своем возрасте – и в Австрии, и во Франции, и в Италии. А он наверняка нигде не был, ничего не видел, не знает. Ты гораздо, гораздо счастливей его, просто не понимаешь этого, не можешь оценить того, что подарила тебе судьба! – Я говорила горячо, страстно, стараясь изо всех сил убедить его и, главное, себя в том, что так и есть: счастье

заключается в хорошем образовании, возможности путешествовать, иметь большие деньги, жить красиво и уютно. Именно это называется счастьем, а не что-то неуловимое, невидимое, не поддающееся анализу и описанию, но живущее в глазах у Дашиного сына.

– Мам, – перебил Андрей, – Ты не обижайся. Я не хотел об этом, но раз ты сама... – Он поднял лицо и поглядел прямо мне в глаза. Так поглядел, что у меня по спине поползли мурашки. – Понимаешь, Валеркины отец и мать очень любили друг друга. Очень. Он мне рассказывал. А у нас... у вас, то есть... этого нет.

– Как нет? Почему – нет? – сказала я хриплым шепотом. – Ты считаешь, что мы с папой...

– Вы – хорошие, самые лучшие. Но вы всегда каждый сам по себе. – Сын говорил очень мягко, но слова его звучали до ужаса жестоко. Жестоко, как приговор.

– Ты не прав, – неуверенно возразила я. – Мы с твоим отцом любим друг друга не меньше, чем родители Валеры. И вообще, разве от того, насколько любят друг друга родители, зависит, счастливы ли их дети?

– Зависит, – убежденно произнес Андрей и добавил тихо: – Прости. Меня англичанка ждет.

Я молча кивнула. Он накинул куртку и ушел. А я осталась стоять посреди нашей просторной прихожей, раздавленная, убитая, опустошенная.

Сколько я так простояла – не помню. Может быть, пятнадцать минут, а может, несколько часов. Опомилась я лишь тогда, когда в замке входной двери повернулся ключ.

На пороге появился Женя.

– Я уже вернулся, – проговорил он, снимая плащ. Глянул на меня внимательно, и брови его удивленно поднялись. – Что с тобой? Ты не заболела? Бледная какая-то.

– Нет, я здорова. Будешь обедать?

– Не откажусь.

Он пошел переодеваться, а я быстро накрыла в кухне на стол. Налила Жене тарелку борща, нарезала хлеб.

Мы сидели друг напротив друга, и я смотрела, как он ест – медленно, не торопясь, хорошо прожевывая каждый кусок. Он все делал обстоятельно, не спеша, с толком, никогда не проявляя волнения, не выходя из себя.

– Жень, – спросила я его, когда он, покончив с первым и вторым, перешел к апельсиновому соку. – Жень, скажи, ты меня... любишь?

– Чего? – пробормотал он с набитым ртом.

– Ты любишь меня? – повторила я громче. – Ты никогда не говорил.

Он действительно никогда не говорил мне о своей любви. Даже в день свадьбы. Даже в те, самые сладкие мгновения, когда мы начинали Андрюшку – молча обнимал меня, молча целовал. Все

молча, так же деловито и обстоятельно, как он только что поглощал обед.

Женино лицо вытянулось и напряглось. Светлые, почти прозрачные глаза слегка сощурились. Он посмотрел прямо на меня – так, как никогда прежде не смотрел. На мгновение в его взгляде мелькнуло странное выражение – не то страдания, не то досады.

– Ань, ну что за глупые вопросы? – Он улыбнулся, и улыбка его вышла резиновой. – Мы ж не подростки, право слово. Конечно, я тебя люблю. – Он едва заметно вздохнул и повторил: – Конечно.

И мне стало ясно, как дважды два, что сын прав. Женя врал. Никогда он не любил меня. Его сердце навсегда осталось на Сахалине, разбитое той несчастной любовью, той жестокой и соблазнительной девчонкой, о которой он так ничего и не рассказал мне за шестнадцать лет совместной жизни. И по утрам, находясь еще в бессознательном состоянии, в сладостной дреме, он улыбался не мне – ей!

Когда любишь человека, никогда не ответишь ему: «Конечно, люблю». А обо мне и говорить не приходится – никогда я не испытывала к мужу тех чувств, как к Коле Токареву или Паше.

Женя смотрел на меня с тревогой, кажется, заподозрив неладное.

– Чудная ты стала, Аня, – проговорил он, вытирая рот салфеткой. – Устала, может быть? Давай возьму тебе путевку на неделю куда-нибудь в теплые края. Хочешь?

– Не хочу, – грубо сказала я и вышла из кухни.

Я ждала, я надеялась, что, может быть, он выбежит следом за мной, обнимет, станет настойчиво расспрашивать, в чем все-таки дело. И тогда я разревусь на его груди, и мне станет легче, значительно легче, и я смогу поспорить с Андреем.

Но он не побежал. Я слышала, как он, аккуратно ступая, прошел к себе в кабинет и плотно прикрыл дверь.

Я почувствовала себя такой одинокой и несчастной, какой не чувствовала даже в юности. Мне захотелось завывать от тоски. С омерзением смотрела я на дорогую мебель вокруг, на огромный японский телевизор, на модные картины, висящие на стенах нашей гостиной. Я была одна, одна среди всего этого великолепия, никому не нужная, нежеланная, никемная, позабывшая свою профессию, превратившаяся в бесплатное приложение к влиятельному мужу.

Громко и весело зазвонил телефон. Я вздрогнула, протянула руку и подняла трубку.

– Здравствуйте, – пророкотал мне в ухо веселый юношеский басок. – А можно позвать Андрея?

– Андрея нет, – сказал я. – Он на занятиях.

– Понятно, – огорчилась трубка. – А когда он вернется?

– Он вернется поздно. – Я помолчала, собираясь с силами.

Мой собеседник тоже молчал, намереваясь, видно, попрощаться.

– Кто это говорит? – спросила я, хотя давно узнала голос Дашкиного сына.

– Валера.

– Послушай, Валера. – Я набрала в легкие побольше воздуха и затем проговорила медленно, четко произнося каждое слово: – Никогда сюда больше не звони.

На том конце провода повисла пауза. Потом Валерка тихонько кашлянул и неуверенно спросил:

– Но... почему? Что случилось?

– Ничего не случилось. – Меня буквально трясло от ненависти.

– Ничего. Просто не звони и все. Понял?

– Понял, – сказал он и, как мне показалось, усмехнулся.

Я с размаху кинула трубку на рычаг. И тут же почувствовала невероятное облегчение, точно вырвала больной зуб.

Так и надо, так и надо с ними. Андрюша поймет меня, поймет и простит. Придет время, и он сам будет вспоминать о своей дружбе с Дашкиным сыном как о наивной, детской глупости.

Я пошла в кухню, сварила себе крепкий кофе, намазала пару бутербродов с икрой и поела с аппетитом впервые после встречи с Дашей в «Макдоналдсе». Затем позвонила Нине и уговорила с ней завтра идти в бассейн, где не была ровно месяц.

Через час вернулся Андрей. Я сделала вид, что ничего между нами не произошло: приветливо расспросила его, как дела с английским, подала ему ужин, налила чаю.

Он тоже старался вести себя корректно, не возобновлять прежний неприятный разговор. Но все же не удержался, спросил:

– Мне Валерка не звонил?

– Нет.

– Странно. – Он поблагодарил меня, вышел из-за стола.

Я слышала, как в его комнате запищали кнопки телефона. Через минуту Андрей снова появился на кухне. Вид у него был расстроенный и растерянный.

– Странно, – повторил он, присаживаясь рядом на стул. – Он ушел. Обещал дожидаться меня и ушел. Не понимаю, почему.

– Ничего не вижу странного. – Я пожала плечами. – Мало ли какие у него дела? Позвонит тебе завтра.

– Но мы договорились... ты не понимаешь... – Андрей с досадой стукнул кулаком по столу. – Он никогда так не поступал.

Он вышел, понурившись и опустив голову.

Я почувствовала легкий укол тревоги. Но только легкий.

Все последующие дни я наблюдала, как Андрей сидит у аппарата и гипнотизирует его взглядом. Валерка не звонил. Я хорошо знала, что он не позвонит.

Несколько раз Андрей набирал его номер, и каждый раз ему отвечали, что Валеры нет дома. Отвечала Даша, которая, как и тогда, после моей встречи с Пашей, все поняла правильно.

Через пару дней на Андрея было больно смотреть: он ссутулился, побледнел, перестал улыбаться, ходил, как тень, по квар-

тире и опрометью бросался к телефону, едва заслышав его треньканье.

На третий день он твердо сказал:

– Что-то случилось. Я не понимаю, что, но должен во всем разобраться. Поеду к нему.

– Никуда ты не поедешь. – Я решительно загородила дверь. – Очень надо тебе таскаться по городу в бесплодных поисках. Если твой Валера не звонит тебе, значит, ты ему больше не нужен.

– Этого не может быть! – крикнул сын. Помолчал и повторил тише: – Не может быть. Мы же друзья.

– Какой он тебе друг? – улыбнулась я. – Так, случайный знакомый. Вы не виделись двенадцать лет, о какой дружбе может идти речь?

– О самой обыкновенной. – Андрей почти плакал. Я видела, как дрожит у него подбородок, слышала, как срывается его голос. – Он не мог со мной так поступить. Не мог. Я поеду к нему и все выясню! Пусты. – Он шагнул прямо на меня.

Это не входило в мои планы. Я не могла допустить, чтобы Андрей приехал домой к Дашке и выяснил всю правду. И я подумала – была не была, пусть узнает эту правду от меня. Ничего другого все равно не оставалось.

– Андрюша, – сказала я ласково. – Не надо. Не ходи к ним. Валера не будет больше общаться с тобой, я знаю это наверняка.

– Но почему? – Он смотрел на меня в отчаянье.

– Потому что это я попросила его больше не звонить сюда.

– Ты?! – У Андрея был такой вид, будто я призналась ему в убийстве по меньшей мере пяти человек.

– Я. Успокойся. Эта дружба вредна для тебя, она ломает тебя как человека, как личность. Сейчас ты переживаешь, но после поймешь.... Скажешь мне...

Я не договорила, запнувшись на полуслове, – посмотрела в глаза сына и замолчала.

Там... там была ненависть, море ненависти, и еще – океан страданий.

Не дай Бог любой женщине заглянуть в глаза своего ребенка и прочесть в них такое.

– Ты... – тихо произнес Андрей. – Ты... Что ты наделала! Валерка – это было самое лучшее в моей жизни. Ты все разрушила, все. Теперь он не захочет меня видеть. – Он обхватил голову руками и стал раскачиваться из стороны в сторону, медленно, страшно.

– Андрюша! – Я протянула руку, чтобы погладить его по голове, привычным жестом, как делала это всегда.

Но он отпрянул, точно рядом с ним оказалась зачумленная или прокаженная.

Я вдруг ясно поняла, что где-то уже видела все, что сейчас происходит. Перекошенное гневом лицо сына, моя бессильно протянутая к нему рука, дикий страх, сковавший тело.

Сон! Это был сон. Мой многолетний кошмар, который не смог вылечить модный психиатр. Не в силах пошевелиться, я смотрела, как Андрей заносит кулак перед моим лицом. Сейчас, вот сейчас это произойдет, он ударит меня, как во сне. И тогда я умру. Сразу, в то же самое мгновение.

Он заворожено посмотрел на свои побелевшие от напряжения костяшки пальцев. Потом медленно разжал кулак и опустил руку. Прошел мимо меня в комнату и тут же вернулся со своей школьной сумкой.

– Я ухожу. Буду у бабушки. – Он говорил спокойно, плечи его больше не сутулились, губы перестали дрожать. – Не звони и не пытайся меня вернуть. Мне все здесь осточертело. Давно, еще с самого рождения. Все, слышишь?

Он повернулся, хлопнул дверью перед моим носом. Послышались гулкие шаги по ступенькам.

Я дождалась, пока они затихнут, несколько минут стояла в оцепенении. Потом, тяжело волоча ноги, побрела в комнату.

Мне было мучительно больно и плохо, но именно сейчас, в эти мгновения, в мою голову вдруг пришел точный и безошибочный ответ на мучивший меня все последние месяцы вопрос: почему?

Почему мой сын так стремился к дружбе с Дашиным сыном, как некогда стремилась я к общению с Дашкой?

Все это время я думала, что это – случайность, чистое совпадение, но теперь поняла с неумолимой ясностью – нет. Ничто не возникает ниоткуда и не исчезает бесследно.

Неправда, что сын не отвечает за отца, – еще как отвечает. Наши дети на генетическом уровне, на уровне подсознания отвечают за наши низкие мысли, подлые поступки, ложь перед самим собой, предательства по отношению к друзьям.

Они платят по нашим счетам, платят в полной мере, отдавая те долги, которые мы не смогли, не сумели или не захотели отдать.

Сколько раз я предала Дашу? Теперь уже трудно сосчитать. Но самый первый раз я помню хорошо: тогда на теплоходе, я не обрадовалась за нее, как когда-то она радовалась за меня, я позволила зависти разжесть мою душу и не понимала, что сама обрекла себя на пожизненное одиночество.

14...Шесть шагов до телефона. Шесть шагов. Пять из них я уже прошла. Остался один, самый последний.

Мои пальцы набирают семь цифр номера, который я так и не смогла забыть за эти годы, несмотря на все старания. Она должна меня простить, должна – потому что, кроме нее, мне сейчас некому помочь. Никто, кроме нее, не вернет мне сына.

Долгие, слишком долгие гудки. Щелчок. И знакомый, почти не изменившийся с юности, голос в трубке.

Какое счастье, что она дома, что подошла к телефону, слышит сейчас обращенные к ней мои слова:

– ...Здравствуй, Даша.

ПРОБА ПЕРА

Антон КОВАЛЬСКИЙ

21 год, г. Ногинск Московской области

НЕСВОЕВРЕМЕННОСТЬ

* * *

Скольжение фигуры. Белый снег
Хрустальной тишиной окутывает плечи,
И кажется, что каждый человек
Неудержимо верит в зимний вечер.
Вы ходите, цветное конфетти
Бросаете на матовые кудри,
И кто-то снова просит вас уйти,
Блуждая там, где всё погрязло в пудре.
Постойте, неуклюжая моя,
И поднимите то, что уронили:
Скольжение фигуры, крик огня
И прах, который вы любили...

* * *

Я не могу писать стихи.
Нет в мыслях пламенной строки:
Одни осколки и куски...
Прости, родная.
За облаками города,
Остекленевшая вода
И капилляров суета,
Как птичья стая...

* * *

Несвоевременность,
Кто твоя мама?
В этой толпе не найдется отец.
Безукоризненно сыграна драма,
Судьба испачкана, сломан венец.
Несвоевременность,
Вспомни о боли,
Вспомни, как рвали невинную плоть.
Безукоризненно сыграны роли...
Смысл эпикриза – в сердце колоть.
Шпаги наточены, помыслы дики...
Плакали дети без рук и без ног...
Несвоевременность – мертвые лики,
Срок ожидания которых истек.

* * *

Куда ты смотришь, девочка, куда?
Окно открыто, с неба льет вода.
Поет в терновнике слепая канарейка
И умирают золотые города.
Куда ты смотришь, девочка, куда?
Под мраморной доской времен – эпоха,
И корабли стремятся в никуда
За томиком неизданного Блока...
Куда ты смотришь, девочка, куда?

* * *

Подмосковная тишь...
Спи, родная.
Выше крыш полетит твоя боль.
Мне легко говорить, набирая
Этот странный трехзначный пароль.

Ты теперь моя дочь.
Улыбайся.
В этом нет ничего, кроме нас.
Жизнь слепа...
Оценить постарайся
Этот четко разыгранный фарс.
Подмосковная тишь.
Я в решетке.
Руки к звездам устало тяну,
Узнавая в небесной походке
Подмосковную тишину.

* * *

Она ладонями прикрыла
Свое невинное лицо...
Прости, что ты меня забыла.
Прости и выйди на крыльцо.
Голубоглазые синицы
Богине выключот глаза...
Прости, что ты мне стала сниться,
Прости, что ты моя слеза.
Она ладонями прикрыла,
И нас не видел даже Бог.
Прости, что ты меня любила.
Прости, что я любить не смог.

* * *

Она просила.
Он молчал
И видел, как вдали причал

Теряет контуры свои...
Она просила:
«Повтори».
В ее глазах царила ночь.
Кто ей поможет?
Я помочь
Уже навряд ли ей смогу...
Она просила взять тоску...
Я взял тоску – она во мне...
Мне хватит этого вполне.

Ты далеко, ты плачешь в тишине,
Извилистой тропинкой убегая
Туда, где всё живет за гранью рая...

* * *

Застыли тени и часы остановились,
Стыдливо потускнели зеркала,
Когда два одиночества влюбились,
Соединив остывшие тела.
Им было неуютно и нелепо:
Вокруг всё стихло, но упрямый дождь
Настойчиво стучал, срываясь с неба
В закрытое окно... И был похож
Весь этот день на сказку без начала,
На сказку без начала и конца...
Застыли тени, исчезая у причала,
Смывая дождь с ослепшего лица...

* * *

Я не пишу стихи – я их бросаю
В огонь, сжигающий черты,
И медленно с тобою умираю,
В лицо боясь назвать тебя на «ты».
Я не пишу стихи – они безлики.
В них нет имен, в них нет волшебных глаз...
Я медленно ловлю в ладони крики
Легко произнесенных кем-то фраз.

«ОСКОЛКИ И КУСКИ», или несколько слов о стихах Антона Ковальского

...А кто, собственно, сказал, что в стихах должно быть всё понятно? Что поэт не имеет права написать стихотворение, смысл которого будет затемнен или вообще поглощен образностью, ассоциациями, тем, что принято называть «потокосом сознания» (этот термин чаще вспоминают, говоря о прозе, но, на мой взгляд, к поэзии он применим еще больше). Вот и стихи Антона Ковальского, на первый взгляд, туманны и неясны:

как бы зашифрованные письма, адресованные неизвестно кому, или, проще, всем нам, читателям.

В чем сила и очарование этих стихотворений? Я бы сравнил их с тем, что видит человек, медленно поворачивающий трубку калейдоскопа (помните, была такая игрушка: смотришь в трубку, а перед тобой разворачиваются красивые узоры, никогда не повторяющиеся). А всего-то — три зеркала и цветные стёклышки... Вот и стихи Антона «сделаны», может быть, из немногих составляющих, но в каждом стихотворении — своя интонация, свой звук, своя мысль, видная, может быть, не слишком явно, но — бесспорная. Другое дело, что это очарование надо еще разглядеть, прочувствовать. Ибо молодой поэт не всегда, к сожалению, «дотягивает» написанное им до того уровня, о котором можно сказать словами Льва Толстого: «Плохо, но лучше не могу».

В поэзии молодых есть «общие места», протоптанные тропинки, на которые неопытный, «невыписавшийся», как говорят журналисты, поэт нет-нет да и сворачивает. Вот и Антон не мог не вспомнить про любимый всеми дождь, который стучит в окно, не мог не сравнить жизнь с театром, с фарсом, с драмой... Но, к счастью, эти затертые образы он применяет как бы походя, не строит стихотворение только на них. У него хватает сил всегда найти что-то свое, неповторимое. Другое дело, что зачастую свою мысль он выражает не слишком удачными словами.

Давайте попридираемся к стихам Антона Ковальского. Ну вот, к примеру: он отправляет написанное «в огонь, сжигающий черты». Какие черты? Слово это — многозначное, и понять, что хочет сказать поэт, трудно. Или вот строчки: «Она ладонями прикрыла, И нас не видел даже Бог». Что это, интересно, она такое у себя прикрыла, что их (обоих, так следует из текста) даже Бог не увидел? А что это за «прах», который любила героиня одного из стихотворений?

Особенно обидно было встретить в одном из стихотворений выражение «навряд ли». Стихотворение-то трагическое, напряженное, и это просторечное слово очень его портит. Может быть, оно попало в строку для того, чтобы был выдержан стихотворный размер? Но, наверное, этого можно было бы добиться и другими средствами. Хотелось бы, чтобы Антон обошелся в стихах без специальных терминов типа «эпикриз». Все-таки стихи — это не выписка из истории болезни.

Вообще Антону следует обратить внимание на то, что многие строки в его стихах «не попадают» в размер (ну, например, строка «судьба испачкана, сломан венец» в стихотворении о «несвоевременности»). Попробуйте прочитать стихи вслух — и вы, уважаемые поэты, сразу услышите по сбившейся интонации тот или иной свой огрех.

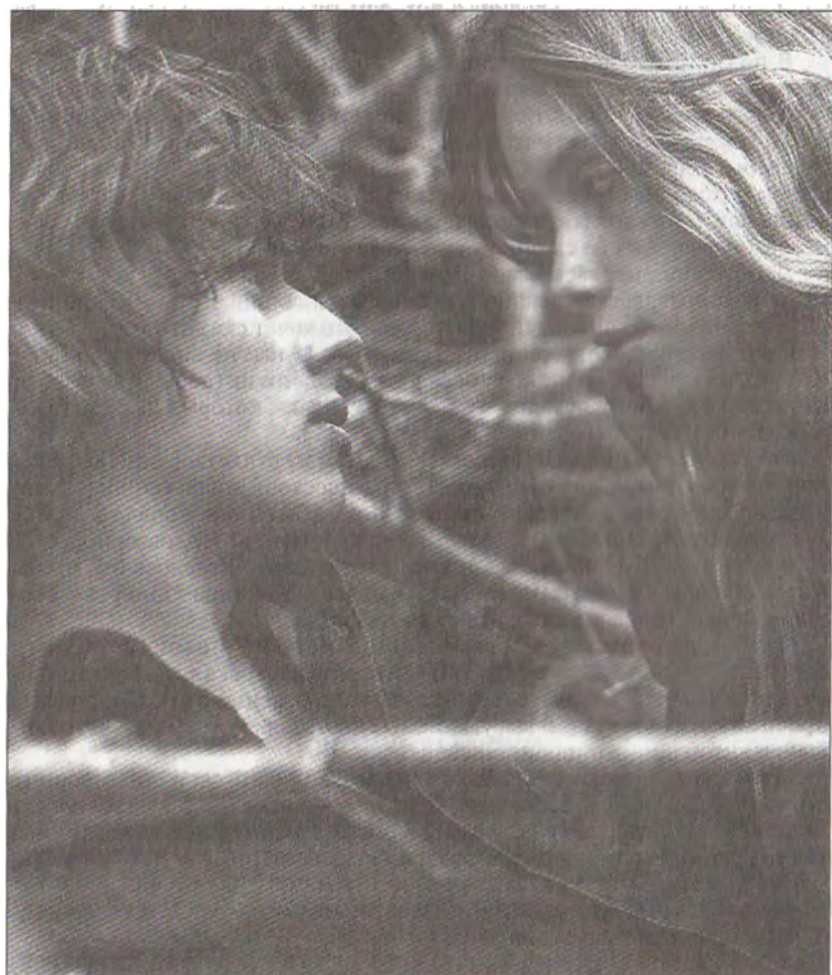
Я бы еще посоветовал Антону пореже заканчивать свои стихотворные строчки многоточием. Понимаю, понимаю — «осколки и куски» просят именно этого знака. Но в результате в стихотворении появляется ложная многозначительность, которая предполагает бездонные глубины мысли, которых, в общем-то, нет.

Но всё это — дело поправимое. Просто Антону надо почувствовать себя не «молодым поэтом», а просто — Поэтом.

И.В.

ПРОБЛЕМА ИЗ КОНВЕРТА

КАК ПЕРЕПРЫГНУТЬ ЧЕРЕЗ КАНАВУ

А что такое любовь? Можно ли ее понять?

Нет, наверное, подростка, юноши или девушки, кто не задавал бы сам себе этот вечный вопрос. И это вполне естественно: именно в подростковом возрасте молодой человек впервые испытывает одно из самых сильных и прекрасных чувств, которые доводится испытывать человеку. Но вот понять – что это такое, почему оно столь сильно захватывает нас в плен и приносит нам самые большие радости и самые глубокие огорчения, не смог, пожалуй, еще никто: ни ученые, ни писатели (которые написали, наверное, целую огромную библиотеку книг о любви), ни поэты, ни – тем более – врачи. Каждый видит что-то свое, какие-то свои стороны, но все же надо признать: люди за все тысячелетия своего существования так и не смогли разгадать эту загадку – что есть любовь.

Но тем не менее каждое поколение пытается это сделать. И нынешнее в том числе. «Любовь нечаянно нагрянет» – и молодой человек начинает писать стихи, песни, рассказы... и еще письма в редакции журналов и газет. Каждый, конечно, пишет о своем, страданном, о том, что случилось именно с ним, о том, как именно он переживает это прекрасное и щемящее

чувство и всё, что с ним связано.

Давайте прочитаем несколько таких писем. Они пришли к нам в разное время, из разных городов и областей, но все они – об одном. И мы понимаем, насколько проблемы, о которых пишут их авторы, важны для них. Да, наверное, и не только для них – для всех, кто переживает сейчас этот трудный и прекрасный возраст.

«Мне пятнадцать лет, жила я себе спокойно, пока не понравилась парню, который на год меня старше. Он стал за мной ухаживать, и я влюбилась в него. И уже вот второй год мы вместе. Но в последнее время мне стало казаться, что я ему разонравилась. Я простая девчонка, не выпиваю, не курю, в школе веду себя скромно. Может, именно это ему и не нравится? Он стал дружить с компанией крутых, там и девчонки есть. Я попробовала тоже стать крутой, но у меня ничего не получается. Видимо, это не в моем характере. А он просто смеется надо мной. Он ведь знает, что я его люблю. Но когда мы гуляем вместе, он всегда провожает меня до дома, целует, а на дискотеке не приглашает меня и все танцы танцует с другими девчонками.

Что мне делать – постараться забыть о нем или добиваться своей любви?

Света
г. Туапсе»

«Вот уже больше года я дружу с парнем. Он – симпатичный, и, как это бывает у красивых ребят, которые знают, что нравятся девушкам, в нем много гордости и самоуверенности. Я полюбила его, знала, что он меня тоже любит (много раз говорил об этом), и была счастлива своей судьбой. А потом он как-то странно изменился. Когда рядом с нами стоят его друзья, он всегда старается как-нибудь унижить меня, поставить в неловкое положение. Может, у него такая своеобразная любовь? Это не пустые слова: иногда после прогулок с ним и его друзьями у меня на теле синяки... Почему он так делает? Я не могу порвать с ним, потому что люблю его.

Я запуталась в своих чувствах. Понимаю, что это глупо, но у меня появилась мечта: пусть он всегда будет пьяным. Когда он пьян, он самый ласковый и любящий парень на свете!

Юлия, 15 лет
Курская область»

«Я не знаю даже, как рассказать, что со мной происходит. Мне нравятся мужчины, которые намного старше меня (мне восемнадцать), и мне совсем не интересны мои сверстники. Мои подруги гуляют с парнями двадцати – двадцати пяти лет, а я одна, хотя многие красивые ребята предлагали мне дружить с ними. Не знаю, может быть, это из-за того, что я встречалась

пять лет с парнем-ровесником и не очень хорошо с ним рассталась.

У нас есть сосед, ему тридцать пять лет. Вот он мне очень нравится. Он красивый мужчина, устроен в жизни, видимо, опытный. Но он женат. Его жене тридцать лет, она прекрасный человек. Мне кажется, что если я сделаю к этому мужчине первый шаг, он не откажется от моей любви. Ведь ему предложит себя молодая девушка, неопытная и ничего не испытывавшая, а мужчинам ведь нравится, когда женщина от них зависит! Девушка я бойкая и, мне кажется, смогу добиться своего, если захочу. Я хочу выйти замуж только за мужчину много старше себя и уверена, что буду с ним счастлива!

Марина
г. Ставрополь»

«Все меня знают как тихую шестнадцатилетнюю девчонку. Многие девушки в моем возрасте имеют парней или были влюблены, а у меня не было ни того, ни другого, хотя я симпатичная, высокая, хорошо одевающаяся девушка. Парни никогда не заигрывали со мной, как с моими подругами, – я им очень завидую! Может быть, я скучная или еще какая-нибудь? Наверное, нужно быть раскованной, веселой, жизнерадостной – но как это сделать?

На дискотеки летом я всегда хожу с сестрой. Мы никогда не остаемся в стороне, паца-

ны всегда рядом с нами. Но это не из-за меня, а из-за сестры! Пацаны хотят быть с ней, а не со мной. Я никому не нужна. Всего один раз парень обратил на меня внимание, но у нас ничего не вышло из-за того, что мне пришлось уехать. А мне так хочется дружить с нормальным пацаном! Но кому я такая нужна? Ведь я хочу хорошего парня, а хорошие и выбирают хороших, а не таких дур, как я!

К.Р.
г. Казань»

Можно было бы привести и другие письма, не только от девушек, но от парней – их в нашем архиве очень много. Но, наверное, нет в этом особого смысла: при всем многообразии жизненных ситуаций во всех письмах проблема одна и та же: как жить дальше, как любить и быть любимой, как строить свою жизнь, чтобы всё самое прекрасное не обошло стороной? Конечно, каждая ситуация неповторима, у каждого своя жизнь – и каждый написавший прежде всего думает о себе.

Но попробуем ответить всем сразу, почему – вы поймете позже. Мы попросили известного писателя Леонида ЖУХОВИЦКОГО прочитать нашу почту и поделиться своими мыслями о том, что волнует и тревожит авторов этих и других писем.

ВОЗРАСТ ПИСЕМ. Итак, письма. В редакцию таких приходит много. Да и я лично за те годы, что пишу (а вышло так, что пишу в основном о любви) получил подобных посланий уж никак не меньше двадцати тысяч. Удивляться особо нечему: старшие классы школы – это традиционный возраст любви, а, значит, и писем о любви. Почему пишут? На это есть вполне серьезная причина. Детство – время далеко не безоблачное, но у него свои пусть жестокие, но понятные правила. У взрослых – опять все трудно, порой страшно, но закономерности достаточно ясны. А вот не такой уж короткий период между детством и взрослостью – он, бывает, длится и десять лет – и труден, и жесток, и непонятен. Прежний опыт не годится, мир старых правил остался за спиной. А новые не освоены, опыта абсолютно никакого. И юный человек в этом тревожном, заманчивом, опасном мире практически одинок. Конечно, у девочки есть подруги, у парня друзья. Но много ли в них проку в драматический момент? Ну, скажет подружка, что все мужики сволочи, ну, объяснит приятель, что все бабы суки – сильно поможет? Все равно ведь всю жизнь в консервной банке не проживешь, и никуда тут не денешься: придется иметь дело и даже детей заводите все с теми же «сволочами» и «суками», потому что других где взять? Не на Марсе же!

Не стану утверждать, что письма, пришедшие в журнал, так уж интересны – обычные ситуации, обычные вопросы. Но это для меня они обычны. А вот для каждой девочки, написавшей в «Мы», ситуация чрезвычайная: решается если не вся жизнь, то уж точно солидный ее кусок. Даже год, прожитый тоскливо и одиноко, равен тяжелой болезни – а если этот год растянется на три, на пять, на всю жизнь?

Давать конкретные рекомендации я, наверное, не стану: для этого надо, как минимум, увидеть и саму девочку, и объект ее переживаний, и хоть полчаса, а лучше час с ними поговорить. Да и решать, любить или нет, каждой придется самостоятельно. Пожалуй, все, что я могу, – это объяснить девчонкам на пороге взрослости, что происходит с ними и вокруг. Даже опытному водителю в незнакомом городе помогает карта – хотя дорогу выбирает все равно сам...

НЕ БОЙСЯ ОПОЗДАТЬ!

Возраст любви – название прекрасное, но не совсем точное и уж, во всяком случае, не полное. Это еще и возраст острого, многостороннего, непредвиденного риска. И дети и взрослые по-своему прагматичны. А вот в юности разум слишком часто отключается: гормональный взрыв с такой силой туманит мозги, что шестнадцати, семнадцати, восемнадцатилетний человек часто не способен предсказать не то, что чужие,

но и собственные поступки. Возьмите хотя бы подоплеку дурацких подростковых изнасилований. Догадывается девочка, чем рискует? Еще как догадывается! Знает парень, что можно и в тюрьму загнать? Конечно же, знает. Так почему так легко идут на криминальную ситуацию? А это спросите у бунтующих гормонов!

Это я не к тому, что всю свою единственную молодость надо друг друга бояться и думать не о первых поцелуях, а о позоре, суде и небе в клеточку. Просто лучше свои и чужие желания оценивать с поправкой на этот самый гормональный взрыв. В событиях изменится не так уж много, только вместо оголтелого «люблю до безумия» происходящее с вами определите скромней и точней – «нравится».

Много глупого, а порой и непоправимого творится из панического страха опоздать.

В самом деле: никто же доподлинно не определил, в каком конкретно возрасте подходит последний срок для решающего прыжка через канаву. Аргументы сплошь и рядом возникают бытовые: все одноклассницы уже попробовали, а я что – дура? Правда, в реальности попробовали не все, однако в этом веселом забеге кому же хочется оказаться не в первой, а в последней тройке? Это все равно, что влезть в популярные «мини», когда все вокруг их давно относили. И вот тогда-то идут

в ход прежде безразличные знакомые по двору, приятели старшего брата, случайный парень, подошедший на дискотеке.

Бывают ситуации и экзотичней. Третьесортные музыканты из посредственных групп уже не удивляются, когда во время гастролей к ним в гостиничные номера буквально рвутся отчаянные школьницы, прекрасно знающие, что завтра ребята будут исполнять свои скромные шлягеры уже в другом городе. Тем не менее остаются на ночь, а под утро прокрадываются к выходу, порой даже не оставив телефон. Однако девчонки считают, что цель достигнута, и окровавленные трусики для них как красное знамя победы: отсчет своей женской жизни они ведут именно с этой даты. Будто аттестат получили.

Но не стоит обольщаться – женщинами они не стали и станут не скоро. Ведь главное в женщине – способность понять себя и мужчин. А торопливая и потому болезненная операция на гостиничной койке в этом плане значит слишком мало: все равно, что напороться на штакетину в заборе...

Для начала, наверное, надо понять, что суетиться нет причины. Когда приходит лучший возраст для начала взрослой жизни? Определить его, пожалуй, можно так: восемнадцать плюс-минус три года. То есть, с пятнадцати до двадцати одного. А ведь это уйма времени и уйма возмож-

ностей для выбора! Умная хозяйка даже картошку на рынке выбирает осматривательно: обойдет ряды, приглядится, приценится, а там уж и покупает. Любовь, как известно, не картошка – зачем же в панике цепляться за первое попавшееся?

Тем более что эта небольшая гирилка, лежащая на весах жизни, определяет слишком многое в женской судьбе...

КТО ПЕРЕВЕДЕТ ЧЕРЕЗ БОЛОТО? Народ зря не скажет. Не зря дошла до нас и невеселая старая пословица: «Не дай нам Бог жить в эпоху перемен»! И в самом деле, когда все вокруг зыбко, что-то рушится, что-то строится, а что, не понять, очень сложно устоять на ногах.

Однако избежать эпохи перемен никому еще никогда не удавалось. По той простой причине, что резкие повороты происходят не только в мире, не только в стране, но и в жизни каждого отдельного человека. И причины их не устранить – они внутри нас.

Физиологи и психологи знают несколько таких периодов.

Первый – около шестнадцати. Второй – около тридцати. Третий – около шестидесяти.

Примерно в эти годы в организме человека происходят существенные, переломные изменения. Примерно в эти годы в жизни человека происходят существенные социальные изменения. И, как это ни печально, примерно на эти

годы приходится пик самоубийств.

Шестнадцать лет, как уже сказано, возраст гормонального взрыва. Нечто вроде революции внутри нас. А революция, как правило, процесс стремительный, опасный, а часто и кровавый. Но не только буйство желаний и рост волос на теле определяют перелом. Это еще и время острейшего конфликта с миром.

Человек еще в школе, а его взгляд и мысль впереди, за ее стенами. Кем быть? Как жить? Куда стремиться?

Вопросы, от которых и мудрый одуреет.

Какое занятие предпочесть?

Любимое? Но, допустим, любишь ты медицину, но уже знаешь, что участковому врачу платят гроши. Так, может, разумнее готовиться в юридический – говорят, у всяких там адвокатов и аудиторов денег куры не клюют? С другой стороны, приятно ли всю жизнь копаться в законах, к которым душа не лежит? Не выйдет ли себе дороже? К тому же, адвокатов уже сегодня перебор, а первоклассный хирург или диагност тоже зарабатывает дай Бог всякому... Да, но получится ли из меня первоклассный?

Ладно, кем быть, авось, разберемся. Но ведь и еще есть проблема: как жить? Днями и ночами готовиться в тот же институт или насесть на родителей, чтобы сунули кому надо сколько надо? И потом – искать в предмете истину или

угождать преподавателю? Конечно, уважение к себе дорогого стоит, но ведь и карьера на дороге не валяется...

И, наконец, самое, может быть, важное: любовь. Без больших денег прожить можно, без высокой карьеры люди тоже обходятся. Но если в жизни тебя обошла любовь – нужна ли такая жизнь? А ведь сплошь и рядом приходится выбирать: желанная профессия или выгодная, карьера или любовь?

С кем советоваться? Кого слушать?

Вот недавно я получил очередное письмо. В нем пятнадцатилетняя Мила растерянно просит дать рекомендацию, на кого ориентироваться: мол, родители говорят одно, учителя другое, в газетах пишут и по ящику вещают третье. Кому верить? Чье решающее слово определит ее будущую судьбу?

Наверное, важно все. И все же, не обижая ни родителей, ни учителей, ни журналистов, я бы сказал девочке Миле, что в наибольшей степени ее судьбу определит первый мужчина. Именно он.

Сегодня, когда все в жизни достаточно легко, а презерватив с большой долей надежности помогает уберечься от неприятных последствий, первой ночи особого значения не придают: ведь что там ни случись, за ней будет и двадцать первая, и сто двадцать первая. Что, в принципе, верно.

Но в том-то и ловушка судьбы, что от первой ночи

в огромной мере зависит, какой будет и двадцать первая, и сто двадцать первая. Далеко не все поправимо...

В печати уже сообщалось о невероятном результате эксперимента, который провели селекционеры в Южной Африке. Они задумали скрестить обычную лошадь с зеброй, чтобы получить приплод, подходящий к местным условиям. Привели к кобылам самцов зебры, те добросовестно выполнили свое нехитрое дело – но, увы, ничего из этой затеи не вышло, никаких признаков беременности у кобыл не наблюдалось. Через какой-то срок о межконтинентальном сексе забыли, и кобыл традиционно отвели к жеребцам. Как же были потрясены не только владельцы кобыл, но и ученые, когда случка обычных кобыл с обычными жеребцами дала полосатый приплод! Причина могла быть только одна: в результате неудачного эксперимента в организме кобыл произошла генетическая перестройка. Выходит, старинная ироническая поговорка «Ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца» имеет два смысла: ребенок, не похожий на родителей, может появиться на свет и через несколько лет после визита «прохожего молодца».

Мы живем в эпоху свободного секса – это данность. Но не стоит ли девчонке, торопящейся в женщины, все же задуматься: а хочешь ли ты, чтобы твой будущий ребенок вдруг вышел похожим на под-

выпившего малого с дискотеки, шпанистого подростка из соседнего двора или накачанного дебила из спортивного клуба.

Впрочем, я не о физиологии... Не моя это тема.

Вольно или невольно первый мужчина чаще всего становится для начинающей женщины образцом на будущее, своеобразной точкой отсчета. Если он хам – она воспримет хамство как норму взрослой жизни. Если будет чересчур больно – она долгое время станет воспринимать постель как не слишком приятную обязанность. Любит стихи – войдет в мир стиха. Любит деньги – придется и ей полюбить деньги. Попадется сексуальный технарь – станет чваниться перед подружками количеством оргазмов. А если сильно повезет и первая ночь будет по первой любви – тогда всю жизнь на ее губах будет вкус меда...

В принципе, четырнадцать, пятнадцать, семнадцать лет – прекрасный, счастливый, завидный возраст. В эти годы и реки чистые, и леса зеленые, и небо днем в золоте, а ночью в алмазах. Вот только под ногами, к сожалению, не асфальт и не гравий, а болото. Так уж получается, что из одного жизненного периода в другой мы всегда идем по неверной, зыбкой, предельно опасной трясине. И, может, самая большая удача в жизни, если не кто попал, а очень любимый человек возьмет за руку и переведет через болото...

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Ему всего лишь двадцать четыре,
но он даже не может вспомнить время, когда он не был известен.
Он стал звездой, когда ему было всего лишь шесть лет,
и он был такой же, как и сейчас, похожий на небольшого ангелочка,
увенчанного нимбом, с дымчато-голубыми глазами...
Только не курил. Он успел жениться и развестись,
научился не только курить, но он всё тот же самый

МАККОЛЕЙ КАЛКИН – ЮНОША, КОТОРЫЙ МЕЧТАЕТ СТАТЬ МУЖЧИНОЙ

Это сейчас о нем стали забывать и неизвестно, когда бы вспомнили, если бы на экраны не вышла «Клубная мания». Самый известный в мире ребенок-звезда пришел в кино, когда ему было шесть лет, за следующие шесть снялся в четырнадцати фильмах, в пятнадцать попал в Книгу рекордов Гиннеса как самый высокооплачиваемый молодой актер, и до сих пор никто не смог превзойти эти достижения. Кино стало частью его жизни, но оно же превратило малыша в станок, печатающий деньги, для заработка родителям и машину, тиражирующую роли для довольно посредственных, но коммерчески выгодных фильмов.

Таковы правила шоу-бизнеса: на звездных детях словно бы стоит печать проклятия. Нередко юные дарования умирают молодыми, буквально до смерти замученные работой: родители просто лишают их детства, не оставляя своим отпрыскам времени на простые ребячьи радости, надеясь нажить капитал на их таланте. Подавляющее большинство вундеркиндов уходит в небытие после короткой вспышки славы, взрослея, они становятся самыми обычными людьми средних способностей, незаметными и не приспособленными к жизни. Если судьба, конечно, дает им возможность повзрослеть...

Триста лет назад всех удивил мальчик-феномен Христиан Генрих Хейнекен, родив-

шийся в 1721 году и известный как «дитя из Любека». Даже не удивление, а самый настоящий ужас охватил всех, когда вскоре после появления на свет он неожиданно заговорил и попросил принести ему Библию. Еще через год он мог называть имена всех персонажей из Ветхого Завета – это не поддавалось никакому объяснению, ему предсказывали фантастическое будущее и ни с чем не сравнимую славу. Увы, как это обычно и бывает с вундеркиндами, чудеса не состоялись – Христиан умер в четыре года. В памяти людской остались лишь легенды. Наверное, кинолегендой в конце концов станет и судьба Макколея Калкина...

Пока что кинопопоя Калкина повторяет судьбы многих сверхталантливых детей, в том числе и тех, кто продал свою душу Голливуду. Дети очень быстро растут, детское обаяние превращается в нудное, надоедающее однообразие, и у повзрослевших звезд остается лишь чувство разочарования, ностальгия по ушедшей славе, а самых слабых засасывает трясина алкоголя, наркотиков и даже преступного мира. Вспомним хотя бы Дрю Берримор, Джу-ди Гарланд или Дана Плату.

Природа наградила Калкина недюжинными актерскими способностями: уже в четыре года он попал в театр, где играл в детских спектаклях. Рекламные продюсеры быстро заметили мальчика, обладающего удивительной фото-

геничной внешностью, и вскоре его смазливую рожицу смогла лицезреть вся Америка сразу в нескольких рекламных роликах, а затем и на большом экране в фильмах «Ракета на Гибралтар» и «Увидимся утром». Но это было только начало.

Вскоре известный сценарист и режиссер Джон Худжес, подыскивавший исполнителя главной роли для своего фильма «Один дома», пригласил мальчугана на пробы. Едва увидев Мака, он сразу понял, что другого Кевина

МакКалистера просто быть не может: белобрысого, с ангельским личиком, пунцовыми губками, большими голубыми и наивными глазами, но очень смекалистого и с хорошим чувством юмора. В сжатые сроки был подписан контракт с кинокомпанией «20-й век и Фокс», и перед самым Рождеством семейный комедийный блокбастер вышел на экраны.

Картина вызвала небывалый ажиотаж. С какой трогательностью восьмилетнее дарование роняло на головы не-

задачливых грабителей гири и кирпичи, ломало конечности, вышибало зубы, поджигало и обливало кислотой... Голливудский чудо-ребенок, малолетний садюга и маньяк, проделывал всё это с трогательностью заспанного ребенка. «Один дома» стал самым кассовым фильмом 1991 года. Люди по несколько раз целыми семьями ходили смотреть на приключения Кевина МакКалистера. А маленький Мак стал Биг Маком, настоящей гордостью Америки. Он получил несколько номинаций и наград как лучшее открытие и лучший комедийный актер года, звание «Ребенок 1991».

Биг Мак продолжал играть в театре, билеты на его спектакли разлетались мгновенно, как горячие пирожки, снялся еще в двух фильмах, отметившись эпизодическими ролями. А пока он купался в лучах славы, Худжес, не теряя времени, настроил еще один сценарий про новые похождения МакКалистера. «Один дома 2: затерявшийся в Нью-Йор-

ке» вышел в 1992 году и снова стал одним из самых кассовых фильмов года.

Почти внезапно соседские дети, с которыми играл Мак, стали смотреть на него с благоговейным трепетом, и всюду, где бы он ни появлялся, на него смотрели кинокамеры. Он не мог ходить в школу и не из-за того, что был занят, а потому что у ворот дома его подстерегали шесть журналистских бригад. «Я никогда не ходил по школе и не говорил: “Я звезда, я звезда”, – уверяет Калкин. – Этого не было, точно. Более того, я старался не привлекать к себе внимание, насколько это было возможно. Конечно же, я замечал, что одноклассники смотрят на меня. Постепенно я начал осознавать, что моя жизнь изменилась. Но я не понимал, почему все люди стремятся взять у меня автограф. Я не мог, например, сходить в кино или просто так выйти на улицу погулять. Прохожие сразу же окружали меня. Я думал, что всё так и должно быть, и принимал всё как должное. Реальное понимание того, что ты звезда, пришлось намного позже, когда я оглянулся на прожитую жизнь».

«Всякий раз, когда мы направлялись куда-нибудь погулять, например, в Диснейленд, – вспоминает Кирен, младший брат звездного мальчика, – будь на нем даже кепка и солнечные очки, его сразу же окружали толпы людей и просили об автографе. Они буквально хватали его за

плечо, поворачивали, а потом кричали друзьям: "Точно, это он!"».

Звездное детство Макколя Калкина здорово помогло ему найти настоящих друзей по интересам. Первым из них стал поп-король Майкл Джексон, экс-ребенок-звезда, почувствовавший родственную душу такого же мальчика, каким когда-то был он сам. Майкл просто позвонил Маку и спросил: «Почему бы тебе с семьей не приехать ко мне в гости?» И прислал за гостями свой вертолет. Калкину, у которого дома были хорьки, кролики, коты и собаки, особенно понравился частный зверинец Джексона: «У него были жирафы, слоны, тигры, орангутанги, шимпанзе, страусы, ламы. Мы ездили вокруг них в машинах для гольфа и придумывали с ним клички для Черепашек-нинзя:

вместо Донателло я буду говорить Дон, вместо Леонардо – Лео, а Микеланджело – Микей. У него были все виды напитков и леденцов, возможных в мире вообще».

Они быстро сошлись, потому что у них было много общего. «У нас с ним было похожее детство, – говорит Калкин. – Майкл всё еще ребенок. Я тоже всё еще ребенок. Мы оба собираемся навсегда остаться в восьмилетнем возрасте, потому что у нас не было возможности быть лишь восьмилетними детьми, когда мы были ими на самом деле. Это красивая и проклятая часть нашей жизни. С этим положением не так легко справиться. Я рад, что Майкл помог мне пережить эту ситуацию. Майкл – один из самых лучших моих друзей в мире. Ну а теперь, когда я стал крестным отцом его детей, мы стали совсем родными людьми».

На пару с Элизабет Тейлор Мак стал крестным отцом сына Джексона, Принца Майкла, и его дочери Парис. А когда Джексон был обвинен в домогательствах по отношению к детям, Калкин публично признался: «Я хотел что-то сказать в его защиту, я всё время желаю сделать это, но мой отец заставил меня молчать и сделал всё для этого». Вообще Калкин-старший сыграл весьма заметную, можно сказать, драматическую роль в судьбе своего сына, став хозяином его детства, которого, по существу, не было.

С Майклом
Джексоном

С родителями и младшим братом Киреном

Папаша Кит Калкин деньги очень любил, любил и копил. По правде говоря, повод для этого был, хотя и весьма прагматичный, но довольно убедительный – не так-то просто обеспечить семью, насчитывающую семерых детей. Макколей Карсон Калкин, получивший свое имя в честь британского историка Томаса Бэбингтона Макколей и некого Кита Карсона, родился в Нью-Йорке 26 августа 1980 года. Все семеро детей Калкиных делили двухъярусную кровать в одной комнате, а их мать, Патрисия Брентран, работала телефонным оператором. «Это была в основном одна длинная прихожая с дверными проемами, но

без дверей, – вспоминает о их квартире Макколей. – Я полагаю, что мы просто не могли позволить себе купить двери. А нашей соседкой была театральный менеджер. Она знала нашу семью и полагала, что найдет кого-то нужного возраста и пола. И это был я».

Кит Калкин, который в детстве сам был актером, работавшим некогда с легендарным Лоренсом Оливье, был рад отдать сына в шоу-бизнес. «Они были настолько бедны, – говорит кастинговый директор Билли Хопкинс, – что я одолжил им мои собственные деньги, чтобы они смогли приходить на репетиции. Макколей ползал между рядами в театре, пыта-

ясь найти мелочь, которую могли потерять зрители».

Когда восьмилетний Мак получил свою первую роль в кино, все были на седьмом небе от счастья. «Я сообщил эту новость маме по телефону, – вспоминает он, – и она начала прыгать от радости и восторженно кричать: “Ты получил роль!” Это стало чем-то вроде традиции в нашей семье. Когда в четырнадцать лет я получил очередную роль, я тоже носился с криками по квартире. Для нас подобное известие всегда было радостью: мы были очень бедны. И лишь благодаря кино наша семья преуспела».

Кит Калкин бросил свою работу в католической церкви, чтобы управлять карьерой сынишки, и стал официально получать пятнадцать процентов от его заработка. «Я был тогда очень маленьким и не мог пойти в банк и самостоятельно обналичить свои чеки. За меня это делали родители, – вспоминает Калкин-младший. – Когда я получал свой очередной гонорар, родители обязательно делали мне какой-нибудь подарок и говорили: “Это тебе. Ты это заработал”. А деньги автоматически перечислялись на мой банковский счет, распоряжаться которым я не имел права, пока мне не исполнится восемнадцать лет. А когда я получил свою первую кредитную карточку, я купил себе эбеновую трость с серебряным наконечником за шестьсот долларов от радости, что я что-то могу купить сам.

Фактически Кит был для меня одновременно менеджером и отцом. В такой ситуации сложно найти золотую середину во взаимоотношениях. Отец жил за мой счет, то есть я буквально обеспечивал его существование. Он хотел, чтобы я много работал, не считаясь с тем, хочу я этого или нет. Он никогда не спрашивал меня, как я себя чувствую, могу ли продолжать работу над следующим фильмом или нет. А мне иногда так хотелось просто посидеть дома или даже сходить в школу. Он со мной не считался и со временем окончательно меня загнал.

Я помню пик своей усталости – это когда я снимался в “Хорошем сыне”. В этом го-

ду я уже сделал две вещи. Я помню, как подошел к отцу и сказал: "Послушай, я действительно устал. И мне, правда, сейчас нужно отдохнуть". Он ответил: "Да, конечно". И следующие слова, которые он сказал, навсегда врезались мне в душу: "Ничто не заставит меня остановиться"».

Папашу и впрямь очень мало интересовал вопрос о творческом развитии сына, то, кого и где он будет играть, его интересовали только суммы гонораров. Вместе с тем Калкин-старший пытался протаскать на голливудский рынок младших братьев и сестру Макколея. Поэтому одним из главных условий при подписании контрактов с кинокомпаниями было требование дать роль для кого-нибудь из младших Калкинов. Продюсерам приходилось соглашаться: Куинн получил роль в «Хорошем сыне», Рори – в «Богатеньком Риччи», Кирен – в «Одном-единственном». В прессе это получило название – «атака Калкиных на Голливуд». Гонорары Мака росли от фильма к фильму и в конечном итоге достигли восьми миллионов за картину, тем самым поставив его в один ряд с такими взрослыми звездами, как Брюс Уиллис и Мел Гибсон.

Однако беда состояла в том, что качество фильмов становилось обратно пропорциональным популярности звездного мальчика, они были откровенно слабыми и собирали в прокате копейки.

Он даже получил номинацию «худший актер 1994» за фильмы «Расквитавшийся с отцом» и «Богатенький Риччи» в своеобразном голливудском анти-«Оскаре» – «Золотая малина». А ведь еще год назад он был удостоен чести быть приглашенным на инаугурацию Билла Клинтона. Всё это и плюс непомерные запросы отца привели к тому, что ни одна кинокомпания не захотела иметь дело с Макколеем.

В июне 1995 года мать Макколея разошлась с супругом, обвинив его в том, что он развалил карьеру сына, практически лишив его шансов снова взойти на голливудский Олимп. Когда Патриция подала в суд с целью установления опеки над сыном, тот, наконец, узнал, что его состояние составляет пятьдесят миллионов долларов. «Мой отец не хотел показывать мне газеты, – с горечью говорит Мак, – чтобы я не смог прочитать, что пишут о нем, и чтобы я не смог узнать, сколько я зарабатывал. Когда отец исчез из зала суда, он украл все мои памятные вещи, которые я собрал за эти годы, мои рисунки. Я уверен, что все в нашей семье осознали, что его уход от нас пошел всем только на пользу. И я очень надеюсь, что в ближайшее время нам не удастся с ним встретиться. Во всяком случае, я этого очень не хочу».

Когда Кит покинул семью, у Мака, наконец, появилась собственная комната и куча

С Рэйчел Майнер

друзей, для которых его квартира стала своеобразным штабом этих псевдопанков. Каждому из них это давало ощущение свободы, независимости, возможность оторваться на полную катушку. «Я совершал кое-какие маленькие шалости, — признается Мак, — красил волосы в фиолетовый, розовый, оранжевый цвет...» Пресса сразу же почувствовала неладное и сделала вывод, что все годы своего отсутствия на экране Калкин потратил на борьбу с алкоголем и наркотиками. «Я бы не сказал, что у меня были серьезные проблемы. Я, конечно, пробовал и алкоголь и наркотики, но не больше, чем все остальные мои одноклассники, и никогда не нуждался в медицинской помощи», — уточняет актер. «Журналисты часто писали о его пивных вечеринках, — говорят бывшие одноклассники, — но он был столь же нормален, как

были бы вы, если стали бы суперзвездой и миллионером в восемь лет».

В конце концов взрослеющий мальчик решил заняться своим образованием в Нью-Йоркской профессиональной детской школе, где и познакомился с Рэйчел Майнер. Вообще-то, как признается Калкин, «мы болтались в одной большой компании, где у каждого была своя девушка или парень. Когда дело дошло до секса, я предложил ей: выходи за меня замуж, прежде чем мы снова сделаем это. В тот момент она собиралась переодеться и загримироваться. Она, не задумываясь, ответила: «Да» — и добавила: «А пока выйди отсюда, мне надо бежать на сцену». Это было потрясюще».

Любови, как известно, все возрасты покорны, но если реально смотреть на вещи, то чего можно ожидать от брака двух семнадцатилетних подростков? В общем,

через два года они разве-
лись, а у Мака начался новый
виток карьеры.

Как и пятнадцать лет назад,
Он начал покорение Голли-
вуда с театра. Спектакль на-
зывался «Мадам Мелвилл»,
а сам Калкин играл пятнадца-
тилетнего Карла, студента,
которого соблазняет учитель-
ница французского, которую
играла известная актриса
Ирен Жакоб. Спектакль де-
бютировал в одном из лондо-
нских театров. Работа Калки-
на оказалась более успеш-
ной, чем это можно было
предвидеть. «В Англии прес-
са не могла дождаться
премьеры, чтобы выжать из
него все соки», – писал изве-
стный театральный критик.
После того, как премьера
состоялась, и критики и зри-
тели сочли Калкина потряса-
ющим: «Он имеет красноре-
чивый язык тела и уверен-
ность в себе». Наблюдение за
игрой Калкина было «одним
из тех редких вечеров, когда
вы вдруг осознаете, что нахо-
дитесь в присутствии чего-то
необыкновенного, редкост-
ного», – писала газета «Дейли
Телеграф», называя его «аб-
солютно превосходным».

Калкин говорит, что одна
из тех вещей, которые прив-
лекли его в «Мадам Мел-
вилл», было то, что это была
«секси-роль». Это не самоу-
веренный красавец-мужчина,
а отчаянный мальчик. «Он
действительно показал эту
ужасную юношескую нелов-
кость и закомплексован-
ность, – сказал продюсер

спектакля. – Он напомнил
нам о той поре жизни, когда
ты еще мальчик, но так хо-
чешь стать мужчиной».

И Биг Мак изо всех сил
старался доказать это. После
развода с Рэйчел у него поя-
вилось новое серьезное ув-
лечение в лице Милы Кунис,
тоже актрисы (правда, сни-
малась она всё больше для
обложек мужских журналов),
причем украинского проис-
хождения: она родилась и вы-
росла в Киеве, а в возрасте
семи лет вместе с родителя-
ми переехала в Лос-Андже-
лес. А перед этим юноша здо-
рово оторвался с американс-
кой моделью Агатой Ролевой,
заставив журналистов изряд-
но поволноваться и дав газет-
там возможность напомнить
зрителям о том, что звездный
мальчик не канул в небытие.

Это было весьма кстати,
потому что, наконец, появи-
лась роль, достойная его,
калкинского, таланта. Так
спустя шесть лет Макколей
Калкин вернулся в кино.
Правда, как уверяет он сам,
«мне не нравится слово
“возвращение”. На самом
деле у меня не было намере-
ния возвращаться – с кино
было действительно покон-
чено. Я понимал, что для
большинства тех, кто им за-
нимается, – это всего лишь
способ делать деньги. А мне
это было не интересно. Поче-
му я решил сниматься
в фильме “Монстр вечера-
нок” (в российском прокате –
“Клубная мания”)? Потому
что попался действительно
хороший сценарий, потому

что я встретил по-настоящему талантливых людей, с которыми думаю в одном направлении. И смог сделать нечто совершенно отличное от того, что делал раньше».

Вот уж действительно совершенно отличное — роль гая-наркомана в фильме, в основу которого положена реальная история легендарного Майкла Элига, управляющего ночным клубом в Нью-Йорке, предводителя клуба подростков, называвших се-

бя «клубными мальчиками». Феномен «клубных деток», раскрашенных и разнаряженных героинщиков, о которых рассказывается от первого лица, возможно, и не заслуживал бы особого внимания, если бы история не закончилась убийством наркодилера и пожизненным заключением главного героя.

Помимо прочих подвигов, Элиг прославился еще и тем, что отправил на тот свет своего приятеля, шприцем введя ему вместо наркотика едкую щелочь для прочистки канализационных труб, а тело потом разрубил на мелкие кусочки и гордо об этом рассказывал. О такой роли Калкин мог только мечтать: роль полузабытого шалопая стала для полузабытого вундеркинда настоящим спасением.

Чтобы лучше понять душу своего прототипа, Биг Мак

тут же отправился в стриптиз-клуб и стал швыряться деньгами – служащие заведения насчитали более двух тысяч долларов. «Всё вокруг было залито шампанским по триста пятьдесят долларов за бутылку, он заказал более двадцати частных танцев и не видел перед собой ничего, кроме наших стриптизерш», – умилялся менеджер клуба. Чтобы окончательно войти в образ, Мак нанес Элигу визит в тюрьме, где «самый абсурдный преступник в мире» инструктировал и наставлял актера и рассказывал о том, как он пишет автобиографическую книгу под названием «Элигула».

Говорят, что фильм был положительно принят критиками, его показывали на кинофестивале в Юте и на «Берли-

нале» в Берлине. Хотя, как отмечалось в обзоре фильмов одного из российских журналов, «зрелище виляющего задом и всплескивающего ручками любимца Америки граничит с детской порнографией». Но как бы то ни было, Макколей Калкин постепенно вливается в обыденную голливудскую жизнь, и вслед за «Клубной манией» снялся в следующем фильме – «Спасенные». Так что если принимать во внимание только лишь возраст, то, по большому счету, он уже взрослый. Однако, как признается звездный мальчик, «мне кажется, я навсегда останусь ребенком, и мне по-прежнему девять лет». Хотя, конечно, как и всякий юноша, он тоже мечтает стать мужчиной.

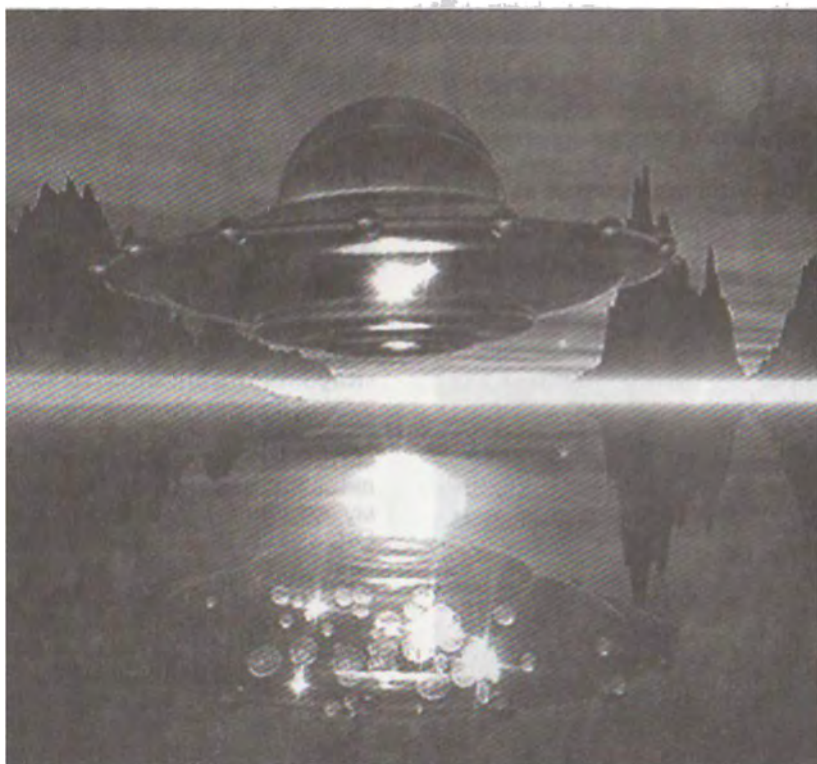
Ал. БРОДНИКОВ

НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Уфологи, занимающиеся неопознанными летающими объектами, традиционно обращают больше внимания на те случаи появления НЛО, которые регистрируются в небе над земной твердью. Между тем эти загадочные объекты давно освоили океаны и моря, о чем мы, простые смертные, даже не подозреваем...

Сергей ДЕМКИН

ТАЙНА МОРСКИХ ГЛУБИН

Если проанализировать сообщения о прилетах и отлетах НЛО, то обнаруживается любопытный факт: в подавляющем большинстве случаев они появляются со стороны моря и исчезают из поля зрения наблюдателей в том же направлении. Больше того: еще в позапрошлом веке, когда на суше об этих объектах практически никто не слышал, моряки неоднократно видели их в открытом море. И не просто дивились на необычное зрелище, а фиксировали происходившее в судовых журналах, что, конечно же, говорит о достоверности таких встреч с НЛО.

Так, 18 июня 1845 года, когда судно «Виктория» находилось к югу от острова Сицилия, его экипаж наблюдал медленный подъем из глубины моря трех ослепительных дисков. Моряки даже сумели рассмотреть, что эти диски были соединены друг с другом тонкими светящимися стержнями. Причем, приблизившись к поверхности, они опять ушли в глубину. Очевидно, в последний момент энтонавты обнаружили «Викторию» и не хотели, чтобы их видели с судна.

Большое число таких свидетельств приводит английский исследователь Чарльз Форт в своей «Книге проклятых», вышедшей в Лондоне в 1919 году. Например, в мае 1880 года с парохода «Патна», принадлежавшего Британско-Индийской компании, заметили два больших светящихся колеса по обе стороны

судна в непосредственной близости к нему. Опасаясь столкновения с непонятными предметами, несший вахту третий помощник Маннинг вызвал на мостик капитана Аверна, который в ту ночь также стал свидетелем необычного явления.

В каждом колесе было по шестнадцать спиц, и, хотя колеса были диаметром от четырехсот пятидесяти до пятисот пятидесяти метров, спицы хорошо просматривались по всей их длине. Казалось, что фосфоресцирующее сияние скользило по гладкой поверхности моря, однако в воздухе над водой не было видно никакого света. В течение двадцати минут колеса перемещались вместе с судном, как бы сопровождая его, а затем неожиданно исчезли.

Форт и сам был свидетелем присутствия подводного НЛО, как стало ясно теперь, когда в 1906 году находился в Оманском заливе. Их судно шло близко от берега, когда вахтенный заметил впереди отмель, охваченную ровным свечением. «На расстоянии всего двадцати ярдов* от нее, - пишет Форт, - вдруг появились сверкающие лучи и стали скользить по корпусу судна с огромной скоростью, которую можно оценить как находящуюся где-то между 20 и 200 милями в час. Эти световые полосы отделялись друг от друга промежутками в 20 футов и следовали друг за

* Ярд – английская мера длины. В одном ярде (0,9144 метра) – 3 фута.

другом в высшей степени нерегулярно. Сначала они осветили нас с борта, и я заметил, что заслоняющий их корабль не оказывал никакого воздействия на лучи света: они начинались от противоположного берега и словно проходили сквозь этот корабль. Лучи исходили из чего-то, находящегося ниже поверхности воды. С течением времени частота вспышек сократилась до двух в секунду, а в 19.26 они и вовсе исчезли».

В наши дни встречи судов с подводными НЛО происходят постоянно, хотя в популярной периодике о них сообщается далеко не всегда. Для того, чтобы проиллюстрировать, насколько эти загадочные объекты освоили не только океаны и моря, но и озера, приведем лишь наиболее характерные случаи за последние десятилетия.

В январе 1960 года сторожевые корабли аргентинского ВМФ обнаружили с помощью сонара две, как позднее было написано в отчете об этом ЧП, подводные лодки необычной формы. Одна из них лежала на грунте, а вторая совершала вокруг нее какие-то сложные маневры. К району обнаружения неизвестных подводных лодок срочно подошла группа противолодочных кораблей, и после того, как обычными средствами предупреждения не удалось добиться, чтобы лодки всплыли, были применены глубинные бомбы. Их взрывали так много, что у тех,

кто находился под водой, не осталось никаких шансов уцелеть.

Однако к величайшему изумлению аргентинских моряков обе «субмарины» всплыли на поверхность и стали быстро уходить из этого района. У странных объектов были огромные шаровидные рубки и корпуса необычной формы, не похожие ни на один современный корабль. Аргентинцы бросились в погоню за ними, но разница в скорости была слишком велика, и они стали отставать. Тогда сторожевики открыли по субмаринам огонь из орудий. Тогда те вновь погрузились. Причем с невероятной быстротой – всего за две-три секунды. После этого на экранах сонаров стали происходить настоящие чудеса: сначала на них были две подводные лодки, затем четыре и, наконец, целых шесть! Эта подводная флотилия развила огромную скорость и в считанные минуты исчезла в глубинах Атлантики.

И вот что удивительно: судя по характерному звуковому «следу», фиксировавшемуся сонарами, эта же «субмарина» (или сходный с ней подводный объект) через две недели появилась в Карибском море, а через два месяца – в Средиземном. В конце же 1960 года за ней гонялись уже корабли Тихоокеанского флота США в районе Сиэтла. Впрочем, тоже безуспешно.

В 1963 году в Атлантике у берегов Пуэрто-Рико анало-

гичный случай с подводным НЛО произошел во время противолодочных учений кораблей 9-го авианесущего соединения ВМС США. В отчете американского аналитика профессора Андерсона указано, что, «когда лидер группировки авианосец «Уосп» в окружении кораблей эскорта готовился к отражению учебной атаки подводной лодки противника, которой в действительности не было, на экранах сонаров появился неопознанный подводный объект на глубине пяти (!) километров».

Офицеры штаба переполошились: в то время, как и теперь, не было подводных лодок, способных погружаться на глубину более полутора километров. Однако сонары упорно показывали, что некий объект не только находится на запредельной глубине, но еще и перемещается с невероятной скоростью – 150 узлов, в то время как даже самый быстроходные подлодки развивают скорость не выше 45 узлов.

После этого американцам стало ясно, что они имеют дело не с чьей-то субмариной, а с подводным НЛО, точнее – с НПО, неопознанным подводным объектом. Он прошел под кораблями эскорта и снова устремился в глубину, опустившись на два километра за несколько минут. По законам гидродинамики такой резкий перепад давления неизбежно вызвал бы разрушение даже самого прочного корпуса подлодки. Но фан-

тастический НПО не подчинился этим законам.

Это заставило командира 9-го авианесущего соединения прервать противолодочные учения. По плану против условной подводной лодки предусматривалось применение самонаводящихся торпед и глубинных бомб. Но поскольку невозможно было предвидеть, как отреагирует на это НПО, от торпед и бомб решили отказаться. Таким образом, учения оказались сорванными. От всего этого чрезвычайного происшествия остались лишь рапорты и донесения командующему Атлантическим флотом ВМС США в Норфолке да записи в вахтенных журналах об «ультрабыстроходном подводном корабле с одним винтом или сходным по характеристикам устройством».

Впрочем, с подводными НЛО сталкивались не только военные моряки. Во второй половине дня 20 июля 1967 года команда аргентинского судна «Навьеро», находившегося неподалеку от побережья Бразилии, наблюдала рядом и под ним ярко светящийся объект, имевший форму сигары длиной около 35-37 метров. В 1972 году в полярных районах Атлантики проводились маневры под кодовым названием «Дип фриз». Учения проходили в сложной ледовой обстановке и обеспечивались ледоколами. На борту одного из них находился известный полярный исследователь Рубенс Дж. Виллел, который вместе

с вахтенным офицером и рулевым стал свидетелем подводного старта НЛО. «Внезапно, пробив почти трехметровую толщу льда, из глубин вынырнуло шаровидное серебристое тело и на огромной скорости исчезло в небе, - пишет Виллел. - Объект имел в диаметре не менее 12 ярдов, но пробитая им полынья было намного больше. Причем студеная вода в ней была покрыта клубами пара, очевидно, от раскаленной обшивки этого шара». А в 1990 году вылет трех НЛО из-под воды в Беринговом проливе наблюдали академик Римилей Авраменко со своими учеными коллегами.

Во многих случаях о присутствии неопознанных подводных объектов говорят необычные световые явления. В 1973 году свидетелем такого феномена стал экипаж советского теплохода «Антон Макаренко». Корабль шел Малакским проливом. В два часа ночи пять моряков, в их числе и капитан Е.В. Лысенко, вышли на палубу. О том, что произошло дальше, позднее он рассказывал так:

«Был полный штиль, ночь тихая, темная, без луны, да и звезды не проглядывались. Вначале на волнах появились светящиеся пятна. Их становилось все больше и больше. Затем они вытянулись в линии метров шести – восьми шириной. С мостика судна просматривалось пространство до двенадцати миль, и все оно было заполнено светящимися, строго начерчен-

ными линиями с промежутками метров в сорок. Стало очень светло, как будто месяц на небе появился. Свечение холодноватое, серебристое и достаточно яркое. Судно шло как будто по разлинованной страницe! Но затем линии стали искажаться. Они закружились, как спицы гигантского колеса, эпицентр которого был несколько сзади судна. Вращение – небыстрое, ровное. Зрелище необыкновенное и незабываемое. Дошло до того, что у нас, бывалых моряков, закружилась голова, появилась тошнота, как если бы мы кружились на карусели. Вращение продолжалось минут 40-50, а потом все исчезло».

Сходные феномены, но только меньших масштабов, наблюдали моряки и других судов. Например, с английского сухогруза «Телемахус» в Сиамском заливе видели под водой лучи света, которые пульсировали с частотой три вспышки в секунду. Потом лучи, бывшие до этого параллельными, стали превращаться в окружности, которые начали вращаться вокруг центра, находившегося на большом удалении от судна. А научное судно «Владимир Воробьев» шло по Аравийскому морю, когда начальника рейса Э.Петренко вызвал на мостик штурман и вместо рапорта показал на воду: вокруг судна в радиусе ста пятидесяти – двухсот метров вращалось против часовой стрелки яркое белое пятно, распадаясь на восемь час-

тей. Эхолот фиксировал глубину 170 метров и одновременно показывал присутствие под килем какого-то объекта на глубине двадцать метров.

Спустя год стали известны некоторые подробности необычного явления. «Этот случай заинтересовал секцию подводных исследований океанографической комиссии Академии наук, – пишет известный уфолог В.Ажажа. – Дорасследование показало, что в момент, предшествовавший этому явлению, вышел из строя электрогенератор, дающий питание на траловую лебедку. А вокруг судна наблюдались вспышки какого-то неестественного света. Он пробегал волнами в форме восьми загнутых вращающихся лучей, напоминающих лопасти турбины. Через полчаса свечение ослабло, а диаметр «колеса» уменьшился до восьмидесяти – ста метров. И хотя не было слышно никаких звуков, члены экипажа чувствовали как бы давление на барабанные перепонки. При этом на поверхности моря наблюдались легкие волны и создавалось впечатление вибрации воды».

А теперь приведем еще одно свидетельство – Михаила Бражника, которое наиболее полно описывает, как проявлял себя неопознанные подводные объекты, которыми, скорее всего, являются НЛО:

«С 1984-го по 1991 год мне по долгу службы пришлось

четырежды побывать в Персидском заливе. Как зона боевых действий, этот район был наиболее интересен с точки зрения возникновения аномальных явлений. Впервые я побывал там как командир корабля. А затем командование посылало меня в этот район «старшим по борту», кем-то вроде капитана-наставника, офицера-судоводителя, хорошо знакомого с районом плавания.

Итак, 1990 год. Конец мая – начало июня. Я привел в Персидский залив очередной корабль, проверил командира, сдал корабль штабу Восьмой оперативной эскадры. В то время ей командовал адмирал Сергеев. Он-то и предложил мне пересечь на борт большого противолодочного корабля «Адмирал Трибуц» и совершить заход в Абу-Даби в ожидании okazji для возвращения в Союз. Я согласился.

Вечер, время – около 20.00. Мы вышли из территориальных вод Объединенных Арабских Эмиратов, держа курс на юго-восток, на Оманский пролив. Был полный штиль, температура воздуха примерно плюс 42 градуса, воды – 27-28, облачность – ноль баллов, видимость – полная ночная. Я поднялся на мостик к командиру, с которым успел подружиться. Там меня и застал доклад сигнальщик: «Слева – подводный объект». За минуту до этого доклада я обратил внимание командира на странные отб-

лески светло-зеленого цвета на переборках и подволоке ходового поста. Средства электронного наблюдения за воздушной, надводной и подводной обстановкой ничего не показывали.

Мы с командиром выскочили на крыло ходового мостика. Слева по борту, на дистанции шестьдесят-семьдесят кабельтовых*, на глубине пятидесяти-ста метров вращалось громадное «тележное колесо» какого-то призрачно-зеленого цвета. Центральная втулка диаметром пять-шесть кабельтовых, от нее длинные лучи-спицы. «Обода» я не видел. Свет и цвет явления призрачный, размыто-туманный, но очень яркий. Он затмевал свет ходовых огней корабля. Догоняя корабль с кормы, очередной луч пробегал все сто пятьдесят с лишним метров его длины примерно за четыре секунды.

По роду службы в штабе крупного объединения разнородных сил Северного флота я знал, что при штабах флотов существуют тщательно замаскированные отделы по изучению эффекта НЛО. Командиры крупных соединений в море имеют на сей счет соответствующие указания. Наблюдавшееся нами явление продолжалось тридцать пять – сорок минут, постепенно затухая, как если б его «выключали» реостатом, наподобие люстры.

* Кабельтов – морская мера длины, равная 185,2 метра, или 0,1 морской мили.

Вспоминается мне и более ранний эпизод, относящийся к осени 1970-го или 1971 года. Я служил тогда командиром минно-торпедной боевой части на большом противолодочном корабле «Стройный». Находились мы западнее Великобритании. Очень раннее утро. Я заступил на вахту с 4.00 до 8.00 утра вахтенным офицером. Курс юго-запад, ход экономный, около четырнадцати узлов. В действии одна газовая турбина из четырех, свободная от вахты команда спит. Командир после ночного бдения ушел подремать. Волнение на море не более двух-трех баллов, встречный бриз, облачность один-два балла, видимость полная.

Я находился у огражденного светонепроницаемыми шторами столика автопрокладки курса, когда получил доклад старшины сигнальной вахты: «Цель воздушная, дистанция сто пятьдесят кабельтовых». При этом радиолокационная станция не видела ничего! Я прильнул биноклем к левому лобовому стеклу ходового поста: над самым горизонтом в воздухе висела странная конструкция – ажурная, симметричная, в виде черного ромба. Первое впечатление – буровые вышки, сложенные основаниями. Ясно различались ажурные переплеты крепления.

Затем пришло понимание: что-то здесь не так. Если это мираж, то где основание, платформа буровой? И вообще, какая буровая в Атланти-

ке на многокилометровых глубинах? Интересно, что у меня наблюдалась какая-то заторможенность восприятия необычного явления, и при этом никакого удивления или страха. И какое-то подсознательное ощущение полной безопасности для корабля. На всякий случай я вызвал группу визуальной разведки, еще раз запросил боевой информационный пост. Ответ был однозначен: «Горизонт чист».

Возня на мостике разбудила командира. Вникнув в обстановку, он отдал необычное приказание: «Всем главным турбинам запуск, техническим средствам – готовность один. Через десять минут – полная боевая скорость!» Но полная боевая скорость – это бой! Очень дорогое мероприятие.

Сыграли «боевую тревогу». Взвыли и нестерпимо завизжали турбины и турбогенераторы; вместо белесого дыма над горловинами спаренных труб зазмеились вихри раскаленных выхлопных газов; завибрировали с давящим грудную клетку ревом жалюзи громадных воздухозаборников, заглатывая и жадно прогоняя вниз гигантские потоки воздуха; дважды «квакнули» ревуны машинных телеграфов, отработав дубль «стоп – полный вперед».

Почти сорок минут продолжался бег-полет стальной махины корабля. Между тем странный предмет не приближался! Не появился он и на экране локаторов, ни

как не проявил себя и в работе пассивных средств электронной разведки. А затем вдруг засветился изнутри слепящим глаза белым светом и очень плавно ушел в зенит, затерялся в лучах восходящего солнца.

Любопытная деталь: командир корабля капитан третьего ранга В.А.Воробьев после этого похода был назначен как раз в тот самый отдел штаба Северного флота, который занимался сбором и анализом данных об НЛО и других паранормальных явлениях. Может быть, он уже тогда знал о предстоящем назначении? Во всяком случае, сразу после отбоя тревоги командир лично изъяс «Журнал разведки», все зарисовки и пленки группы визуальной разведки. Больше их никогда не видели».

Изредка между ВМФ и НЛО происходили довольно опасные инциденты. Так, 7 октября 1977 года радисты плавучей базы Северного флота в течение восемнадцати минут не могли вызвать на помощь авиацию, когда базу блокировали девять НЛО. Как только они закончили свой «хоровод» над кораблями, связь восстановилась. А в конце декабря 1989 года над бухтой Тихой вблизи Владивостока под огонь корабельной артиллерии попал треугольный НЛО, появившийся из морских глубин. К счастью, он не обратил внимания на «грубость» и быстро переместился в сторону города.

Но НЛО встречаются не только в океанах и морях. Их наблюдают и во внутренних водоемах. Например, в Америке они облюбовали для своих визитов Великие озера. В Советском Союзе их «купания» в озерах неоднократно засекались средствами ПВО. В частности, приборы базы слежения за спутниками на Памире зафиксировали погружения НЛО в высокогорное озеро Сарез.

Летом 1982 года начальник водолазной службы войск Министерства обороны СССР генерал-майор В. Демьяненко на окружных сборах командного состава подверг резкой критике непродуманные действия некоторых своих подчиненных. Незадолго до этого на западном берегу Байкала водолазы-разведчики во время учебных погружений неоднократно встречали в ледяной воде озера неведомых подводных пловцов в облегающих серебристых комбинезонах. Они были очень похожи на людей, но огром-

ного, почти трехметрового роста. К тому же на глубине пятидесяти метров у них не было ни аквалангов, ни каких бы то ни было иных аппаратов для дыхания – только шаровидные шлемы на голове. Они передвигались под водой с большой скоростью и вели наблюдение за районом учебных спусков водолазов.

Встревоженное командование решило задержать «неопознанных ныряльщиков», для чего семь водолазов во главе с офицером попытались набросить сеть на одного из них. Результат неудавшегося захвата был плачевным: все нападавшие были выброшены на поверхность воды каким-то мощным импульсом. Из-за резкого перепада давления при мгновенном подъеме вся группа серьезно пострадала от приступа «кессонной болезни». Трое из водолазов скончались, а четверо стали инвалидами.

Вскоре после этого случая вышел соответствующий приказ главкома сухопутных

войск, в котором критиковалась «самодеятельность» подводников Сибирского и Забайкальского округов. Среди прочего в приказе перечислялись глубоководные озера, где подводникам следует быть особенно осторожными, так как в этих озерах наблюдались спуски и всплытия дисков и шаров, подводные свечения и другие аномальные явления.

Существуют различные гипотезы, объясняющие такую повышенную активность НЛО на водных акваториях Земли. Согласно наиболее приемлемой версии, иноземляне спускаются в глубины океанов и морей для строительства там своих подводных баз и лабораторий. Судя по технологии НЛО, это вполне возможно. Корабль-«матка» диаметром около полутора километров опускается на дно и с помощью роботов строит там базу или лабораторию. Потом он всплывает и улетает, оставляя после себя оборудованный всем необходимым подводный объект, который затем периодически посещают другие НЛО. Причем не исключено, что они же обследуют обширные участки морского дна, не поднимаясь на поверхность.

В пользу этой гипотезы говорит очень важное открытие, сделанное недавно американскими океанологами. Речь идет о знаменитом Бермудском треугольнике между полуостровом Флорида, Бермудскими островами и Пуэрто-

Рико. Несколько лет назад разведка ВМС США установила, что в этом районе наблюдаются взлеты различного вида НЛО из подводного положения, а также их вход в море. Причем при выходе неопознанных летающих объектов из глубин в атмосферу на поверхности воды сначала возникает газовая полусфера диаметром в несколько десятков метров, сквозь которую и взлетают НЛО.

А недавно американское гидрологическое судно совершенно случайно обнаружило в центре Бермудского треугольника огромную подводную пирамиду. Проработав в этом квадрате целый месяц, ученые получили поразительные данные о ее форме и материале, из которого она сделана. Судя по характеристикам эхо-сигналов, отражающихся от поверхности пирамиды, ее грани изготовлены из материала, похожего на стекло или полированную керамику. Они абсолютно чистые и гладкие, что совершенно не характерно для объекта, длительное время находящегося на дне океана. А то, что пирамида существует очень давно, не вызывает сомнения.

Впрочем, однозначное объяснение, зачем НЛО погружаются в глубины вод океанских, морских и даже озерных, сегодня не может дать никто. Хотя бы потому, что они до сих пор изучены недостаточно хорошо, во всяком случае, хуже, чем ближний космос.

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

«Человек – это стиль», – писал Антон Павлович Чехов. И вот уже целый век мы с ним соглашаемся, цитируем, используем как аргумент в споре. Никому и в голову за эти сто лет не пришло оспорить сие утверждение. Но что такое стиль? «Образ, вкус, манера поведения», – пишет Владимир Даль в своем «Толковом словаре». И если согласится со знатоком и толкователем русского языка, то, наверное, придется согласиться и с теми, кто считает, что нет на планете другого такого места, где был бы представлен весь мыслимый спектр стилей (образов, вкусов, манер поведения), как Голливуд. Именно в Голливуде «образ» имеет наипервейшее значение. Каким ты лепишь себя? По чьему образу и подобию создаешь? Пополняешь ряды чувственных блондинок или злокозненных брюнеток? Хрупких травести или накаченных дев-оительниц? Ироничных интеллектуалок или девушек, живущих по соседству? Кто ты: сама робость или неиссякаемая энергия? Наивное дитя или секс-символ? Кто ты? Выбери свой образ и работай над ним, шлифуй, оттачивай, отрабатывай каждую минуту походку, взгляд, поворот головы, характерную особенность держать чашку, подносить ко рту бокал, носить шляпку, сумочку и все остальное от трусов до манти... – короче, «сделай себя сам», сделай себя похожим или непохо-

жим, но сделай себя. Конечно, не всем «делателям» удастся получить самую ценную награду – оказаться названным «самым стильным человеком планеты». Многие получают от критиков определения «самый безвкусный актер, актриса», но это их мало огорчает, потому что, во-первых, «а судьи кто?», а во-вторых, в Голливуде главное быть «самым», то есть лидером, то есть первачком, а какой уж список ты там возглавляешь – какая разница? И потом некоторые казуистически устроенные мозги могут возразить своим критикам, что отсутствие стиля или полное пренебрежение таковым – это тоже стиль. Думаю, мало кто им поверит. Если же говорить все-таки о стиле, о законодателях стиля, то при-

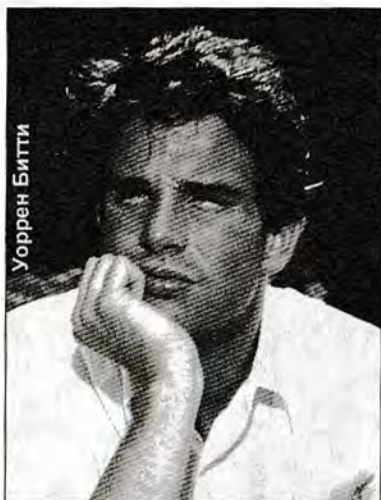

Стив Маккин

дется вслед за американским журналом «Премьер» ограничить число страждущих претендентов на это звание.

Среди самых стильных актеров-икон оказался Стив Маккуин, сыгравший в фильмах шестидесятых-семидесятых «Великолепная семерка», «Ад в поднебесье», «Буллит», «Афера Томаса Крауна», «Мотылек». Внешне он был простоват, но чрезвычайно обаятелен и мужественен. И его герои подкупали своей ироничной насмешливостью, за которой скрывалось умение постоять за себя и своих парней. Он носил майки с коротким рукавом и джинсы «Levi's» и говорил о себе: «Я немного чокнутый. Но в целом хороший парень». Маккуин был спортсменом, но титул секс-символа получил не благодаря ролям или мускулистому телу, а благодаря сильному мужскому началу, которое было органическим свойством его природы и его образа.

В списке актеров также имя Уоррена Битти, человека и актера совершенно иного образа, иной энергетики. Уоррен Битти, знаменитый Клайд из фильма «Бонни и Клайд», гангстер Бенджамин Сигел из фильма «Багси», автор (продюсер, режиссер, исполнитель главной роли) фильма «Красные», постановщик и исполнитель комикса «Дик Трейси», — кого бы ни играл, гангстера или преуспевающего бизнесмена, простака или интеллектуала, он всегда оставался воплощенным спокойствием. Хладнокровный, невозмутимый, приветливо улыбающийся в самые критические моменты жизни — вот таким был образ Уоррена Битти. Из этого

Уоррен Битти

образа родилась и его слава эротомана, способного угодить любой женщине. До 44 лет Битти считался самым завидным холостяком Голливуда и самым легендарным любовником. Голливудские бульварные статистики сумели посчитать, что по количеству любовниц он обставил всех своих коллег за все время существования кинематографа, причем ни одна из «бывших» никогда не произнесла о нем ни единого дурного слова. А это, сами знаете, редкость и дорогого стоит.

Женщины, что естественно, представлены Катрин Денев, актрисой, которую давно возвели на пьедестал «самого совершенства». Идеальные черты лица, классическая гармония линий, помноженная на внутреннюю гармонию, покой и достоинство — короче, одухотворенная красота. Один критик написал, что, в какой бы стране ни родилась Денев, любая была бы счастлива считать лицо актрисы своим ли-

цом. Повезло Франции, которая лицо Катрин Денев сделало прообразом Марианны, девушки, олицетворяющей Францию. Она играла проститутку, королев, вампирш, простушек, буржуа-

зок, аристократок, к ее исполнительской манере можно относиться по-разному, но никто не рискнет оспаривать у нее титула королевы национального кино. Она была музой Ив Сен Лорана, идеалом Шанель. В возрасте 59 лет она – единственная женщина, не замешанная в скандалах, единственная актриса, продолжающая активно сниматься, сохранившая форму и не утратившая интеллигентности, дружелюбия по отношению к молодым коллегам, очарования вечной женственности.

В число артистов, ставших иконами для своих народов и для многих поколений зрителей, согласно выбору «Премьера», попали Фред Астер, которого называли Джеймсом Бондом в танце, истым джентльменом; Сэлма Хайек, брюнетка, никогда не улыбающаяся перед камерой, преданная искусству и закрытая для той пошлости, которая неиз-

менно сопровождает звезд и именуется «издержками профессии»; Джордж Клуни, о котором было изумительно сказано: человек «глаза, улыбка, кожа которого, да и весь он выглядит так, будто одет в бархат»; Одри Хелберн, рожденная для мира моды, избранная образом Живанши, но ставшая кинозвездой с такой сильной аурой, что до сих пор восхищают ее «Римские каникулы» или Наташа Ростова.

Наконец, в число самых стильных актеров Голливуда попала Холли Берри, лауреат премии «Оскар» и последняя девушка Джеймса Бонда, прекрасная, гордая и блистательная.

Новое появление Холли Берри в фильме **«Готика»** французского режиссера Мэттью Кассовитца оказалось как нельзя более кстати. Если участие в бондиане —

знак особого рода популярности, признанной стильности человека, то участие в «Готике» оказалось как нельзя более кстати, дабы убедиться в актерских возможностях Берри.

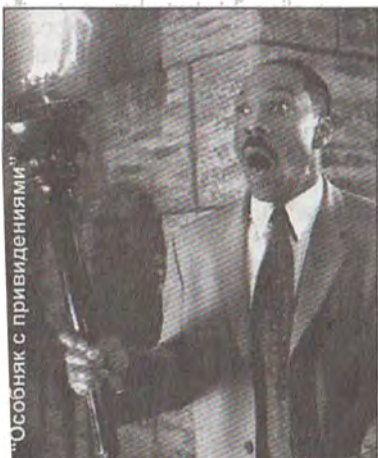
36-летний француз Мэттью Кассовитц, актер, режиссер, сценарист, снимался в фильме «Амели», который и стал его визитной карточкой. Замеченный американским продюсером Джоелом Сильвером (ответственным за все три «Матрицы»), он снял свой первый голливудский фильм «Готика», предложив Холли Берри роль врача-психиатра. Фильм актриса охарактеризовала одним словом: «Страшно». Берри играет доктора Миранду Грэй, которую обвиняют в убийстве собственного мужа. Всё против нее, кроме одного — женщина ничего не пом-

нит. Ее помещают в собственную клинику, чтобы бывшие коллеги разобрались, чем вызвана амнезия и что забыла доктор Грэй. Свой хоррор Кассовитц построил не на спецэффектах, а на абсолютно реальном, потустороннем страхе. Если допустить, что два эти противоположные по смыслу слова – «реальный» и «потусторонний» – могут стоять рядом, через запятую, то страх появляется уже до начала фильма. Европейскость в американском жанровом кино – также вещь весьма и весьма обнадеживающая. Естественно, для тех, кто ценит авторство и нетривиальность ходов и приемов.

Еще одна потусторонняя картина, но с весьма сомнительными и совершенно посюсторонними остротами, – **«Особняк с привидениями»** режиссера Роба Минкоффа с Эдди Мерфи в главной роли. Думаю, с некоторых пор на фильмы с Эдди Мерфи следует вешать бирочку «Special for...», то есть «специально для ценителей Эдди Мер-

фи», которая, как говорится, «еще надо посмотреть», о ком говорит больше: об Эдди Мерфи или о так называемых «ценителях». Новая комедия снята режиссером, хорошо зарекомендовавшим себя фильмами «Король Лев» и «Маленький Стюарт». Предложение поработать с Эдди Мерфи Роб Минкофф встретил с видимым энтузиазмом. Первое, что он сделал, – переписал сценарий, который, мол, должен быть блестящим, чтобы Эдди мог развернуться во всей своей комедийной мощи. Думаю, с этого начинали все, кто в последние лет этак десять пытались вернуть «полицейскому с Беверли Хиллз» былую славу. Далее Минкофф усилил окружение, надеясь, что, на худой конец, оно сумеет «сыграть короля». В нашем случае короля комедии. Так в фильме появились Дженнифер Тилли, Теренс Стэмп, Уоллес Шоун. Что же до сюжета, то нетрудно догадаться, что герой Мерфи и его семейство окажутся в шикарном особняке, снятом на уик-энд, с великолепными и бессмертными призраками. Впрочем, учитывая плачевные рейтинги последних фильмов Эдди, можно допустить, что его сомнительный юмор умертвит-таки даже бессмертных.

Еще одна страшная комедия и, искренне надеюсь, смешная – **«Очень страшное кино-3»** режиссер Джерри Цукера. После того как первое «Страшное кино» принесло в кассу студии 151 миллион долларов, незамедлительно последовало продолжение и новые сборы в 74 миллиона – и это только в Штатах.

Результаты радовали, и сама собой родилась нехитрая мысль снять третий сиквел, благо идея пародировать страшилки благодатна, бесконечна и обречена на успех. Вместе с тем создатели не могли не заметить, что доходы от двух страшилок были, мягко говоря, неравны: вторая принесла денег вдвое меньше. Оргвыводы не заставили себя ждать: актерский ансамбль заменили практически полностью, осталась лишь Анна Фарис, взявшая на себя роль Нив Кэмпбелл. Зато в титрах можно увидеть имена Памелы Андерсон, Лесли Нильсена и многих других знаменитостей, которые появляются на мгновение, как «приглашенные звезды». Сменили также и режиссера, в третьей страшилке всем заправляет культовый комедиограф Дэвид Цукер, прославившийся в триумвирате Цукер-Абрахамс-Цукер и соот-

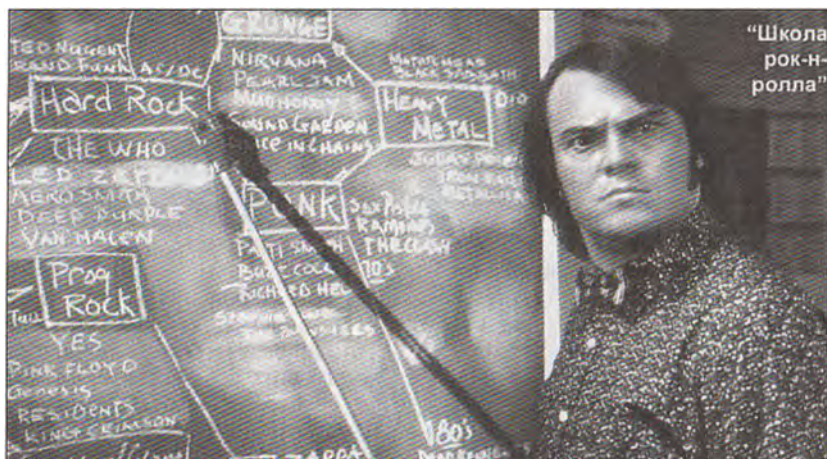
ветственно фильмами «Top Secret!», что означало «Совершенно секретно!», и «Airoplane!», в переводе не нуждающийся. Пересказывать содержание было бы просто глупо, гэгги – тем более, поэтому скажу лишь одно: предметом пародирования стали демонические horror'ы о паранормальных явлениях – «Знаки» и «Звонок».

Хочется верить, что актриса Нив Кэмпбелл, отвопившая свое в первых двух страшилках, ничуть не пожалела об отставке. Тем более что ей удалось получить старика Роберта Олтмена, которого она убедила в том, что фильм о балете «Труппа» – это как раз то самое, чего ему, 78-летнему мэтру черной комедии, до сих пор не хватало. Нив Кэмпбелл в свое время окончила балетную школу и мечтала о классическом балете, но травма колена вынудила ее изменить

планы. Однако не зря все-таки существует пословица оптимистов: что ни делается, все к лучшему. 29-летняя Нив стала продюсером, сценаристом и сыграла главную роль в фильме о балете. Думаю, вы согласитесь, что девочка из канадской провинции Онтарио прошла достойный путь от страшилок, пусть даже в высшей степени рейтинговых, до авторской ленты, поставить которую согласился сам Роберт Олтмен («М.Э.Ш.», «Шэзвилл», «Три женщины», «Готовое платье», «Наследство тетушки Куки», «Госфордский парк» и др.). Фильм Олтмена легко определить как «производственную драму», естественно, в стиле «Готового платья». Но если в «Готовом платье» Олтмену было забавно наблюдать, как живет сумасшедший мир моды, то в новом фильме он рассказывает о труппе чикагского балета

«Joffrey Ballet», где самодисциплина и амбициозность – две непереносимые составляющие балетного искусства и успеха. Как сказал сам Олтмен: «Изнурительная работа день за днем, когда в кровь стираются ноги и жизни». А Нив добавила: «Все балетные – мазохисты». Вообще Олтмен мастер рассказывать истории со многими персонажами, судьбы которых в определенный момент пересекаются самым неожиданным образом. И потом есть надежда, что ему не изменил его легендарный черный юмор. Во всяком случае, накануне премьеры Олтмен его продемонстрировал во всем блеске, заявив: «Я не знаю, что обо всем этом скажут танцовщики, я не знаю, что обо всем этом скажут кинокритики. Если честно, то мне на всех них совершенно наплевать. Я снимал жизнь, как балет, и балет, как форму жизни. Даже история любви Нив и Франко в ро-

ли режиссера и балетмейстера, сыграна без слов, в танце».

Еще одна молодежная (или детская?) танцевальная картина «Школа рок-н-ролла», в которой 10-летние детишки постигают искусство, которым владели их дедушки и бабушки в бытность юношами и девушками. Руководит элитной школой Джек Блэк, играющий некоего Финна, который решил создать рок-группу из своих самых одаренных школяров. В число «самых одаренных» попали голливудские дети, которых режиссер Ричард Линклейтер подбирал с особой тщательностью. Музыкальные комедии – вещь очень специфическая, если, конечно, речь не идет об экранизации классических мюзиклов, как, например, прошлогодний «Чикаго», но если «Школа рок-н-ролла» доберется до нашего проката, то я очень рекомендую ее посмотреть: это веселое, азартное и немного ностальгическое зрелище и хорошая школа рок-н-ролла, который достоин того,

чтобы в скором времени возродиться повсеместно. Ведь ничуть не уступает аэробике или фитнесу.

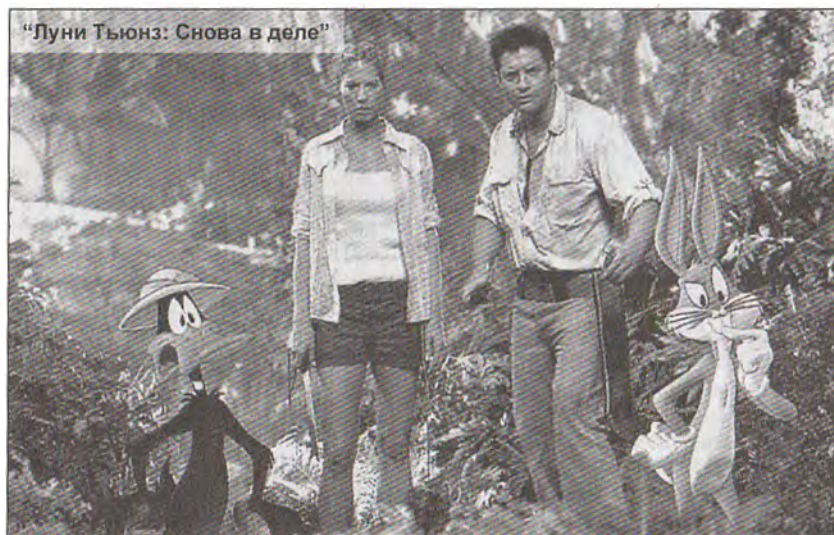
После экскурсии в па-де-де и в па-де-труа вернемся к комедиям, тем более, что по внешним признакам есть такие, которые достойны нашего и вашего внимания. **«Луни Тьюнз: Снова в деле»** снял режиссер Джо Данте, некогда потрясший всех нас, начинающих фанатов американского кино, своими «Гремлинами» и «Внутренним космосом». Данте – сказочник, он любит смешивать жанры, ловко ставит битвы между кукольными гремлинами и живыми человеками, и идея снять фильм в смешанной технике – анимации и реального кино – ему пришлось по душе. Что-то вроде «Кролика Роджера» или «Космического Джема», когда рисованные персонажи и живые актеры действуют на равных в одном абсолютно реалистическом пространстве. Дело это архисложное, поэтому кинокомпания «Warner Bros.» пришлось

призвать под свои знамена команду из пятидесяти асов по компьютерной анимации, которые придумали и осуществили более тысячи спецэффектов. История же вкратце такова: Даффи Дак (утенок Даффи) решил покинуть Голливуд, потому что ему стало казаться, что его актерскую звезду затмевает звезда Багса Банни (кролик). Даффи, объединившись с одним известным каскадером, разработал план, как найти голубой бриллиант, принадлежавший его отцу. Как только Даффи и его напарник пустились в долгий и чреватый всевозможными неожиданностями путь, вновь возник злополучный кролик, которым, надо заметить, двигали весьма благородные намерения: он хотел вернуть кинематографу и зрителям своего коллегу и брата по профессии Даффи Дака. Все остальное – безумные фантазии Джо Данте и его технического

персонала, оказавшегося на высоте художественных задач. Действие перенесет вас в Лас Вегас, оттуда в Париж, а затем в африканские джунгли. Так что веселые и невероятные приключения обеспечены всем – и взрослым и детям. Последним в первую очередь.

После небольшой передышки предлагаю вновь вернуться к страшилкам и поговорить о том новом витке, который наблюдают некоторые критики в эволюции этого жанра.

Для начала советую читателям постарше посмотреть страшилку посерьезнее, с настоящей жутью, от которой в свое время бросало в ледящий душу ужас. Почему в свое время? Да потому, что фильм называется **«Резня бензопилой в Техасе»**, а истым фанатам фильмов ужасов нет нужды объяснять, что картина с таким названием может быть

только римейком известной культовой ленты Тоба Хупера 1974 года. Им она и является. Зачем понадобилось режиссеру из Германии обречь свое первое дитя (фильм его дебют), снимаемое в Америке и на американские деньги, на бесконечные сравнения с оригиналом?! Причем даже младенцу сегодня известно, что счет будет не в его пользу. Тридцать лет назад для дебютанта Тоба Хупера его «Резня...», снятая всего за 10 тысяч долларов, а принесшая 3 миллиона, стала звездным билетом на киноолимп. И хотя с тех пор удача ему, как правило, изменяла, он остался в истории кино как автор культовой, знаковой для жанра horror ленты, фэны которой до сих пор объединены в TCM-клуб (от первых букв английского названия фильма «Texas Chainsaw Massacre»). Факт уголовной хроники – семья мясников из штата Висконсин

расчленила свои жертвы бензопилой – Хупер превратил в некое подобие готического романа, представив патологических убийц как фантастических оборотней. Режиссер Маркус Ниспель нимало не смущен исключительной знаковостью фильма-предшественника. Напротив, как аргумент в свою пользу, он приводит известные факты, что и «Тварь» Джона Карпентера и «Нашествие похитителей тел» Филиппа Кауфмана тоже были римейками. Итак, семья мясника, бензопила и пятеро школьников, случайно оказавшихся в незнакомом доме. Ну а дальше? Дальше надо много воображения или совсем не надо воображения, чтобы представить, что их ждет. Ну и вас, не пожалевшие денег зрители, естественно, тоже.

Еще один «ужасный» фильм под название «**Они**» снят под патронатом Уэса Крейвена, зна-

менитого мастера horror-цеха. Джулия Лунд (Лора Перан) – одна из лучших студенток психфака. Возможно, причиной выбора именно этой профессии стала детская травма, возникшая как результат тяжелых детских кошмаров, но, как бы то ни было, Джулия настроена решительно разобраться со своей жизнью. Накануне защиты ей неожиданно звонит ее бывший жених Билли и рассказывает о длительной бессоннице, связанной с тем, что «сны разума рождают чудовищ», которые приходят к нему, угрожая жизни. Вскоре Билли погибает. Его смерть оказывается не случайной, просто первой в череде других страшных смертей. Один за другим исчезают знакомые Джулии, к которым по ночам тоже приходят монстры. Девушка начинает думать, что ночные детские кошмары превратились в реальность, что чудовища, при-

ходившие по ночам в раннем детстве, вернулись в совершенно конкретном, осязаемом воплощении. Тогда она бросает им вызов.

Новый фильм – страшная сказка о «черном человеке» и о детской боязни темноты – родился из желания Крейвена восстановить в правах жанр, который на протяжении трех десятилетий был наименее популярным у зрителей. Некоторое время назад режиссер почувствовал, что желание зрителей испытать страх пошло на убыль, тогда он снял фильм «Крик», смесь психотриллера с молодежной комедией. Опыт пародии, как вы знаете, был необычайно успешен, последовали сиквелы. Крейвен в шутку рассказывал в «Крике» об основных правилах horror'a, но время показало, что он ошибся, что зрителям просто требовалась совсем небольшая пере-

дышка. И вот они уже снова готовы ужасаться. Но поскольку основные правила жанра обнаружены – надо придумывать новые. Их придумывают. В самом деле, ведь на наших глазах возникли виртуальные страхи, основанные на компьютерных спецэффектах: «eXistenZ» Дэвида Кроненберга, «Клетка» с Дженнифер Лопес и даже «Блэрская ведьма».

Фильмы этой осени – это фильмы нового поколения, которые можно назвать «после пародий». Они рассказывают новым поколениям детей новые страшилки, иногда со старыми героями. Так, например, **«Фредди против Джейсона»** – это история столкновения двух культовых персонажей кошмаров 70-х – человека руки-ножи Фредди Крюгера из «Кошмаров на улице Вязов» и убийцы в хоккейной маске Джейсона Вурхеса из «Пятницы, 13-е». Кинокомпания

«New Line», купившая права на образ Фредди в 1992 году, десять лет не могла получить от своих авторов достойного сюжета, в котором бы встреча двух чудовищ была в достаточной степени мотивированной. Если считать «Кошмары», то новая лента про Фредди будет восьмым сиквелом, а вот если считать «Пятницы...», то одиннадцатым. Ну а что уж там случится, думаю, вы к моменту выхода журнала уже будете знать – фильм «Фредди против Джейсона» уже в нашем прокате и, естественно, на видео.

Еще один ужастик нового поколения **«Поворот не туда»** отдает дань каннибальскому кино, стыдливо используя сюжетные ходы таких классических лент, как уже упоминавшаяся «Резня бензопилой в Техасе» и «У холмов есть глаза» (1977) Уэса Крейвена. Шестеро молодых людей ехали на стареньком гру-

«Фредди против Джейсона»

зовичке по Западной Вирджинии. Совершенно неожиданно всеми четырьмя колесами они попали в кем-то выставленный посередине шоссе капкан для зверей. Все покрышки лопнули, а молодые люди оказались вынуждены идти искать помощи за холмами, где был населенный пункт. По пути их поджидала семейка каннибалов, настроенных агрессивным желанием плотно пообедать человечинкой. «Поворот не туда» – типичный пример черной сказки для тинэйджеров, возникшей на пересечении лучших традиций жанра и новых компьютерных технологий. На фильм идут, потому что хотят увидеть то, о чем слышали или что видели на кассетах, но

в более современной интерпретации с применением привычных для юных глаз компьютерных спецэффектов. Благодаря им страшные сказки XXI века обустроили себе комфортную нишу, где сосуществуют темные инстинкты, подсознательное и реальность, фобии и детские страхи.

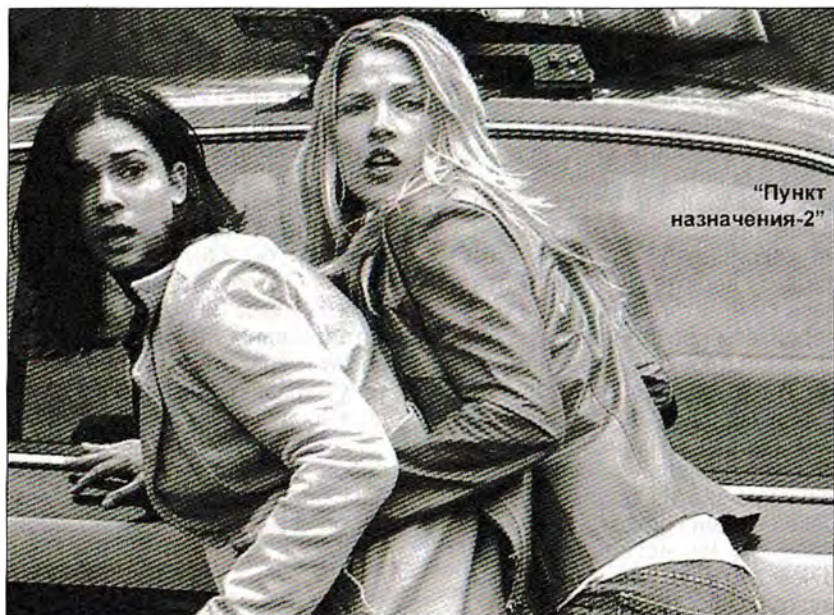
Можно было бы вспомнить и немецкий фильм «**Бассейн**», вышедший на экраны два года назад, как предвестник обновления жанра ужасов, которое мы наблюдаем в американском кино. Действие происходит в Праге. Двенадцать студентов решили отметить окончание лица весьма нетрадиционным способом – ночью и в одном из горо-

дских общественных бассейнов. Прощание со школой превратилось в кровавую бойню, когда к празднику для посвященных присоединился незванный гость – убийца с мачете. Фильм ужасов, как и нынешние его американские последователи, использует молодых актеров, мало известных широкому зрителю, благодаря чему возникает ощущение правдоподобия, снимается на небольшие деньги, что тоже способствует эффекту документальности.

Продолжая тему жанра ужасов, стоит упомянуть еще один фильм из осеннего кинорепертуара Америки и Европы – сиквел **«Пункт назначения-2»**. Юная Ким Корман чудом выжила в ужасной автокатастрофе, в которой погибли многие ее друзья. Вследствие травмы девушка об-

рела способность предвидеть трагические события, «видеть» катастрофы накануне их свершения. Новый фильм использует находки «Последнего предназначения» трехлетней давности и, по сути, не открывает ничего нового, если не считать цитат их хичкоковских «Птиц». Для тех, кто следит за эволюцией жанра, будет небезынтересно посмотреть, как он пытается возродиться к жизни.

И еще один, последний фильм на заданную тему – **«Лесная лихорадка»** режиссера Эли Рота – рассказывает историю «из жизни отдыхающих». Несколько друзей решили провести отпуск в горах, в отдаленном шале, затеряншемся в темных девственных лесах. Популярный в определенных кругах натуралистов призыв «назад,

к природе» обернулся трагедией с летальным исходом. Однажды один из них заболел странной болезнью, которая разъедала его плоть. Вирусом заразились и другие. В борьбе с болезнью стали раскрываться сильные и слабые стороны людей. Отчаянные попытки справиться с вирусом, спастись самому и спасти оставшихся в живых оказались бесплодны. И все-таки... выход был найден, но какой ценой? Вот об этом фильм дебютанта Эли Рота, свои кинематографические университеты проходившего на съемочной площадке Дэвида Линча. И это вселяет надежду, что в фильме будет нечто большее, чем просто мурашки по коже, стынувшая кровь в жилах, глаза, вылезающие из орбит, рот, перекошенный криком... и прочее. Если вы не догадались еще, о чем это я, то, так и быть, скажу: об искусстве, чтоб ему...

В назидание и в наказание тем, кто забыл об искусстве, обещаю в следующем номере рассказывать только о серьезных драматических лентах.

P.S. Напоминаю, что 17 декабря на экраны Америки выйдет третья и последняя серия **«Властелина колец»** — **«Возвращение короля»**. Режиссер Питер Джексон, подогревая интерес зрителей, говорит, что «первые два фильма были лишь репетицией третьего и самого главного». А потом признается: «Оглядываясь назад, я понимаю, насколько был наивен, принимаясь за эту работу. У меня не было страха только потому, что я не знал, как сложен кинематографический процесс. Мне не с чем было сравнивать, потому что до нас никто ничего подобного не снимал». Что правда, то правда. Те, кто видел первые два фильма, согласятся, что они великолепны, но напомним слова режиссера: «это была лишь репетиция». Питер Джексон, конечно же, находится в состоянии эйфории и на вопрос журналиста, видел ли он фильмы-конкуренты, снятые в жанре технологического фэнтези, вроде «Матрицы», «Людей X», «Терминатора 3», «Халка», отвечает: «Ни один из этих фильмов не может соперничать с нашим по части зрелищности и красоты, которая воистину изумляет, восхищает и даже способна свести с ума».

Дорогие друзья, много способов «сойти с ума» предлагает вам ближайший репертуар: от хоррора до фэнтези — на любой вкус.

Елена НИКОЛАЕВА

ПИТЕР ВТОРОЙ

Рассказ

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА

Иллюстрация Вячеслава Дмитриева

Был субботний вечер, и люди уже с час убивали друг друга на маленьком экране. Полицейских пристреливали при исполнении служебных обязанностей, гангстеров сбрасывали с крыш, пожилую даму медленно, но верно травили, чтобы добраться до ее драгоценностей, а убийцу в конце концов вычислили, спасибо частному детективу, и отдали под суд. Храбрые, безоружные актеры бросались за злодеев с револьверами сорок пятого калибра, инженеру в последний момент спасали от, казалось, неминуемой смерти.

Питер сидел в большом кресле перед экраном, закинув ноги на подлокотник, и ел виноград. Матери не было, поэтому виноград он ел с косточками, критически глядя на бесконечный поток насилия, льющийся с экрана. Будь мать рядом, в воздухе бы витал страх аппендицита, и она внимательно бы следила за тем, чтобы каждая косточка покинула его рот и проследовала в пепельницу. Будь мать рядом, ему пришлось бы выслушать не одну маленькую лекцию о пагубном влиянии телевидения на юные души, и каналы на экране менялись бы с калейдоскопической быстротой, в поисках того, единственного, который мог принести хоть что-то полезное, несущее в себе образовательное зерно. Но Питер пребывал в гордом одиночестве, а потому бодрствовал в одиннадцать вечера, разгрызал виноградные семечки, а то и проглатывал их целиком, наслаждаясь экранными воплями и свободой пустынного дома. Во время рекламных пауз Питер закрывал глаза и представлял себе, как швыряет бутылки в здоровенных, небритых мужчин с пистолетами и медленно крадется по темным лестницам к двери, за которой ждет Босс с большим револьвером в наплечной кобуре, выпирающей из-под полосатого пиджака.

Питеру тринадцать лет. В его классе еще три мальчика с таким же именем, поэтому учитель истории, по мнению Питера очень забавный человек, прозвал их Питером Первым, Питером Вторым (он-то и ест виноград с косточками), Питером Третьим и Питером Великим. Питером Великим, конечно же, назвали самого маленького. Он весил всего шестьдесят два фута, носил очки, а в игру его брали последним. Класс всегда смеялся, когда учитель истории обращался к Питеру Великому. Питер Второй смеялся вместе со всеми, хотя и не находил в этом ничего смешного.

Двумя неделями раньше он крепко помог Питеру Великому, и теперь они, можно сказать, считались друзьями. Все Питеры могли считаться друзьями, благодаря этому шутнику, учителю истории. Пусть и не настоящими друзьями, но, по крайней мере, у них было что-то общее, чем не могли похвастаться остальные ребята. Им это, возможно, не нравилось, но деваться-то было некуда, и они чувствовали ответственность друг за друга. Поэтому две недели тому назад, когда Чарли Блайзделл, который весил добрых сто двадцать футов, на перемене сорвал с головы Питера Великого фуражку и начал дурачиться, а по лицу Питера Великого чувствовалось, что тот сейчас заплачет, он, Питер Второй, вырвал фуражку из руки Блайзделла и отдал Питеру Великому. Конечно, началась драка, и Питер подумал, что потерпит третье поражение в семестре, но произошло чудо. Когда Чарли начал теснить его и у Питера оставалась лишь надежда на появление кого-то из учителей (они появлялись как из-под земли, когда в их присутствии не было никакой необходимости), Блайзделл нанес сильный удар. Питер поднырнул, удар пришелся в голову, и Блайзделл сломал руку. Питер сразу понял, что рука сломана, потому что Блайзделл заорал благим матом, а рука повисла, как на нитке. Подбежавший Уолтерс, учитель физкультуры, унес Блайзделла, а Питер Великий, подойдя, восхищенно воскликнул: «Парень, в одном можно не сомневаться – голова у тебя крепкая».

Блайзделл пропустил два дня занятий, до сих пор с руки не сняли гипс и всякий раз, когда его не вызывали к доске из-за сломанной руки, на лице Питера Второго появлялась довольная улыбка. Питер Великий ходил за ним, как привязанный, выполнял его поручения, покупал газировку, потому что родители Питера Великого развелись и давали ему сколько угодно денег, чтобы загладить свою вину. Так что против такой дружбы он не возражал.

Но больше всего Питеру Второму понравилось чувство, которое он испытал после драки. Наверное, то же самое чувствовали люди в телевизоре после того, как врывались в комнату, набитую врагами, и выходили оттуда с девушкой, документами или подозреваемым, оставив за спиной горы трупов и порушенную мебель. Блайзделл весил сто двадцать футов, но это обстоятельство не остановило Питера, точно так же, как агента ФБР в телевизоре не останавливало наличие у шпионов двух пистолетов на каждого. Они понимали, что должны это сделать, и делали, несмотря ни на что. Питер не мог выразить словами это чувство, но впервые в жизни он сознательно ощутил уверенность в себе и гордость за совершенный поступок.

– Пусть только попробуют прийти, – процедил он, жуя виноградные косточки и хищно сощурившись, – пусть только попробуют.

Он чувствовал, что вырастет в очень опасного человека, из тех, к кому всегда смогут обратиться за помощью слабые и

несправедливо обиженные. Он не сомневался, что роста в нем будет не меньше шести футов, как в отце и всех его дядях, и эти футы в некоторых ситуациях могли сыграть важную роль. Дело оставалось за малым: накачать мышцы. Пока они оставляли желать лучшего. В конце концов, нельзя рассчитывать только на то, что люди всегда будут ломать руки о твою голову. Прошедший месяц он отжимался по утрам и вечерам. Пока его рекорд составлял пять с половиной раз, но он не собирался останавливаться на достигнутом. Крепость мышц – зачастую решающий фактор, если предстояло уйти из-под удара или разоружить противника. Еще следовало тренировать быстроту реакции и научиться обманывать своего оппонента. К примеру, стрельнуть глазами направо, а самому броситься влево. А самое важное, какими бы минимальными ни были шансы, нельзя выказывать страха. Малейшее колебание, и тебе открывалась прямая дорога в морг. Но теперь, после битвы за фуражку Петра Великого, насчет этого он мог не волноваться. Со страхом он покончил раз и навсегда. Теперь ему оставалось только качать мышцы и тренировать быстроту реакции.

На всех программах появились комики, смеялись, демонстрируя белизну зубов, и Питер отправился на кухню, достал из холодильника гроздь винограда и два мандарина. Свет он не включал, и вдруг выяснилось, что ближе к полуночи и в отсутствие родителей темная кухня может выглядеть очень даже таинственно, а в полосе света, падающей из открытого холодильника, молочные бутылки отбрасывают на линолеум злоеющие тени. До последнего времени он темноту не жаловал и, входя в комнату, прежде всего тянулся к выключателю, но бесстрашному человеку не пристало замечать разницы между светом и тьмой.

Мандарины он съел в темноте кухни, привыкая к ночной жизни. Вместе с косточками, назло матери. С виноградом вернулся в гостиную.

Комики все торчали на экране, смеялись и смеялись. Он покрутил диск, но везде его встречали забавные шляпы, смех и шутки о подоходном налоге. Если бы мать не заставила его пообещать, что он ляжет спать в десять часов, Питер бы выключил телевизор и давно улегся в кровать. Он решил не терять времени даром, лег на пол и начал отжиматься, следя за прямоотой коленей. На четвертом отжимании, медленно опускаясь на пол, услышал крик. Замер, прислушался. Крик повторился. Кричала женщина, кричала очень громко. Он посмотрел на телевизор. Мужчина говорил о налоге на этажность, из-под усов то и дело появлялись зубы, кричал определенно не он.

Следующий крик обернулся стоном, и тут же застучали во входную дверь. Питер вскочил, выключил телевизор, чтобы убедиться, что эти звуки не доносятся из динамика.

Стук повторился, сопровождаемый женскими стонами: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» Последние сомнения отпали.

Питер оглядел гостиную. Горели три лампы, яркий свет отражался от виноградин и стекла картины с яхтами у Кейп Код, которую нарисовала тетя Марта, побывав там в прошлом году. Телевизор стоял в углу, глядя на него темным глазом. Подушки кресла, на котором он сидел, вдавились, и Питер знал, что мама взбоьет их перед тем, как лечь спать. Короче, такая мирная комната совершенно не вязалась с полудночными женскими криками, отчаянным стуком в дверь и стонами: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

А женщина у двери вновь перешла на крик: «Убивают, убивают, он меня убивает!» – и Питер впервые пожалел, что родители ушли именно в этот вечер.

– Откройте дверь! – кричала женщина. – Пожалуйста, пожалуйста, откройте дверь! – и тон ее не оставлял сомнений в том, что слово «пожалуйста» произносилось не из вежливости.

Питер нервно огляделся. Гостиная, пусть и ярко освещенная, вдруг стала чужой, вещи отбрасывали какие-то странные тени. Женщина опять закричала, уже без слов. Или человек боится, холодно подумал Питер, или он не ведает страха. И медленно двинулся к входной двери. В прихожей стояло высокое зеркало. Он глянул на свое отражение. Руки по-прежнему очень уж тонкие.

Женщина продолжала барабанить в дверь. Питер повернулся к ней. Большая дверь, из стали, но она заметно дрожала, словно по ней били отбойным молотком. И тут он услышал второй голос. Мужской. Только звучал он так, словно принадлежал не мужчине, а какому-то пещерному зверю. И в его хрипоте чувствовалась решимость совершить любую дикость. Питер навиделся сцен угроз и насилия, но никогда не слышал ничего подобного. Он медленно крался к двери, тело покрылось липким потом, как прошлой зимой, когда он болел гриппом, он помнил, какими тонюсенькими выглядели его руки в зеркале, сожалел, что выбрал бесстрашие.

– О, Господи! – вопила женщина. – О, Господи. Не делай этого!

Вновь удары в дверь и низкий, звериный рев пещерного чудовища, который он никогда не слышал, сидя перед телевизором.

Питер распахнул дверь.

В маленьком коридорчике миссис Чалмерс стояла на коленях перед дверью, лицом к нему. Мистер Чалмерс привалился к стене, у открытой двери в их квартиру. Незнакомый Питеру звук срывался с губ мистера Чалмерса, в руке он держал пистолет, нацеленный на миссис Чалмерс.

В маленький коридорчик, обклеенный обоями с видами ранней Америки и освещенный лампой дневного света, выходили только две двери, и перед дверью квартиры Чалмерсов на полу лежал коврик с надписью «Добро пожаловать». Обоим Чалмерсам было за

тридцать, и мать Питера частенько говорила о том, что у них очень спокойные соседи. Она так же говорила, что миссис Чалмерс носит очень уж дорогие наряды.

Питер находил миссис Чалмерс толстушкой. Натуральную блондинку, ее отличала нежная, розовая кожа, а выходя из квартиры, она всегда выглядела так, словно весь день провела в салоне красоты. Встречаясь с Питером в лифте, она обязательно восклицала: «О, ты становишься большим мальчиком», – и в ее голосе, казалось, звенели серебряные колокольчики. Фразу эту Питер слышал от нее уже раз пятьдесят. И она всегда благоухала дорогими духами.

Мистер Чалмерс практически всегда носил пенсне, лысел и часто задерживался на работе допоздна. Встречаясь с Питером в лифте, он говорил: «Становится теплее» или «Холодает». Никакого мнения о нем Питер не составил, разве что выглядел мистер Чалмерс, как директор школы.

Но теперь миссис Чалмерс стояла на коленях в маленьком коридорчике, в порванном платье, плакала, на щеках чернели разводы туши, и она ничем не напоминала женщину, которая только что вышла из салона красоты. А мистер Чалмерс был без пиджака, без пенсне, остатки волос растрепались, а в руке он держал большой, тяжелый пистолет и целился из него в миссис Чалмерс.

– Впусти меня! – вскричала миссис Чалмерс, не поднимаясь с колен. – Ты должен меня впустить. Он собрался меня убить. Пожалуйста!

– Миссис Чалмерс... – начал Питер. Воздух вдруг стал таким же густым, как вода, так что язык ворочался с огромным трудом и он едва смог произнести букву «с» на конце фамилии. Он выставил руки перед собой, словно думал, что ему сейчас что-то кинут.

– Уйди в дом, – бросил мистер Чалмерс.

Питер посмотрел на него. Мистер Чалмерс стоял в пяти футах, без пенсне, и щурился. Питер стрельнул взглядом в одну сторону, во всяком случае, потом думал, что стрельнул. Но мистер Чалмерс не отреагировал. Остался, где стоял, с пистолетом, нацеленным, как теперь казалось Питеру, и на миссис Чалмерс, и на него. Пять футов – большое расстояние, очень, очень большое.

– Спокойной ночи, – пролепетал Питер и закрыл дверь.

С другой стороны донесся единственный всхлип, и все.

Питер вернулся в гостиную, отнес не съеденный виноград в холодильник. На этот раз он сразу включил свет на кухне и не стал его выключать. В гостиной взял черешок от первой грозди и бросил в камин, иначе мать заметила бы отсутствие косточек и утром заставила бы его выпить четыре ложки взвеси магнезии. Потом, оставив свет и в гостиной, хотя и знал, что скажет по этому поводу мать, когда вернется домой, пошел в свою комнату и быстро забрался в кровать. Подождал выстрелов. Какие-то звуки до него донеслись, но он жил в большом городе, где много самых разных

звуков, даже ночью, поэтому сказать наверняка, выстрелы то были или нет, он не мог.

Питер еще не спал, когда родители вернулись домой. До него донесся голос матери, и по тону он понял, что она выражает недовольство по поводу ламп, горящих в гостиной и на кухне, но притворился спящим, когда она заглянула в его комнату. Он не хотел говорить матери о Чалмерсах, потому что она начала бы задавать вопросы и поинтересовалась бы, а почему он смотрел телевизор чуть ли не до полуночи.

И потом он долго прислушивался в ожидании выстрелов, его бросало то в жар, но в холод. Какие-то резкие звуки донеслись до него сквозь тишину ночи, но однозначно сказать, что это выстрелы, он опять не смог, и какое-то время спустя заснул.

Утром Питер поднялся рано, быстро оделся и тихонько, чтобы не разбудить родителей, вышел из квартиры. В коридорчике не обнаружил ничего необычного: те же обои, лампа дневного света, коврик с надписью «Добро пожаловать» перед квартирой Чалмерсов. Ни тела, ни крови.

Иногда, когда миссис Чалмерс долго ждала лифта, аромат ее духов ощущался и после того, как она спускалась вниз. Но на этот раз на площадке перед лифтом пахло обычной пылью многоквартирного дома. В ожидании лифта Питер нервно поглядывал на дверь Чалмерсов, но она не открылась и из-за нее не доносилось ни звука.

Сэм, лифтер, не любил Питера, лишь что-то буркнул, когда мальчик вошел в лифт, и Питер решил не задавать никаких вопросов. Вышел на холодную, воскресную, залитую солнечным светом улицу, ожидая увидеть у подъезда труповозку или, по меньшей мере, пару-тройку патрульных машин. Но встретил только сонную женщину, прогуливающую боксера и мужчину, который возвращался от киоска на углу и газетами под мышкой.

Питер перешел на другую сторону улицы, посмотрел на окна квартиры Чалмерсов на шестом этаже. Занавески затянуты, окна закрыты.

Из-за угла появился полисмен, мрачный здоровяк в синей форме, успешно направился к нему. Питер уже испугался, что его сейчас арестуют, но полисмен проследовал мимо, к авеню, и скрылся из виду, в очередной раз подтверждая истину, усвоенную Питером из фильмов: они никогда ничего не знают.

Он прогулялся по улице, взад-вперед, сначала по одной стороне, потом по другой, не зная, чего он, собственно ждет. Увидел руку, просунувшуюся сквозь занавески в его квартире и захлопнувшую окно, и понял, что ему следует скорее всего подниматься вверх и найти убедительную причину, оправдывающую его столь раннюю прогулку. Но он не мог заставить себя взглянуть родителям в глаза, зато не сомневался в том, что с поиском причины справится. В крайнем случае, скажет,

что бы в музее, хотя и сомневался, что мать на это клюнет. Но домой, тем не менее. Не пошел.

Он патрулировал улицу почти два часа и уже таки собрался войти в подъезд, когда открылась дверь и из нее вышли мистер и миссис Чалмерс. Он – в пенсне и серой шляпе, она – в шубе и красной шляпке с перьями. Мистер Чалмерс подержал жене дверь, а миссис Чалмерс выглядела так, словно только что вышла из салона красоты.

Питер не успевал отвернуться или убежать, поэтому застыл в пяти футах от подъезда.

– Доброе утро, – поздоровался с ним мистер Чалмерс, взял супругу под руку, и они зашагали мимо него.

– Доброе утро, Питер, – нежным голоском поздоровалась с ним миссис Чалмерс и улыбнулась. – Прекрасный денек, не так ли?

– Доброе утро, – поздоровался Питер, удивляясь, что эти слова сорвались с его губ и прозвучали как «доброе утро».

Чалмерсы двинулись к Мэдисон-авеню, добропорядочная семейная пара, направляющаяся в церковь или на завтрак в большой отель.

Питер наблюдал за ними, сгорая от стыда. Ему было стыдно за миссис Чалмерс, за то, как она выглядела этой ночью, стоя на коленях, за то что так вопила от страха. Ему было стыдно за мистера Чалмерса, за те нечеловеческие звуки, которые он издавал, за то, что угрожал застрелить миссис Чалмерс, но не застрелил. И ему было стыдно за себя. За бесстрашие, с которым он открывал дверь и за то, что оно исчезло без следа десять секунд спустя, от вида мистера Чалмерса с пистолетом в руке. Ему было стыдно за то, что он не пустил миссис Чалмерс в квартиру, стыдно за то, что он не лежал сейчас с пулей в сердце. Но больше всего он стыдился из-за того, что они пожелали друг другу доброго утра, после чего Чалмерсы чинно, рука об руку, в ярких лучах зимнего солнца, прошествовали к Мэдисон-авеню.

В квартиру Питер вернулся около одиннадцати, но его родители уже вновь улеглись спать. В одиннадцать передавали хороший сериал, о борьбе контрразведчиков в Азии и он включил телевизор, не забыв достать из холодильника апельсин. Действие развивалось стремительно, в какой-то момент азиат угрожал взорвать гранату в комнате, набитой американцами, и Питер догадался, что за этим следует. Герой, напроць лишенный страха и только что прилетевшей из Калифорнии, стрельнул глазами направо, тогда как на самом деле... но Питер протянул руку и выключил телевизор.

Картинка схлопнулась, и Питер несколько секунд смотрел на темный экран.

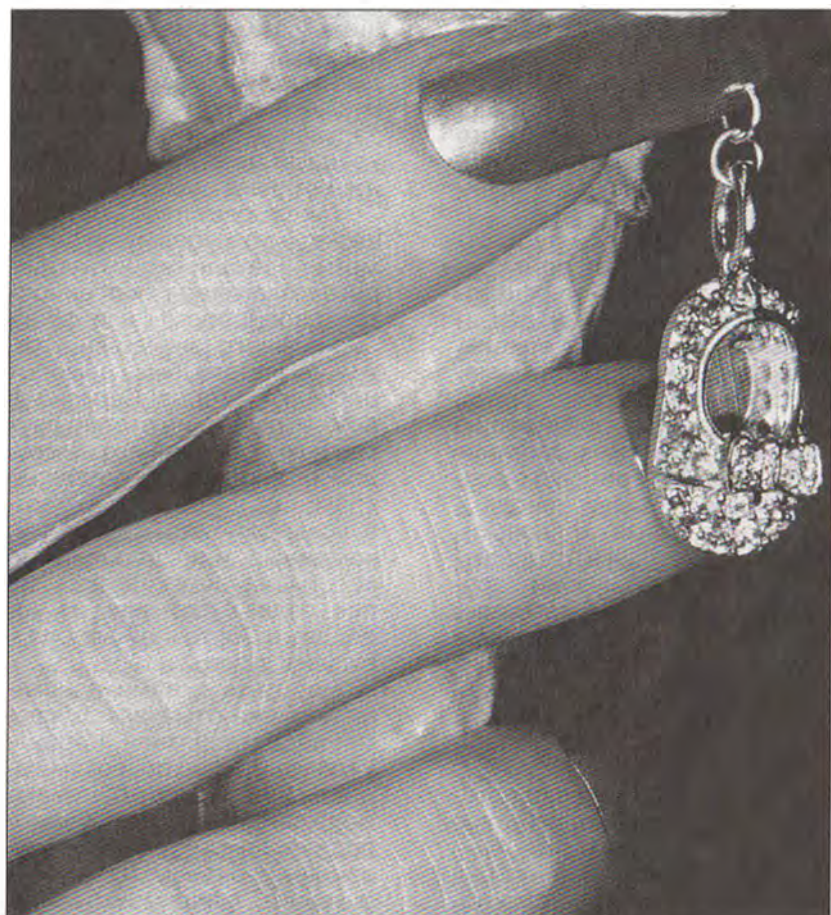
После этой ночи, когда он столкнулся с настоящим, непредсказуемым, непристойным, вооруженным миром взрослых и не смог его разоружить, Питер с пугающей ясностью осознал, что по телевизору показывают сказки, сказочки для детей.

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Во все времена люди, стараясь избавиться от страданий и недугов, искали естественные природные средства для исцеления, стремились с помощью определенных предметов уберечь себя от беды, обрести удачу в делах, любви, прервать полосу невезения. Обереги, амулеты и талисманы носили еще во времена глубокой древности.

А есть ли в этом смысл и не пустые ли это слова –

ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАН

В январские крещенские морозы у столичных храмов и подмосковных церквей выстраиваются километровые очереди: люди терпеливо ждут, когда они, наконец, унесут домой заветный баллон со святой водой. И так каждый год. Одни верят в ее чудодейственную силу, другие, может быть, и сомневаются, но надеются, что, во всяком случае, хуже не будет. Как бы то ни было, всем известен неоспоримый факт – святая вода оказывает положительное влияние и на человека, и на растения, и на животных. Но, наверное, мало кто знает, что святая вода у христиан – один из самых популярных и почитаемых оберегов.

Вообще оберег, или апотропей, что в переводе с греческого означает «отвращающий беду», – это не обязательно какой-то материальный предмет. Оберегом может быть знак, слово, фраза, звук, даже запах, охраняющие человека, животных, растения и постройки от вредного воздействия, образно говоря – злых сил: сглаза, колдовских чар и т.д. Сегодня в это верится с трудом, но, как ни парадоксально, одним из самых простых и распространенных оберегов во времена наших предков был кукиш, то есть фи́га. Эта комбинация из трех пальцев считалась выражением глубокого пренебрежения к чему или кому-либо, а потому могла разрушать действие злых чар.

Те, кому довелось побывать в Турции, наверняка об-

ратили внимание, что один из самых популярных сувениров – предмет, выполненный в форме глаза, который, как нетрудно догадаться, служит оберегом от сглаза. На юге Италии и по сей день сохранился обычай украшать нос рыболовецкого судна изображением глаза, который хранит его от несчастий и способствует богатому улову. В Шотландии, например, для защиты от чар женщины обматывают пальцы красным шелком. А в Китае детям привязывают на кисти рук что-нибудь красное и заставляют их смотреть на красный цвет, предохраняющий от злых духов.

Так уж сложилось исторически, что отдельные предметы обретали свойства оберегов благодаря особенностям своей формы или функционального значения. Статуя крылатого быка у ворот царского дворца Саргона II в Месопотамии, статуи двух грозных стражей-охранителей у входа в буддийский храм, щит перед входом в усадьбу – это защитники; каменные или деревянные кресты на перекрестках, на подъездах к деревням и у колдцев в Восточной Европе – от злых духов.

Бороться с ними призвана, как уже отмечалось, святая вода у христиан, Коран – у мусульман; по поверьям народов Кавказа, их отпугивают железные вещи, особенно холодное оружие, по представлениям бурят – колючки боярышника, а туркмены счита-

ют, что они боятся хлеба и барана: человек внутри стада овец находится под надежной защитой.

Роль оберегов у многих народов играла одежда – пояс, головной убор, вуаль на лице невесты. У каракалпаков и туркмен оберегом служит узор с бараньими рогами, нарисованный белой краской над окнами домов, у узбеков то же значение имеют разного рода круги – символ солнца, например, розетки, вышитые на одежде. В античном Средиземноморье оберегами служили изображения устрашающих божеств, демонов, сверхъестественных существ – Медузы Горгоны, Грифона и т.д.

У народов, занимающихся земледелием, в качестве оберегов использовались злаки, цветы, деревья. И в наши дни знахари и экстрасенсы советуют: чтобы прервать полосу невезения, можно использовать предметы растительного происхождения – каждый на свой день недели. Что защитить себя от всякого рода неприятностей, в воскресенье можно положить в карман кусочек корицы; в понедельник вам понадобится полынь; во вторник – полынь или ковыль; в среду – нарцисс или мускат; в четверг – гранат, дуб, тополь; в пятницу – фиалка или роза; в субботу – кипарис или ясень.

В тех регионах, где основным занятием была охота, наиболее ценными оберегами считались части тела зверей:

зубы или клыки хищников, кости, когти, высушенные лапки. Так, лапки кролика до сих пор служат амулетом у многих народов: в США, например, в специализированных магазинах магических предметов ежегодно продается более ста тысяч «счастливых» лапок этого обаятельного пушистого зверька.

Кстати, амулет – разновидность оберега. В переводе с арабского слово «хамала» означает – «носить». Но если обратиться к латыни, то смысл, вкладываемый в название данного предмета, совершенно очевиден: «*amoli*» переводится как «отвратить», а «*letum*» означает «смерть». Этому предмету приписывается магическое свойство отвращать от человека несчастье и приносить удачу, охранять от порчи и злых сил. Обычно амулеты развешивают в жилище или носят на шее.

Обычай прибегать к помощи амулетов восходит своими истоками к глубокой древности. Одежда фараонов украшалась драгоценными камнями, которые служили не только декоративной отделкой, но и амулетами, защищающими от всевозможных бед. Разнообразие амулетов чрезвычайно велико – вырезанные из кости или дерева фигурки животных, причудливые камни, напоминающие то или иное животное, различные медальоны, на которых выгравированы знаки Зодиака или другие изображения, имеющие магические свой-

ства: например, на аметисте – медведь, на сапфире – баран и т.д. Еще совсем недавно в нашей стране был очень популярен пришедший из Индии обычай ставить на комод или на полке семь костяных, каменных или деревянных слоников.

Многие амулеты воплощают в себе духов, покровительствующих человеку. По представлениям монголов, духи – хранители юрты пребывали в кожаном или матерчатом мешочке с горсткой земли или зернами, который подвешивали к дымовому отверстию юрты. А вот казахи верили, что локтевая кость барана отпугивает воров, представляя перед ними в виде вооруженных воинов.

Особый вид оберегов – различные ритуальные жесты, обряды и даже звуки. У христиан это прежде всего крестное знамение, молитвенные тексты, освящение жилища, теперь – и автомашин. По христианским верованиям звук колокола отпугивал злых духов, и даже смех и молчание были своего рода оберегами. Например, рассыпать соль за столом считалось дурной приметой, а защитить себя, «оберечь» от неминуемой беды можно было, рассмеявшись. Туркмены перечеркивали ножом след человека, обладающего дурным глазом, чтобы помешать ему колдовать или напускать порчу. В Средней Азии роженницу с младенцем не показывали посторонним, особенно в первые сорок дней после

рождения ребенка. У туркмен сразу после похорон запрещалось посещать дом, где находилась роженница. У русских после похорон нельзя было заходить в гости к кому бы то ни было.

Оберегом служили также запах чеснока и полыни, дым можжевельника. И сейчас можно увидеть в домах сделанные из можжевельника подставки для чайника: нагреваясь, такая подставка наполняет комнату приятным ароматом, который еще, по поверьям, отпугивает всякую нечисть. В принципе, той же цели служат воскурение ладана в церквях, домашние ладанки, а вместе с ними в обиходе появились аромокурильницы, в чашу которых заливаются эфирные масла, разогреваемые горячей под ней свечой. Ведь не случайно благовониям издревле приписывали магические свойства: каждое из них несет в себе часть силы, которая движет миром вокруг нас и в нас. Так, ароматы Солнца (апельсин, можжевельник, кедр) – это успех, сила, знание и защита; ароматы Венеры (мандарин, роза, герань) – это любовь и удача; ароматы Юпитера (грейпфрут, левзея, шалфей) – это процветание, успех, деньги и т.д.

Одним из видов амулета является талисман, от греческого слова «талиσμα», что значит «чары», «заклинания». Многие считают, что амулет и талисман – это одно и то же, однако на самом деле это не так. Если верить энциклопе-

дии Брокгауза и Ефрона, между этими понятиями есть разница. Амулеты в первую очередь предназначены для обережения от злых сил и дурных влияний. Назначение же талисманов – «притягивать» к своему хозяину любовь, счастье, удачу. Охранительную функцию они, таким образом, хотя и выполняют, но как бы косвенно. Пожалуй, единственный предмет, совмещающий в себе напрямую оба назначения, – это нательный крестик. Естественно, освященный.

Самым распространенным талисманом еще с незапамятных времен стали камни, прежде всего драгоценные. Древние греки и римляне носили кольца с самоцветами на четвертом пальце левой руки, и в соответствии с этим он назывался у них «перстневым». Отсюда и пошли перстни. С течением времени амулеты и талисманы становятся всё более изящными, изысканными, поскольку одновременно они становятся еще и украшениями, такими, как перстни, кулоны, бусы, браслеты, геммы, брелки.

Конечно, каждый вправе верить или не верить в магическую силу талисманов, ведь всё это связано с поверьями, идущими из древности, а у нас на дворе уже третье тысячелетие. Однако, как сказал мудрый Парацельс, «если человек хочет служить своему веку, тогда он не может не признать универсальную мудрость, лежащую

в основе всего, которая сохраняется в знании народами и религиями».

Так или иначе, но все наши познания о талисманах и их магической силе неизбежно связаны с мистикой и различными суевериями. Но ведь и в нашем повседневном быту немало загадочного и труднообъяснимого, и нередко случается так, что мы сами создаем для себя талисманы. Взять хотя бы одежду. Скажем, идете вы на экзамен, надели свою любимую рубашку и получили «пять». А в следующий раз надели другую – последний писк моды, и получили «три». Невольно закрадывается мысль – та счастливая, эта – нет. Верно это или нет – нет так уж и важно, но в вашем сознании уже родилось суеверие, то есть «вера всеу», вера не в то, что надо.

А уж как суеверны артисты и спортсмены... Стоит кому-то пару раз выиграть в одной и той же форме, как спортсмен начинает считать, что она – счастливая. «Я буду бессменно носить свой свитер, пока наша команда не проиграет!» – так заявил однажды Удо Латтек, руководитель футбольного клуба в Кёльне. Он и впрямь сдержал слово и не снимал свитера, а команда одерживала победу за победой, пока не «споткнулась» на пятнадцатом матче. Тем не менее свитер уже прослыл настолько счастливым и чудодейственным, что в 1998 году на аукци-

оне за него заплатили аж десять тысяч марок. Так принесли ли на самом деле свитер удачу или просто команде повезло?

Может быть, этот случай уникален сам по себе? Вовсе нет. В приметы верили многие известные люди. Легендарный хоккеист Фил Эспозито выступал только под цифрой «семь», поскольку считал, что она магическая и приносит удачу. Трудно сказать насчет удачи, но в магии цифра «семь» исходит от известных в древности семи светил: Солнце, Луна и пять видимых планет – Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. В связи с этим многие предметы и явления неизменно делили на семь: семь чудес света, семь цветов радуги, семь дней недели и т.д.

Когда перекупленный из «Бостон Брюинз» Фил Эспозито появился в составе другой команды, ее болельщики были несказанно удивлены: он вышел на лед в свитере, на котором значился номер 77. Эспозито просто боялся выступать под другой цифрой, а семерка в этой команде уже была занята другим игроком.

Известный в свое время шведский вратарь в хоккее с мячом Свен Сведберг всю свою долгую спортивную карьеру провел в старой изношенной майке, школьной кепке, драных брюках, из которых он давно вырос, и рваных перчатках. Форма эта со временем так обветшала, что ее постоянно приходилось зашивать и штопать. Причем

Свен разрешал делать это только одному и тому же человеку и одними и теми же нитками, иначе, как он считал, пропадет вся магическая сила его всепобеждающего одеяния. Когда же однажды у него пропала майка, он попросту побоялся стать в ворота – настолько ему изменило самообладание.

Примеров таких – масса. Как утверждает шведская полиция, суеверны даже преступники: они отправляются на новые ограбления исключительно в старых «счастливых» перчатках. Перчатки же, как и пальцы, очень специфичны и тоже оставляют свой индивидуальный след на предметах, что позволяет раскрывать преступления.

Безусловно, одежда оказывает на человека определенное воздействие хотя бы в силу своих физических свойств. Цвет ее может действовать расслабляюще или возбуждающе. К тому же одежда может быть попросту тесной. В свое время в США обнаружили специфический, так называемый «джинсовый психоз», связанный именно с тесными, облегающими джинсами, нарушающими кровообращение. Нечто подобное может быть с тесными колготками или обувью – кроссовками.

Слишком плотно прилегающая одежда, как, впрочем, и чрезмерно «проветриваемая», нарушает тепловой режим, что опять-таки может сказаться негативно. А многие искусственные ткани электризуются настолько, что

могут вызвать головную боль, кожное раздражение и даже нарушение работы внутренних органов. Немаловажно и то, насколько одежда чиста. Скажем, вещества, которые вместе с потом выделяются из ног в носки, с ростом концентрации в них вредных веществ начинают поступать из носков обратно – в организм – и травят тех, кто их носит. Именно этот момент очень важен для понимания принципа «одежды-талисмана».

Если вы здоровы, ваше тело в порядке, вы активно двигаетесь, ваш пот содержит вещества, свойственные именно здоровой активности. А одежда, как простая губка, этот «активный» пот впитывает. И наоборот: когда вы больны, вы пассивны и насквозь пропахли лекарствами. Ясно, что и пот ваш совсем иной. Но всё это впитала рубашка, и надевать такую рубашку попросту опасно.

Итак, две рубашки. Одна – «здоровая» и «активизирующая», вторая – «больная». Когда вы надеваете ту или другую, в вас может очень многое поменяться, прежде всего биохимический обмен. Именно поэтому ему лучше не надевать одежду, ношенную людьми незнакомыми, чужими или явно больными, например, работающими на химическом производстве, «отравленными». Их тело выделяет ненужные ему промышленные яды, а одежда – впитывает. И всё это, безусловно, влияет на ваше здоровье, самочувствие, настроение.

Вообще предметы, особенно металлические (и одежда в том числе, которая долгое время находится в близком контакте с человеком), неизбежно заряжаются его биоэнергетической информацией. Когда человеку сопутствует успех (победа в спортивном поединке, удачное выступление на сцене), этот положительный заряд как бы программирует его на дальнейший успех, а в случае провала не исключена вероятность, что и следующий его шаг может стать неудачным. Недаром говорят о полосе или периоде неудач и ищут всевозможные пути, чтобы прервать эту самую полосу.

Яркий пример того, как отрицательная информация влияет на судьбы людей, – история, связанная с бриллиантовым кольцом, принадлежавшим некогда испанскому королю Альфонсу XII (1857-1885), которое досталось ему по наследству. Еще будучи женихом своей первой жены, принцессы Мерседес, он подарил ей это колечко как интимный сувенир. Молодая принцесса носила его, не снимая, и вскоре умерла. Тогда король отдал кольцо своей бабушке, королеве Христине, которая тоже не замедлила умереть. После этого кольцо досталось инфанте дель Пилар, сестре Альфонса, и та умерла через несколько дней. Кольцо вновь вернулось к королю, и он подарил его сестре Мерседес – Христине, которая умерла через

три месяца. Пришлось королю взять себе это несчастливое кольцо, и вскоре он скончался. Печальный итог: две королевы, две принцессы и король. Никто не захотел больше носить это кольцо, и оно было пожертвовано Пресвятой Деве Марии дель Альмодена — патронессе Мадрида. Конечно, проще всего отнести эти грустные происшествия к разряду случайностей. Однако вряд ли это объяснение будет вполне исчерпывающим.

С древнейших времен человек знал, что различные предметы могут нести в себе «положительную» или «отрицательную» биоэнергетическую информацию, которая определенным образом влияет на здоровье и судьбу, то есть программирует его жизнь. Вот потому и появился обычай носить амулеты, освященные в храме или «заколдованные» шаманами, знахарями.

Известно, что все вещества обладают собственно частотой колебания, а их форма позволяет концентрировать или ослаблять излучение предметов. Простейший вибратор — это кольцо. Кольцо на вашем пальце постоянно вызывает собственные и усиливает космические вибрации. Вместе с тем и сам камень, вправленный в ваше кольцо, тоже вибрирует на своей частоте. Более то, будучи небольшой линзой, он фокусирует свои колебания вокруг того пальца, на который надето кольцо, а ток крови и

энергетические меридианы переносят дальше эту энергию к органу, «работающему» на той же частоте. Отсюда и рекомендации о том, какой камень вам носить, какой «ваш», какой «не ваш» в соответствии с датой рождения и астрологическим знаком. Такими же вибраторами являются серьги, цепочки, броши, которые зачастую выполняют одновременно роль и талисманов, и украшений.

Внаши дни наиболее популярными талисманами стали драгоценные камни, используемые в ювелирных изделиях. И это не случайно. У драгоценных камней есть три несомненных достоинства — красота, долговечность и редкость. Красота рождает чувство гармонии и дарует его владельцу радость сопричастности с ней, а долговечность отражает внутреннее стремление к постоянству и вечности. Недаром всегда считалось, что наибольшее счастье приносят те камни, которые передаются по наследству из поколения в поколение.

Красота драгоценных камней вызывала у человека необъяснимую симпатию, поэтому вполне понятно, что им приписывалась таинственная мистическая сила, охраняющая владельца от враждебных влияний и проносящая ему счастье. Видимо, не без основания люди стали считать, что одни камни оберегают от зла, другие сохраняют здоровье, спасают от болез-

ней, оберегают от неудач путешественников.

В Эрмитаже хранится целая коллекция гемм – соответственным образом обработанных драгоценных камней. Есть там и такой интересный экземпляр: на одной из гемм вырезан летящий герой Персей, который держит в левой руке голову Медузы Горгоны, в правой – меч, а на обратной стороне камня начертано: «Беги, подагра, Персей преследует тебя».

И в наше время в России драгоценные и полудрагоценные камни также использовались в медицинской практике. В тридцатые годы прошлого века врач Евгения Ивановна Бадигина применяла сердолик для лечения сердечно-сосудистых, кожных, нервных заболеваний, болезней суставов и даже в онкологии. Практическую целесообразность ее метода подтверждали в своих работах такие известные минералоги, как В.П.Крыжановский и В.И.Вернадский. К обычному фену Бадигина прикрепляла металлическую трубку с закрепленной на ее конце галькой сердолика. С расстояния двух-пяти сантиметров нагретым феном она в течение десяти-пятнадцати секунд облучала пораженные болезнью участки тела своих пациентов, и во многих случаях наступало исцеление.

Как выяснилось, радиоактивность сердолика равна средней радиоактивности человеческого организма. А так как при определенных забо-

леваниях радиоактивное равновесие в организме нарушается, на помощь приходит сердолик. Когда был проведен химический анализ этого минерала, оказалось, что он богат радием, барием и другими элементами, подобно лечебным грязям и минеральным источникам некоторых наших курортов. В случае с феном получалась «сухая» радиоактивная ванна, которая помогала исцелению.

Известно, например, что еще арабские врачи Средневековья советовали постоянно носить определенные камни при различных заболеваниях. Считалось, что кораллы способны затягивать раны, изумруд улучшает память, помогает при болезнях мочевого пузыря и в лечении диабета, бирюза полезна при головных болях, рубин лечит сердце, снижает артериальное давление, а нефрит полезен при заболеваниях почек.

Из поколения в поколение человек передавал свои наблюдения о целительном или счастливом свойстве камня, постоянно обогащая свои знания, а вместе с ними передавалась и вера в их исцеляющую силу. Так, происшествие, связанное с каким-либо определенным камнем, плохое или хорошее, переносилось в гороскоп его владельца. В Средние века астрологическую связь драгоценных камней со знаками Зодиака стали сводить в таблицы, относящие те или иные камни к разным зодиакальным созвездиям и месяцам.

В ювелирных магазинах предлагают шкалу, утверждающую Международной ассоциацией ювелиров, которая поможет вам выбрать свой камень. Январь – гранат, февраль – аметист, март – аквамарин, апрель – алмаз, май – изумруд, июнь – жемчуг, июль – рубин, август – лунный камень, сентябрь – сапфир, октябрь – опал, ноябрь – топаз, декабрь – бирюза.

Все в природе взаимосвязано, и не только камни могут служить амулетами и талисманами, но и самые разнообразные предметы.

Самый распространенный страх – это страх «сглазов», «порчи», который мы можем получить не только по воле мага, но и просто от недоброго человека, от природы владеющего сильной энергетикой. Вот почему так популярен амулет, известный с незапамятных времен как «глаз Хоруса». Внешне он представляет собой небольшое глазное яблоко, раскрашенное под настоящий глаз. Другой амулет – «узел Изиды». Изида, супруга Озириса – царя мертвых и судьи в подземном мире, считалась идеальной супругой, рачительной хозяйкой и была богиней плодородия у древних египтян. Именно поэтому «узел Изиды» считается средством от безденежья и финансовых неприятностей. По виду он и вправду напоминает узел, иногда завязанный бантиком.

Амулет, предохраняющий от зла вообще, предназначен

в первую очередь для людей несусеверных: он изображает маленького уродливого бесенка. А от преждевременной смерти «страхует» амулет, выполненный в виде двух человеческих рук, поднятых вверх, и называемый издревле «символ Ка».

Любой талисман или амулет – вещь, как показывает многовековая практика, весьма и весьма действенная. Но своему хозяину он помогает в совершенно определенных условиях. Об этом очень хорошо сказал российский исследователь взаимосвязи между талисманом и судьбой М.Волосянко: «Мы отравляем свое настоящее воспоминаниями о прошлом, культивируя в себе уныние, озлобление, чувство мести и зависти... Мы судим людей, даже очень близких, обсуждая их с другими людьми в отсутствие осуждаемых. Мы не прощаем своих врагов и нападаем первыми, если полагаем, что правы. Мы куда более заботимся о своем физическом здоровье, чем о нравственном. Наконец, мы совершенно не умеем жить настоящим и искренне верить в помощь Свыше. Но ни один добрый Дух даже с помощью очень сильного талисмана не сможет помочь человеку при таких условиях».

Об этом, пожалуй, стоит помнить всем тем, кто собирается прибегнуть к защите от злых сил с помощью талисманов.

Сергей ЧАЙКИН

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА,

или

ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

БЛИЦКРИГ

Требования к оборудованию:

Процессор Pentium II 366 МГц

(рекомендуется Pentium III 600 МГц)

Оперативная память 64 Мб

8-скоростной CD-ROM

Звуковая карта

DirectX 8.1

Riva TNT, 16 Мб (рекомендуется

GeForce256, 32 Мб)

Windows 95/98/2000/XP

Уже не одно поколение геймеров выросло на играх-стрелялках, или, как еще их принято называть, «First Person Shooter». Среди них есть и несомненные хиты, такие, как, к примеру, «Return to Castle Wolfenstein», в которую с упоением играли абсолютно все, у кого в середине девяностых годов прошлого века уже был персональный компьютер. Эти игры, безусловно, были хороши. И мы все им безмерно признательны за счастливое вре-

мя, проведенное в их игровом пространстве. Но нужно признать: всегда было немного жаль, что в играх этого жанра невозможно изменить течение игры. Не было необходимости сильно напрягаться во время прохождения - ходи себе и убивай всё, что движется. Единственно, что немного отвлекало от монотонной стрельбы по движущейся мишени, - это поиск всяких там тайничков и спрятанных в них сокровищ, но и то было это на любителя. На прохождении игры это практически не сказывалось, разве что иногда за найденные в особо крупных размерах сокровища добавлялась дополнительная миссия. Поменять весь ход сражения, поиграть сначала на одной стороне, а потом на стороне противника, - все это в тех играх было недоступно. А ведь хочется иногда побывать на месте одного из главнокомандующих, истинного полководца, а не рядового исполнителя, повелевать движениями войск, пусть не целой армии, но хотя бы дивизии.

Такую возможность теперь предоставляет вам игра «Блицкриг» от компании «Nival Interactive». В ней вы сможете почувствовать себя Жуковым, Эйзенхауэром или Манштейном, приняв участие в исторических

сражениях Второй мировой войны. Вы можете выбрать для игры три поделенных на несколько этапов военных кампании в период с 1939 по 1945 год на стороне советской, немецкой армий или войск союзников. Вам предстоит сражаться в различных регионах мира и в разнообразных погодных условиях. Все сражения, в которых вам предстоит участвовать, происходят в различное время года и в разных погодных условиях и климатических зонах - от зноя африканской пустыни до снежной бури в России, и это не считая всяких мелочей вроде дождя, тумана и непроходимой слякоти болот. Захват Польши, оборона Сталинграда, высадка в Нормандии - вот лишь некоторые из сражений, которые вам предстоит вести.

В вашем распоряжении будет более двухсот единиц бое-

вой техники, включая танки, бронемашину, артиллерию и авиацию всех имевшихся в то время видов и самых разных стран. Вы сможете выбрать любые из них, чтобы создать свою картину боя и добиться в нем победы. Вы получите возможность вызывать бомбардировщики и истребители, высаживать десант, использовать автомобильный и железнодорожный транспорт; также в вашем распоряжении богатейший арсенал мин и всевозможных заграждений.

Вся техника в игре воссоздана на основе исторических документов вплоть до мельчайших деталей. Поведение техники максимально приближено к реальному, а параметры всех образцов точно соответствуют историческим данным. Снаряд танка «Т-34»

не сможет пробить лобовую броню танка «Тигр» (как оно и было в действительности), а пулеметы будут бессильны против бронетехники. Артиллерия под вашим командованием сможет пристреливать сектора, а зенитный огонь значительно уменьшит точность бомбометания вражеских бомбардировщиков.

Впервые в военных стратегиях вы можете выбрать игру, в которую будете играть. Генератор миссий позволяет создать неограниченное количество самых разнообразных миссий любого стиля и сложности. Вы можете выполнять только те задания, которые вам нравятся, чтобы наилучшим образом подготовиться к своему финальному сражению. В каждом новом бое или походе вы вместе с вашими солдатами будете набираться опыта, обу-

чатся все новым и новым боевым навыкам, расти в должности, получая новые воинские звания, и осваивать все более мощное вооружение, чтобы командование поручало вам новые, более сложные, а значит и более интересные задания.

В вашем подчинении будут солдаты самых разных родов войск, владеющие различными воинскими специальностями: снайперы, автоматчики, пулеметчики, гранатометчики, артиллеристы, танкисты, саперы и другие. В ходе боев ваши подчиненные будут расти вместе с вами, получая опыт, который позволит им более эффективно сражаться в дальнейшем. Подчиненные вам войска переходят из миссии в миссию, эффективность личного состава растет от боя к бою. Вы не бросаете их до

конца сражения, поэтому постоянно должны заботиться о людях и технике.

Выиграв очередное сражение, вы всегда можете при желании остаться на поле боя и довершить разгром врага до его тотального физического уничтожения. Даже если вы поторопитесь выйти из выигранной миссии в главное меню, вам не придется горько сожалеть о навсегда упущенных возможностях. Каждая миссия сохраняется автоматически в начале и при победе, так что в нее всегда можно вернуться.

Уникальный редактор карт позволит вам создать собственные миссии и даже полноценные кампании, добавлять в игру собственные модели, текстуры и спецэффекты, изменять параметры любых боевых единиц.

Помимо исторических сражений с условиями, общими для всех, в игре имеется возможность генерировать неограниченное количество дополнительных миссий самого разного свойства и сложности - захват, оборона, атака крупного вражеского подразделения большими силами или скрытые операции в тылу врага. Выбор всегда за вами.

Вы сможете добавить любимые сцены в генератор миссий и сражаться в тех местах, которые вам нравятся больше всего, а также добиваться победы теми методами и приемами, которые вам более доступны или лучше освоены. Для того, чтобы вы могли хорошо ориентироваться в игре и в полной мере воспользоваться всеми её возможностями, руководство пользователя не ограничивается простым изложе-

нием функций и подсказками. Есть в нем, например, и специальный раздел, где вся существующая в игре техника разбита по годам, чтобы будущие творцы миссий могли создавать их с полной исторической достоверностью.

Однако на этом список достоинств игры не заканчивается. Её отличительной особенностью является то, что эта игра еще обладает большим внутренним интеллектом. Игровой процесс «Блицкрига» построен на реалистичной схеме ведения боя. То есть в начале миссии вам в управление дается ограниченный контингент войск с ограниченным боезапасом. В подавляющем большинстве случаев количество войск противника является превосходящим, а его расположение - тактически це-

лесообразным. Почти любая миссия игры - это головоломка. Вы не имеете права ошибаться - за вами армия, за вами страна. А совершить ошибку начинающему командиру достаточно просто. Соберите бронетехнику в кучу и пошлите её штурмовать укрепленную противотанковыми орудиями позицию. Или заставьте пехоту повзводно штурмовать дзот. А еще можно собрать в одном месте всю артиллерию и навесным выстрелом по противнику рассекретить её местоположение, отказаться от рытья окопов, летать над укрепленным зенитками районом, поднимать пехоту в атаки без предварительной разведки. Да мало ли что может сотворить неумелый и амбициозный командующий! В общем, игра заставляет думать. Для того чтобы по-

беждать, думать придется много, пусть даже не как маршал, то хотя бы в соответствии с реальными возможностями и ограничениями того или иного рода войск - как минимум. Даже погода в игре - это не просто только её украшение, но и важный тактический фактор. Например, при нелетной погоде вызов авиации невозможен, а значит, нужно найти способ победить противника с помощью только наземных войск.

Столь требовательной к интеллектуальным ресурсам игре, какой получился «Блицкриг», позарез нужен очень гибкий, мощный и удобный интерфейс. И это тоже реализовано. Кроме наличия горячих клавиш, которые уже как бы стали промышленным стандартом, следует отметить еще и удобство их расположения, напрямую зависящее от места пиктограммы в экранном меню. Осваивается быстро и в дальнейшем не вызывает никаких затруднений.

Визуальный и звуковой ряды «Блицкрига» достаточно разнообразны и насыщены. Особенное внимание уделено, как и полагается в такой игре, взрывам и стрельбе. Все спецэффекты (взрывы, вспышки, шальные пули) сделаны просто великолепно, выглядят достаточно реалистично, а иногда даже красочно.

А особо масштабные взрывы, например, взрыв нескольких бомб тяжелого американского бомбардировщика Б-24, заставляют экран монитора содрогаться. Особый интерес вызывает полностью интерактивный ландшафт (можно рыть окопы, разрушать дома, а также ломать де-

ревя в лесу для маскировки или засады). Важной особенностью графики в игре является полная трёхмерность всех моделей. Танки, пушки, «Катюши» и прочая техника скопирована с реальных моделей и выглядит очень убедительно. А поведение техники во время боя значительно добавляет ощущения реальности происходящего. У танков и бронетехники будут отваливаться башни, гнутся дула и отлетать колёса. Дома так же, как и техника и ландшафт, будут подвергаться разрушению. В стенах будут появляться дыры, а куски крыши будут падать на засевающую в доме пехоту.

Таким образом, «Блицкриг» - один из наиболее полноценных проектов о Второй мировой. Он дает всем желающим возможность стать участниками самых известных военных операций и взять под свой контроль сотни достоверных моделей техники того исторического периода. Предложение, надо сказать, уникальное. Игра хороша еще и тем, что, создав свою армию и отточив боевое мастерство, вы сможете принять участие в баталиях по локальной сети или в Интернете. Там вы в полной мере сможете проявить свои полководческие способности.

Условия победы могут быть самыми различными: захват ключевого объекта, уничтожение всех врагов или их баз, набор определенного количества очков на время. Выбор огромен, и вам гарантировано много-много часов интересного время препровождения.

Наталья ЯКОВЛЕВА

ИЩУ ДРУГА

Мы искренне рады, дорогие друзья, поздравить всех наших читателей с Новым годом! Желаем всем здоровья, счастья и, конечно, новых хороших друзей, которых вы обязательно найдете с помощью нашей рубрики. Итак – первый в 2004 году выпуск «ИД».

15-летняя Настя – девушка спортивная, увлекается волейболом, баскетболом, легкой атлетикой. Из музыки ей нравится «жаброголосый» Витас. «Я и сама пою, говорят, есть талант. Мечтаю попасть на ТВ и поступить в театральное училище. А еще у меня огромное чувство юмора – со мной не соскучишься!»

Настя, ул. Советская, д. 4, кв. 2, с. Гладилово Голышмановского р-на Тюменской обл., 627321.

«Я очень люблю читать стихотворения, написанные моими сверстниками. Я и сама пишу стихи, повести и рассказы. А еще я увлекаюсь современными танцами. Мне 15 лет, учусь в десятом классе».

Еремеева Лина, ул. Федоровского, д. 19, кв. 83, г. Талнах Красноярского края, 663332.

А вот и еще одно письмо из Красноярского края. 19-летняя Евгена, по знаку Зодиака Рыбы, считает, что она – девушка упрямая, но стремящаяся к совершенству. Увлекается психологией и любит читать фантастику. «Я стараюсь любить людей такими, какие они есть. Моя слабость – высокенькие, рыженькие, веснушчатые мальчики с карими глазами. Может быть, именно такой мне и напишет?»

Евгена, ул. Октябрьская, д. 51А, кв. 17, пос. Стрелка, г. Лесосибирск Красноярского края, 662556.

«Люблю цветы, красивую, мелодичную музыку и, конечно, старый, добрый русский рок. Обожаю романы Гюго, стихи Ахматовой и Лермонтова. Пишу стихи и рисую. Хотела бы переписываться с парнем не моложе 16 лет и надеюсь, что переписка будет долгой и интересной для обоих. Романтики, если вы еще остались на свете – напишите мне».

Анастасия, ул. Чайковского, д. 2, кв. 38, г. Волжский Волгоградской обл., 404130.

Оля написала нам необычное письмо. Она просит, чтобы ей писали только девушки, потому что она – представитель сексуального меньшинства. «Из музыки я слушаю только девушек и женщин. Мои кумиры – Земфира, Юта, Диана Арбенина, Юлия Чичерина, Светлана Сурганова. Люблю читать романы Шиловой, Донцовой и стихи Марины Цветаевой (она ведь тоже была лесбиянкой)». Да, было такое. Но понимаешь, Оля, мы ценим Марину Ивановну не только за это...

Ольга, ул. Мамонтова, д. 2, кв. 4, г. Змеиногорск Алтайского края, 658480.

Но надо ж, однако, вспомнить, что по улицам ходят и представители сильного пола. Вот пожалуйста: Юра, 18 лет. «Хотел бы подружиться с девушками для духовного общения и моральной поддержки. Стану вам добрым другом, отвечу на все ваши вопросы, помогу решить все те проблемы, о которых вы захотите мне рассказать. Я люблю музыку, живопись, греческую поэзию и многое другое. Если вы хотите найти друга-парня, который бережно отнесется к вашим чувствам, – пишите!»

Широков Юрий, до востребования, п/д 026400, г. Кострома, 156023.

«Привет всем рэпперам и панкам страны! Пишет девчонка, которой как-никак 16. По знаку Зодиака – Лев. Люблю слушать зарубежных исполнителей – Эминема, Кристину Агилеру, Шакиру и других. В душе я мечтатель и фантазер. Целеустремленная и настойчивая, шутница, бываю изредка несносной и вспыльчивой. Хочу найти друзей по переписке старше 16 лет».

Катя, ул. Ленина, д. 54, с. Соколовское Гулькевичского р-на Краснодарского края, 352171.

«Мне 14 лет, по знаку Зодиака Водолей. Увлекаюсь фантастикой, астрономией, хожу в художественную школу. Люблю уроки географии, рисования, алгебры. А еще я люблю приключения, обожаю пошутить, сделать что-нибудь неожиданное. С удовольствием слушаю музыку, читаю, играю в карты или в шашки, гуляю по тундре...»

Джайлообаева Сабира, ул. 60-летия Октября, д. 11, кв. 60, п. Усть-Камчатск Камчатской обл., 684415.

«По характеру я романтическая и добрая девушка 16 лет, знак Зодиака – Лев. Обожаю петь, сочинять и слушать музыку, рисовать и... о-очень люблю фантазировать! Увлекаюсь всем, что связано с пиратами и древними народами Америки и Мексики. Мне нравятся люди, с которыми никогда не приходится скучать. Неравнодушна к «Матрице», космосу и паранормальным явлениям. Пишите все, кто разделяет мои увлечения, кто нуждается в совете или просто ищет хорошего друга».

Катерина, ул. Максима Горького, д. 102, кв. 22, г. Борисов Минской обл., Республика Беларусь, 222120.

Девушка – поклонница певицы Линды хотела бы переписываться с коллегами по увлечению.

Анель, ул. Пионерская, д. 63, кв. 53, г. Биробиджан Еврейской автономной обл., 679014.

17-летняя Наташа надеется найти друзей по переписке. «Я веселая, общительная девушка, занимаюсь английским, люблю спорт. В людях, особенно в друзьях, ценю верность, честность, умение выслушать и поддержать».

Наташа, ул. Алкснинес, д. 9, кв. 25, г. Клайпеда, Республика Литва, 5815.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Идя навстречу вашим просьбам, мы решили организовать подписку на наш журнал непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться бандеролью.

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера журнала вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим ваш заказ не позднее 5-го числа подписного месяца.

Стоимость одного номера с № 3 2004 года – 45 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4	
ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"	
<small>(наименование получателя платежа)</small>	
7701234320	
<small>(ИНН получателя платежа)</small>	
№	40702810400000003232
<small>(номер счета получателя платежа)</small>	
в	АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва
<small>(наименование банка и банковские реквизиты)</small>	
к/с 30101810800000000776 БИК 044579776	
<small>(Ф.И.О. плательщика)</small>	
<small>(Индекс и почтовый адрес плательщика)</small>	
Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев	
<small>(назначения платежа)</small>	
Дата _____	Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.
Плательщик (подпись) _____	

Кассир

Квитанция

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"	
<small>(наименование получателя платежа)</small>	
7701234320	
<small>(ИНН получателя платежа)</small>	
№	40702810400000003232
<small>(номер счета получателя платежа)</small>	
в	АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва
<small>(наименование банка и банковские реквизиты)</small>	
к/с 30101810800000000776 БИК 044579776	
<small>(Ф.И.О. плательщика)</small>	
<small>(Индекс и почтовый адрес плательщика)</small>	
Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев	
<small>(назначения платежа)</small>	
Дата _____	Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.
Плательщик (подпись) _____	

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «МЫ» на 2004 год на следующие номера:

3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Без денег как-то трудно жить,
Без них к Парнасу путь заказан.
Поэтом можешь ты не быть,
Но коммерсантом быть обязан!

Автор этих поэтических строк осветил проблему, конечно, правильно. Но односторонне. Почему только поэтом? А прозаиком? А художником, музыкантом, клерком в банке, приемщицей в ателье, не говоря уж о всяких там дилерах и брокерах? Все в наши дни обязаны быть хоть чуть-чуть, да коммерсантами. А что такое коммерция? Купил – продал, доход получил, пошел в магазин, опять купил... Видимо, в этом и заключается подлинный круговорот нашей жизни. И эта тема в ее разнообразных проявлениях не могла не вдохновить наших юмористов. А что – все мы люди, все мы человеки. Все мы радуемся этой жизни и все страдаем от нее. Вот свои страдания, выразившиеся в рассказах и стихах, и сложили писатели в этот выпуск нашей Телеги. Видимо, опыт торговли у них есть. Ибо, как сказал другой поэт,

Вот нашей новой жизни суть,
Когда мы в рынок все рванули:
Быстрее старайся обмануть,
Пока тебя не обманули...

А первым делом отправимся мы в... сексшоп! То есть, как принято говорить, в магазин «Интим». Там, конечно, много есть чего интересного, для разного употребления, но так употребить интимный товар, как захотел герой рассказа Ю.Лихолетова, – это, знаете ли, особое извращение. А что – за деньги теперь можно что хочешь захотеть...

Юрий ЛИХОЛЕТОВ

В СЕКСШОПЕ

- У вас надувная баба есть?
- Резиновая женщина?
- Обзывай, как хочешь, – только бы ее можно было надуть.
- Вам одноразовую или многоразовую?
- Многоразовую!
- Блондинку, брюнетку?
- Рыжую! И чтобы глаза были глупые!
- Может, желаете, чтобы она была похожа на кинозвезду: Мэрилин Монро, Шарон Стоун, Ким Бесинджер?
- Лучше на Нинку из пивного бара. Знаешь? У нее еще на носу огромная бородавка.
- Такую только на заказ. Но это будет стоить дорого и придется подождать.
- Плачу сколько угодно, но чтобы баба была готова очень быстро. Мне ее перед братвой надуть надо.
- Зачем?
- Пусть не треплются, что я лопух деревенский. Будто я даже глупую надуть не смогу. А я возьму и надую!

Современная жизнь человеку инициативному дарит всякие возможности. Учись, выдумывай, пробуй! Все тебе пути открыты – иди хоть в банк, хоть на биржу, хоть на панель. Но, оказывается, не все еще у нас перестроилось на новый лад, некоторые еще не могут привыкнуть к новой, веселой и энергичной жизни. Раньше им, видите ли, было лучше. Одно слово – отстой. И неизбежны юмористические конфликты между новым, передовым, и старым, отжившим. Прямо по законам литературы соцреализма, что и доказывает рассказик классика юмористики Лиона Измайлова.

Лион ИЗМАЙЛОВ

БРОКЕРЫ С ЛИЗИНГОМ

– Здорово!
– Привет.
– Ну ты как, устроился?
– Нет, пока работаю. Ты-то где?
– Ой, я как от вас ушел, где только не был. А ты?
– Да я как был в нашей ша-раге, так и остался.
– А я в СП.
– Это чего, Союз писателей, что ли?
– Да нет, совместное предприятие российско-конголезско-занзибарское с ограниченной ответственностью.
– Во, блин, даже вас ограничивают. Ну и чего вы там делаете, ограниченные?
– Ну СП, чего делаем, работаем.
– Это понятно, а делаете-то чего?
– Говорю же тебе – СП, чего делаем, вкалываем.
– Это я понимаю, а производите чего?
– Ну, СП – холдинговое предприятие. Три дочерних фирмы.
– Да хоть матерних, делаете-то чего?

– Все делаем, покупаем, продаем, в основном бартер. Кстати, у нас сахар уже в порту. У нас же эксклюзив-райт с Занзибаром через Конго. Мы им телогрейки, они нам сахар. Два вагона сахара тебе не нужны?

– Нет, жена вчера купила полкило песку, нам на месяц, а к лету я мешок возьму, жена варенья наварит, и все. А два вагона куда мне. Мне и вагоны ставить некуда.

– У нас в СП сейчас восемь дилеров, достают все из-под земли. Одного в Америку послали, двое в Корею. Слушай, ты же толковый парень был, может, мы из тебя дилера сделаем?

– Дилер – это что?

– Дилер – это специалист по маркетингу. У нас их восемь. А без дилеров это не СП.

– Ну а что вы там, в этом СП, конкретно делаете с этими дилерами?

– Крутимся.

– Это понятно, а это ваше СП, оно вообще какой специальности? Вы все чего там делаете, дилеры?

– Вертимся.
 – Это ясно, а делаете-то что?
 – Что делаем. Бабки делаем.
 – А как?
 – Ну я же тебе говорю, маркетинг, дилеры, на бирже три места брокерских купили. Брокеры, знаешь?
 – У нас тоже вчера на работе утюги давали импортные за полцены. На двадцать человек три утюга. Стали из шапки бумажки тащить, и начальнику отдела досталось. Все: везунок, везунок. А он домой пришел, утюг включил, свет, на хрен, вырубился, и телевизор взорвался. Вот тебе и везунок.
 – Слушай, а вам в вашей шарашке компьютеры не нужны? У нас есть партия тысяча штук с лазерными принтерами.
 – У нас вахтера уволили, помнишь, козел был. Болт не вынесешь, обыскивал, гад. А Серега, он джем яблочный в карман выдавил, целый тюбик. Вахтер туда рукой – ха-бах! Хапнул – весь в джеме. А Серега говорит: это тебе на чай. Тот ему джемом по роже хрясь! Ну и выгнали козла вместе с Серегой.
 – Мы сейчас факсами и телексами торгуем. Мы их по лизингу покупаем. Лизинг, знаешь?
 – Ну это смотря какой лизинг. Лизинги, они ведь тоже разные бывают. Если мороженое, тогда такой легкий лизинг. А бывает, когда начальству, это уже не лизинг, а настоящее лизато. А брокеры – это что, это печеньека такие?
 – Нет, печеньека – это крекеры. А брокеры – это которые

на бирже играют. У нас оборот сейчас триста миллионов. Нам сейчас такие инвестиции вливают.

– Куда?

– Куда надо, туда и вливают. Менеджеров готовим в Колумбийском университете.

– А мы тоже тут на работе Восьмое Марта отмечали. Наклюкались в укатуху. А у нас в отделе на одного мужа шесть баб, и все бесплатно. Наклюкались, не помню, как домой пришел. Утром просыпаюсь, в постели я, жена и две чертежницы. Ну, повалеха.

– А жена что?

– А что, встала, пошла на работу, а у нас-то отгулы.

– А эти что?

– А что – встали, все съели и снова спать улеглись.

– Слушай, ты же толковый парень, давай к нам в дилеры или брокеры.

– Да нет, это, наверно, надо национальность менять. А я уж привык.

– Дурачок ты, за нами будущее: коммерция, вклады, акции, менеджером станешь, маркетингом займешься.

– Не, мы только самогон. У нас мужики термостат приладили и гоним, гоним, гоним.

– Да ты пойми, у нас зарплата тысяча зеленых, правда, крутиться надо с утра до ночи.

– Не, у нас сейчас продамаг внутри шарашки открыли, колбаса любая, повидло такое. А тут мы всем отделом на природу поехали, так ты не поверишь, наклюкались, мужики все на деревья залезли, а бабы нас снизу пал-

ками сбивали. Кого собьют – твой.

– Значит, в дилеры не пойдешь?

– Да погоди ты. Меня Марья Васильевна сбילה. Я ей сверху на шею и загремел, а она загремела в Склиф. Не обломилось со мной пожить. Теперь лежит в гипсе, говорит, не очень-то и хотелось.

– Ну и козлы вы все. Тащишь вас из болота, а вы еще упираетесь. Никакие реформы вам не помогут.

– А нам и не надо. И катитесь вы вместе со своими дилерами по лизингу к брокерской маме.

Вот такое, понимаешь, недомыслие: тащат их в светлую жизнь, а они... А ведь если подумать – каждый человек может найти себе достойное, теплое место в новой счастливой жизни. Особенно если ему есть чего продать. И особенно если товар его недешев.

Анатолий ТРУШКИН

НА РЫНКЕ

На рынке подходит ко мне какой-то тип, говорит:

– Я знаю, у вас доступ к государственным секретам. Не согласитесь ли продать Родину за хорошие деньги?

Я сперва даже не понял, переспросил:

– Родину?

Он говорит:

– Да... За хорошие деньги.

Я с презрением спрашиваю: что значит «хорошие деньги»?

Он говорит:

– Тысяча долларов.

Я говорю:

– Мерзавец ты!

Он:

– Тысяча двести.

Я говорю:

– Я?! Родину?! За тысячу двести?

Он:

– Тысяча триста.

Я рассмеялся ему в лицо, говорю:

– Это, что ли, как у вас там принято – зарплата раз в неделю?

Он говорит:

– Как у вас – раз в месяц.

Я говорю:

– Мерзавец ты!

Около нас уже любопытные собрались – куча. Многие предлагают:

– Давайте мы продадим Родину.

Но он уперся:

– Нет. Только он.

Я вижу – все кругом чем-то торгуют: расписанием поездов, схемами оборонных объектов, режимом работы женских бань, рецептами самогона. И я... не то что заколебался, нет! Но удивился.

Тип тут же говорит:

– Тысяча девятьсот в день!

Кругом кричат:

– Соглашайся! Соглашайся!

Рожи у всех развратные.

Я думаю: «Нет! Назло им буду торговаться». Говорю:

– Две тысячи в день!

И тип сломался:

– Согласен.

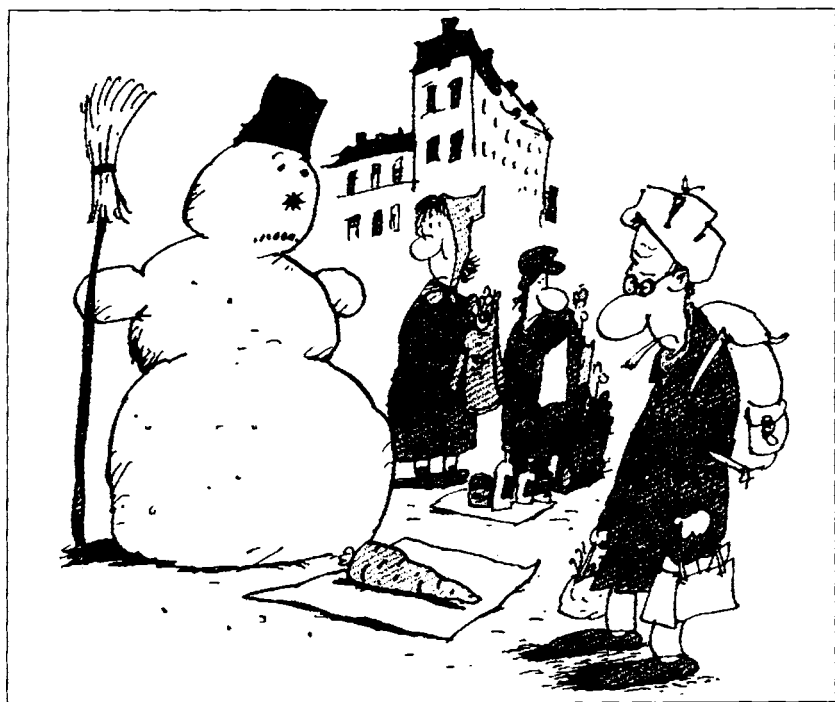
Отсчитал две тысячи, говорит:

– Скажи все-таки, почему так дорого?

Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Потому, чужеземец, что Родина!..

Самое дорогое, что у нас есть.

Пора, наверное, перейти и к стихам. А как же без них? Ведь возвышенным, тонким поэтам тоже приходится ходить на рынок и в магазин, думать о том, чего купить можно, что по карману, а что нет. Вот и вырывается из их груди поэтическое слово, то яростное, то лирическое... У кого на что талант. Вот поэт Владимир Москвин – тот походил по рынку, походил и... ушел несолоно хлебавши. А почему? А потому... почему мы все, бывает, остаемся без покупок. А Инна Савельева проявила полную некоммерческую свою натуру. То ей галош не досталось, то ветчина не такая... Размечталась, девушка: берите, что дают.

Владимир МОСКВИН

В МИРЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Торгуют иные всем и всеми
По всей истерзанной Рассее,
Торгуют бешено, вразнос -
Чем Бог послал и черт принес.

Одеждой, обувью, «ГУЛАГом»,
У-шу, землю, красным флагом
И ерундой из пяточков
(Для особых дурачков);

Торгуют и старьем, и новой,
Дворцами, танками, любовью,
Валютой, верою святой,
Крутою правдой с клеветой;

Неиздававшимся поэтом,
Балетом, сексом, партбилетом
И сверхсекретными досье
На наших бонз во всей красе;

Торгуют твердым убеждением,
Торгуют честным побуждением,
Торгуют тем, торгуют сем –
И никаких тебе проблем!

Между кричащими возами
Иду с горящими глазами:
Как изменился белый свет!
Всё есть! Вот только денег нет!

Инна САВЕЛЬЕВА

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

Раньше падали мы в обморок
в ФРГ от гастрономии,
видя двадцать пятый окорок
пред своей физиономией.
Сто колбас – глаза разъехались,
сто сыров в обертках праздничных,
сто пирожных, да с орехами,
пироги, ликеры, прянички.
Изменилось все, и к лучшему.
На черта лететь в Германию:
можно по такому случаю
и у нас терять сознание.

ЦЕНЫ

Цены редко могут быть смешными,
чаще же безбожными, большими,
доводя нас быстро до суммы.
Рыночными, твердыми, крутыми,
крайними, кусачими, лихими
или взвинченными, как все мы...

НЕСВЫТОЧНАЯ МЕЧТА

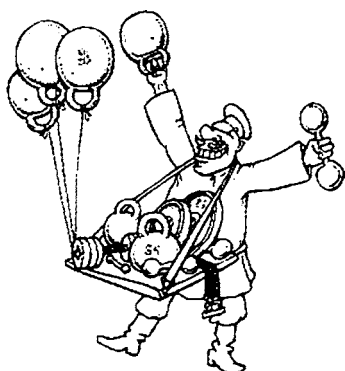
Мне не надо фермуара
с бриллиантом в три карата.
Если выиграю «вольво»,
не возьму я и его.
Не хочу пакета акций,
самых ходких и ликвидных,
и не соблазнусь картиной
Рафаэля самого.

Для чего мне табакерка
из вещей Наполеона
или, скажем, чтоб назвали
моим именем звезду?
В нашем городе так сыро,
и никто не убирает -
я хочу купить калоши
и нигде их не найду.

Многие говорят, что Россия шла в рынок, а попала на базар. Но ведь торговля в той или иной форме всегда была свойственна нашему народу – а иначе для чего же были придуманы ярмарки? На них одни покупали, вторые продавали, третьи наживались, остальные пропивались... Всякое там было. Историки из замечательного журнала «Красная бурда» поставили себе целью исследовать, что же привело русский народ на ярмарочные площади – медом там, что ли, намазано? Может, и медом, а может, и еще чем другим. Почитаем статью и узнаем много чего интересного о предках да и о нас самих.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ. ЯРМАРКА

Яhr Markt – так назвал русский народ место ежегодной сезонной торговли и увеселений. И название сохранилось до сих пор, несмотря на новейшую моду заменять исконно русские слова иностранными.

Ярмарки на Руси зародились в незапамятные времена. Возникали они всегда в самых неудобных местах – на пересечении торговых путей. Вроде бы надо купцам поскорее проследовать по своим делам, а пройти никак нельзя – ярмарка!

Приходилось останавливаться и, что поделаешь, торговать своим товаром. Поначалу на ярмарки тащили ненужный в хозяйстве хлам. Ну, например, зачем крестьянину сто мешков зерна, когда съедает он за год от силы два-три? Или зачем кузнецу пятьсот подков, когда у него и лошади-то нету, а только кузница? Вот и заполнялись унылые ряды первых ярмарок барахлом.

Однако таскать на себе ненужное барахло было делом нелегким. Например, притащить из Рязани пятьсот возов грибов с глазами в далекий Ирбит или притащить из далекого Ирбита обратно в Рязань пятьсот пустых возов – дело нешуточное! В ход пошли лошади (о возможностях автофур в те времена еще не догадывались). А где лошади – там и цыгане!

О цыганской торговле лошадьми до сих пор ходят легенды! Десятки тысяч ворованных европейских лошадей ковыляли и колесили по российским просторам (многие старше семи лет!), и никакой Интерпол ничего с этим поделать не мог. Спрос на лошадей всё возрастал, поскольку

обычно крестьяне приезжали на ярмарку, чтобы купить лошадь или пропить деньги, скопленные на лошадь. Цыгане предлагали самый разнообразный тюнинг лошадей – перекрашивали их, выправляли мятых (надували), устанавливали седла-дуги-оглобли. Иногда они надували лошадей горячим дымом, и те висели над ярмаркой, покачиваясь и веселя народ громким ржанием.

Кроме лошадей, на ярмарках показывали и других забавных животных. «А ну-ка, Миша, покажи, как государь-анпиратор коронуется! А ну, покажи, как Достоевский пишет! А теперь – как Пушкин царизм обличает! А теперь – как Ботвинник думает!» И Миша потешает народ как может! Народ цветы бросает, за автографами лезет. Миша никому не отказывает. Популярность у него бешеная. В каждом городе – одно и то же: «Миша, я хочу от тебя медвежонка!», «Миша, каковы ваши творческие планы?», «Миша, пожалуйста на пресс-конференцию!», «Миша, вас ждёт губернатор!..»

Скоморохи и шуты потешали публику. Иногда торговцы нанимали скоморохов, чтобы те, приплясывая и ходя колесом, нахваливали их товар, выкрикивали запоминающиеся слоганы – «Деготь, лыко и пенька – вот товар для мужика!», «Не маракуй – лошадь подкуй!», «Ешь побольше сала, чтоб хозяйство стояло!», «Хорошо иметь домик в Петербурге!» То были первые, живые рекламные ролики.

Ярмарка обычно гудела, шумела и представляла собой огромную толпу торгующих, покупающих и празднующих, а иногда уже и праздновавшихся людей.

Перемены внес некий торговец Фурье, который первым предложил ввести торговые «ряды», расположив торговцев в линию и разделив покупателей и продавцов. Он же вывел один из первых законов торговли – о том, что при бесконечной торговле цена покупателя и цена продавца сходятся к конечной величине реальной стоимости товара. Благодаря этим теоретическим изысканиям торговля на ярмарках пошла довольно бойко.

Пряники печатные (с надписями) и непечатные (с надписями и рисунками), зелено вино (называемое теперь абсентом) раскупались с бешеной скоростью. А хохлома и гжелька, жосткинские подносы, картины Рублёва и прочие народные поделки благодаря невысоким ценам были в каждой избе.

Однако бывало так, что за одну ярмарку торговец не мог реализовать весь товар – скажем, рыбу или мясо. Тогда на следующей ярмарке (через год) этот товар продавался со значительной скидкой. Это было выгодно.

В XV веке на ярмарках появились первые пуховики. Но поскольку темное, косное крестьянство предпочитало ходить в тулупах, ни один пуховик так и не был куплен, и еще пятьсот лет их в Россию не возили.

На ярмарке можно было познакомиться с самыми последними достижениями науки, техники и литературы. Глупые русские мужики приобщались к искусству лубка, несли в избы книги «Про Милорда Глупого», а вот сочинения Белинского и Гоголя отчего-то не пользовались спросом.

Очень хорошо продавались различные лекарства, зелья и снадобья. Знахари предлагали покупателям конопляные куренья, презервативы из бычьего пузыря, монпансье «Антигородовой». Кстати, сам городской обычно ходил между рядами и строго следил, чтобы у него не спёрли кошелек.

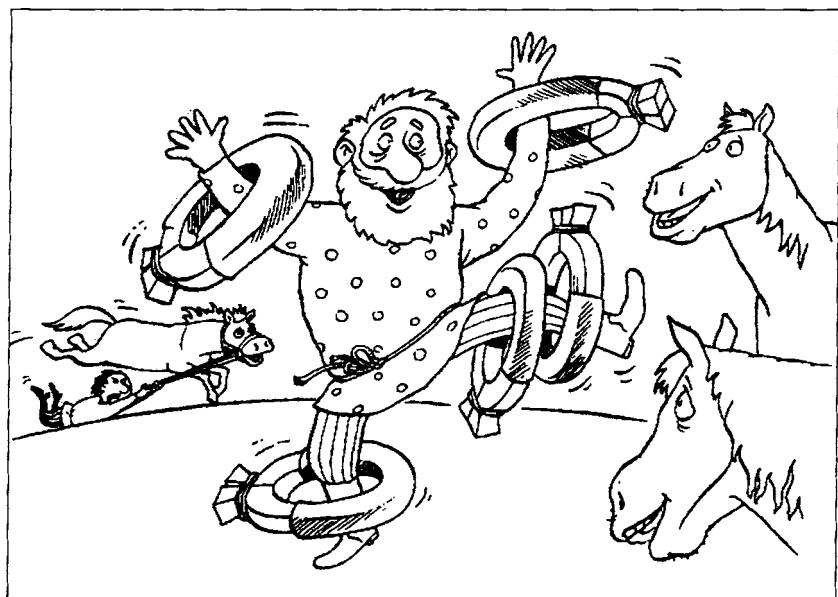
Дело в том, что благодаря ярмаркам на Руси расцветали различные народные промыслы, в том числе и воровство. Поимка вора – еще один повод для ярмарочного увеселения. Весь торговый люд бросал свое занятие, и начиналась веселая игра «Держи вора!». Вся ярмарка кричала «Держи вора!!!», в том числе и сам вор, и все хватали друг друга за что попало. Особенно весело было девкам и бабам.

А ярмарочные петрушки? А конфеты-бараночки? А словно лебеди сачочки? А облучки-каблучки? Всё прошло, все умчалось...

Лишь некоторые вещевые рынки потихоньку возрождают старинные русские традиции. Правда, вместо петрушек – ахмеды, вместо бараночек – бастурма, зато каблучки и пуховички – в огромном количестве.

Нынешнее руководство налогового министерства считает русские ярмарки не более чем вымыслом и красивой легендой. «Как можно торговать без ККМ-ов и ИНН-ов? Без накладных и товарных чеков, наконец? Всё это миф!» – заявил тут недавно налоговый министр М. И. Рюкович.

Однако это было на самом деле. При заключении сделки торгующие стороны не обменивались бумажками, а просто ударяли по рукам. Многие успешные торговцы возвращались домой, не в силах поднять опухшие и все в синяках руки. Каждую сделку полагалось «обмыть», что-

бы никто не остался в барыше, так что опухшие и все в синяках рожи тоже были не редкостью на ярмарках.

Да уж, это точно: где ярмарка – там и кабак. А где кабак – там и веселье. Спиртное в те времена продавали ведрами, для удобства. На каждом ведре аккуратно наклеивали государеву акцизную марку – считалось, что без этого алкоголь не подействует.

Медовуха текла рекой! Выйдет, бывало, кабатчик, вынесет бочку зелья, да и хрясь по ней топором! Не жалко! Опять же, это иногда было и оправдано, потому что многие, устав, уже не могли встать с земли и поэтому продолжать ярмарочное веселье могли только лёжа...

Ежели купец не пропьёт или не проиграет всё, что нажил на ярмарке, и если его не ограбят по дороге домой, – значит, это настоящий хозяин, разумный, работающий и рачительный. Такие богатели, становились заводчиками, заводили дружбу с интеллигентами и в конечном итоге спускали всё богатство на театры и картинные галереи...

Когда ярмарка заканчивалась, начиналась еще одна потеха: участники устраивали бои «стенка на стенку».

Скажем, шубный ряд на дубленковый, или джинсовый на кожаный. И кто побеждал – тому на следующий год и на лучших местах торговать!

Длилась ярмарка, как правило, месяц, или два, или три. А потому возвращения мужика с ярмарки семья ждала с нетерпением. Тот всегда возвращался с гостинцами. Детям – свистулек из акации, жене – пакли для прокладок, старикам – земной поклон. Всем хоть что-то, да доставалось!

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

ВАЛЕРИЯ
«СТРАНА ЛЮБВИ»
 Nox Music

«Певица, которую ждали»... Помните, лет десять-двенадцать назад улицы многих городов нашей необъятной страны украшали огромные щиты, возвещавшие о ее мессианском пришествии? Правда, пафос уличных аншлагов был тогда совершенно не оправдан. Зато сегодня – вполне. Значит, дождались. Валерия предлагает нам посетить ту «Страну любви», в которую она попала совсем недавно. Ее часики, какое-то время ржавевшие в пыльной, неприбранной мастерской бывшего супруга, наконец, обрели свой ход и теперь даже... смеются. Смеются над всеми нами – простыми добывальщиками хлеба насущного и неисправимыми сибаритами, бизнесменами и кухарками, мас-

терами своего дела и... чайниками. Ибо где бы мы ни находились, нас везде достигнет их навязчивый стрекот.

Речь идет, как вы понимаете, вовсе не о безмолвно тикающих спутниках серьезного человека, а о прелестном (что тут скрывать?) шлягере, который, однако, раскручен ныне до состояния шизоидной параноидальности. Да, когда слышишь его во второй, третий, пятый или десятый раз в течение месяца, он покоряет своей напевной легкостью, элегантною простотой, девичьей наивностью и двойным полуироническим смыслом: «Девочкой своею ты меня назови, а потом обними, а потом – обмани...»; но когда «Часики» преследуют тебя буквально по пятам и ты вынужден (я подчеркиваю: вынужден) слушать их раз по двадцать на дню, возникает ощущение, что певица вместе со своим продюсером (а также купленными музыкальными теле- и радиоредакторами) задались целью просто-напросто добить слушателя будильником по башке. И песня, увы, не кажется уже такой шедевральной.

О новом диске Валерии говорят ныне как о чем-то неслыханном и небывалом. Понятное дело, продюсер и менеджеры хотят внедрить в массовое сознание мысль, что песни этой талантливой певицы – лучшее,

что есть сегодня на поп-сцене, а потому только это и стоит покупать. В пресс-релизе, посвященном выходу альбома, артистку заявили как «ярчайшую звезду эстрады» (видимо, все остальные «отдыхают»), а также как «самую утонченную, стильную и элегантную женщину на сцене» (а что же Лайма Вайкуле, Кристина Орбакайте, Ирина Понаровская, Эдита Пьеха? В подметки не годятся?).

«Каждый ее хит – даже десятилетней давности – помнится до сих пор. Жизнь этой артистки со стороны походила на волшебную сказку, о ее славе мечтал любой, а ее семья была образцом для многих...» Господи, да в своем ли уме был графоман, написавший подобное? Здесь что ни слово, то ложь. Десять лет назад у Валерии не было ни одного хита (ну, если только «Цветы» А. Вертинского). Ее альбомы «Симфония тайги» и «Побудь со мной», вышедшие в 1992 году, провалялись (несмотря на несколько клипов, активно крутившихся по ТВ), и помнит о них лишь горстка критиков. Славы она тогда никакой ни снискала, да и сейчас говорить об этом рано – речь может идти только о популярности. Слава – это совершенно другое понятие. О личной жизни и семье певицы мы до последнего времени не знали почти ничего. А уж чтобы почитать их «за образец»!.. Подобные панегирики своим ложным пафосом, считаю, лишь принижают несомненный певческий талант Валерии и портят ее личностное реноме. Господа пиарщики, не мешайте

певице своими неуклюжими комплиментами!

Впрочем, масла в огонь подливают и более крупные рыбы. Композитор Игорь Крутой «по количеству хитов и по тому, что она делает с песнями» даже сравнил Валерию с... Аллой Пугачевой в «ее лучшие годы», что кажется совсем уж неслыханной дерзостью (Крутой, видимо, давно не слушал архивов Примадонны). Думаю, самокритичной и чуткой Лере все же достанет мудрости правильно оценить щедрость подобных авансов.

Возвращаясь к ее новому диску, надо отметить, что его композиции, к сожалению, большей частью однообразны – и по мелодике, и по аранжировке. Почти все они одеты в платье одного фасона – только цветастый рисунок время от времени слегка меняется. Это то, что называется «синдромом

одного композитора». Девять песен из десяти написал Виктор Дробыш – довольно опытный автор, много лет проработавший за рубежом (в частности, в Германии и Северной Европе). Однако интерес представляют лишь «Перелей вода» (там звучит красивая голосба в этническом стиле), «Радуга-дуга», уже известная «Была любовь», навязшие в зубах «Часики», а также новая работа Владимира Матецкого «Угадай». Практически все вещи (за исключением двух или трех) сделаны в танцевальном стиле. «Розовый туман» и «Страна любви» до боли напоминают стилистику незабвенной «АББЫ». А вот «Ты пришел» и «Обо мне не вспоминай», оказались, к сожалению, опусами без изюминки. Они невероятно скучны и вялы.

Беда всего проекта – тексты. Кажется, будто их авторы (в особенности некая Лена Стюф) долго сочиняли один и тот же бесконечно длинный сюжет, который затем попросту разрезали на десять частей. Везде почти одни и те же малозначащие, затертые слова и выражения: «Не зови меня больше, туман только знает, где меня искать», «Там розовый туман, синий океан нас двоих уносит в ночь, Там я твой талисман, и любви обман все печали наши гонит прочь». И так далее. В общем, не фонтан, хотя момент актуальной автобиографичности во многих песнях, несомненно, присутствует.

Что же касается хвальной «хитовости» нового диска, то здесь еще бабушка надвое сказала. Широко популярны пока

только два шлягера. При назойливой раскрутке удастся «внедрить в мозги», возможно, еще два, от силы три (продюсер Иосиф Пригожин намерен размещать эти песни в теле- и радиозфире в течение двух лет). Короче, в целом получился довольно симпатичный альбом, но не бесте.

Позволю себе заметить, что даже в личном каталоге Валерии «Страна любви» – не лучшая пластинка. Предыдущий ее альбом – «Глаза цвета неба» (2001) – был значительно сильнее в музыкальном отношении. Особенно восхищали яркие изобретательные аранжировки (в том числе с мощными гитарными партиями) и, конечно, репертуар – вспомнить хотя бы такие хиты, как «Метелица», «Ты где-то там», «Не обижай меня», «Таю, таю, таю на губах», «Рига – Москва», «Не обманывай» – практически ни одной проходной вещи. Помню, особенно покорила меня очень необычная для певицы, но так, к сожалению, и не раскрученная композиция «С ангелом»: утяжеленная, роковая, очень плотная по звуку, на хорошем диапазоне, – словом, настоящая «фирма». Такой Валерии мы не слышали больше ни до, ни после. А так хочется, чтобы в ее творчестве уживались множество музыкальных линий, стилей и жанров – масштаб дарования певицы это вполне позволяет. Право же, не стоит заикливаться на одном-двух пусть даже самых талантливых композиторах. Иначе всю жизнь придется петь одну и ту же никогда не кончающуюся песню.

**«ПРЕМЬЕР-МИНИСТР»
«ПЯТЫЙ ОКЕАН»
Iceberg music**

Часто думаю: а есть ли перспективы у огромного количества расплодившихся ныне мальчишеских групп? И почему их вообще так называют? Ну не только ведь из-за конкретного полового признака, правда? Вот есть, например, шикарная шоу-группа «Хор Турецкого», в котором тоже одни мужчины, но вы помните, чтобы кто-нибудь произнес: «Вы слышали, как поет мальчишеский «Хор Турецкого»?» Да и мало ли у нас было чисто мужских коллективов? Возьмите любой джаз-бэнд, любую рок-команду. Можно ли представить, чтобы в прессе писали об успехе «мальчишеских» групп «Алиса», «Кино», «Аквариум»? То-то и оно. Зато этот эпитет прочно закрепился за поп-ансамблями — «Динамит», «Руки вверх!», «И.К.С.- Миссия», «Револьверс»... И первым номером в этом ряду стоит, конечно же, «Премьер-министр».

Не знаю, как у кого, но перспективы у этих ребят самые ра-

дужные, потому как «премьеры» в меру талантливы и профессиональны. Обладая очень скромными вокальными данными, они умело раскладывают песню на голоса, грамотно ведут свои партии, сплетая их в незамысловатый тюлевый узор. Если добавить к этому способность находить (и создавать!) самые настоящие хиты, а также личностную харизму каждого из членов группы, то можно предположить, что такого мощного задела должно хватить им не меньше, чем на десятилетие.

В этом еще раз убеждаешься, слушая новый альбом «премьеров» «Пятый океан». Там буквально шлягер на шлягере — милые, запоминающиеся мелодии, прекрасный компьютерный мастеринг, карамельные голоса, легкий и певучий саксофон Петровича (Вл. Преснякова-старшего) в финальной песне.

Но вспомним, о чем поют в этих «высоких кабинетах»: «Саша + Маша равняется Л, Паша + Даша равняется Л, Слава + Света равняется Л», «Две минуты, две минуты, чтобы, может быть, случилось чудо»... Все это вы неоднократно слышали. «Господи, опять одно и то же! — пробухтит взрослый читатель. — Как будто других проблем в нашей жизни и нет вовсе».

Меня, однако, смущает другое. Видите ли, пафос названия группы как-то не вяжется с поднимаемыми в творчестве «П-М» проблемами детской гиперсексуальности и подросткового максимализма. Ну что это: «Паша + Глаша = ...»? Надписи на школьных партах? Настенные граффити? Строго говоря, и

«поэтическая» находка не нова: вспомним хотя бы давнюю песню Юрия Саульского на стихи Наума Олева «Татьянин день», где есть строчка «Татьяна плюс Сергей равняется любовь». Но прелесть сей фразы в том и состоит, что поется она только один раз, а не из куплета в куплет, да еще с разными именами и разным количеством повторов!

Напротив, композиция «Тебя придумал дождь» Жаника Григорьева-Милимерова вызывает умиление и приливы легкого романтизма. Он вообще очень хороший мелодист и трогательный человек. Песню не портят даже отдаленно слышимые интонации Бритни Спирс.

Большей частью удачные тексты придумывает для группы опытный песенник Карен Кавалерян. Мне понравилась строфа: «Засыпай, снег, до самых крыш бульвары, парки, дома, Засыпай, не бойся, малыш, это просто колдует зима». А вот строчка из другой симпатичной вещицы, думается, совсем необразна: «Пудра, белая пудра делает с тобой чудеса». Может, конечно, она и делает чудеса – с дамами балзаковского возраста, но они вряд ли слушают «Премьер-министр». А весну (то бишь девочек-тинэйджеров) лишние краски только, извините, старят.

На диске много кавер-версий старых проверенных шлягеров. Не знаю, зачем это нужно «премьерам». Не царское это дело перепевать «Синий-синий иней» (что «лег на провода») или «Cosa Sei» из репертуара «Рикки-э-повери». Тем паче что никаких новых красок в прочтение этих хитов артисты не привно-

сят. Кроме того, старенький укупниковский «Туман» (и не только его) ребята поют на очень высоких нотах – фальцетом и тенорами (им еще подсобляет Пресняков-младший). Получается что-то вроде хора мартовских котов. Хотя кто-то как будто полупоет, полупашептывает что-то в малой октаве (или мне кажется?), но его почти не слышно. А зря! Баритональная линия только усилила бы впечатление от высоких голосов (это к сведению продюсера). Послушайте хотя бы упоминавшийся здесь «Хор Турецкого». Как они поют, какая фантастическая раскладка вокальных партий – звучат абсолютно все регистры!

Но вернемся к «Пятому океану». (Кстати, какой из них имеется в виду – Тихий, Атлантический, Индийский, Южный или Северный Ледовитый? Об этом в альбоме – ни гу-гу.) Пока диск находится в плеере, создается впечатление, что Жан, Пит, Марат и Слава – это не взрослые мужики, а, простите, дети-переростки. Взять хотя бы номер «Девочка-модель». Там есть вставные разговорчики типа: «Ну ты что, уговорил ее, нет? Не повелась?» – «Не повелась совсем, не ведется!» Да, несерьезно, хотя, согласусь, забавно. Или «Плачет дождик» (дует с Надеждой Кадышевой). Умилый лубок, детская погремушка, заменяющая ребенку родительские забавы в духе «уси-пуси». Я бы рекомендовал «Дождик» для разучивания в детском саду – вот потеха была бы взрослым на утренниках!

Кстати, детский хор студии «Игра» подпевает «премьерам»

в заглавной композиции. Но он там, увы, практически не нужен – ребята сами поют, как дети. Теперь вы поняли, отчего подобные группы называются мальчиковыми?

ИРИНА АЛЛЕГРОВА
«ПО ЛЕЗВИЮ ЛЮБВИ»,
J. R. C

Певица Ирина Аллегрова все время провоцирует говорить о себе. То «тучи разводит руками», то «императричит» без границ, то ищет «весну в раю», то открывает «гарем на четыреста мест», – специалист она, конечно, на все руки. Правда, ее сольные концерты (которые очень часто идут под «плюсовую» фонограмму) грешат излишней помпезностью, дешевым шиком, показной откровенностью и демонстрацией несуществующей «крепкой» взаимной любви с публикой. А оттого малоинтересны. Беда певицы в том, что она все время пытается выдать желаемое за действительное. И гастроли-то у нее небывалые, и успех обвальнй, и репертуар «круче некуда». На самом деле

успех ее отнюдь не феноменален и нисколько не больше успеха той же Алены Апиной, Лолиты, Тамары Гвердцители или Ирины Понаровской. И уж значительно меньше фурора Валерии, Земфиры и Кристины Орбакайте. Универсальная карта Аллегровой – актерство: она все время толкует про какие-то свои «мини-спектакли». Господи, кто ей сказал это? Если она действительно считает себя актрисой, то, видимо, никогда не бывала в театре и даже не представляет, что это такое.

Тем не менее последний диск Аллегровой «По лезвию любви» (одноименный с прокатываемой ею по России программой) более чем хорош. На фоне безликой и «безмузыкальной» поп-продукции это почти прорыв. Там много весьма глубоких песен о женской доле, несчастной любви, одиночестве и жертвенности. Много эмоционального порыва, нерва. Интересные мелодии, полноценные аранжировки. «Я столько ночей ждала, море дождей прошла, все проклиная вновь, Я сердце свое сожгла, но не горит дотла проклятая любовь». Словом, Аллегрова, как всегда, «в своем репертуаре». Только, думается, не стоило в процитированной песне имитировать раскаты весеннего грома – они в наше неспокойное время напоминают почему-то о чеченских взрывах.

Почти все песни альбома написал Алексей Гарнизов. Зря его часто ругают: он неплохой композитор. Достаточно вспомнить популярную «Вишню» из репертуара Валерия Леонтьева («Сладкою стала вишня, горькой

для нас с тобой, что ж между нами вышло, ангел любимый мой?») или известный поп-реквием «Стынут слезы мои на морозе, каждый год провожая друзей...» Удивительно другое: зачем Ирина решила спеть их сама? У нее есть и свои достойные песни, в том числе и на этой пластинке. Например, «Невинная любовь» или «Ты и я». Она исполняет их лирично, выразительно. Как, впрочем, и романс Игоря Азарова на стихи Регины Лисиц «Убереги его» – совершенно нетипичная для певицы работа. Здесь она тонка, женственна, ранима, а не... вздорная мужичка с хрипатым голосом. Хороши и откровенно шлягерные вещи – «Подари эту ночь» (стихи Ю. Гарина) и «Проще простого» (стихи Е. Муравьева). Незатейливые «житейские» строчки, легкая «кабаретность» исполнения, немного цыганщины – вот вам и рецепт успеха по-аллегровски (говорю без иронии). Очень доверителен и обволакивающ в облегченной блюзовой манере «Корабль любви». В целом удалась исполнительнице и трудная драматическая баллада «Скрипач» Ю. Донской и О. Куланиной. Покоряют эпичность повествования и чеканная дикция. И все-таки этого еще мало, чтобы считать себя настоящей поющей актрисой.

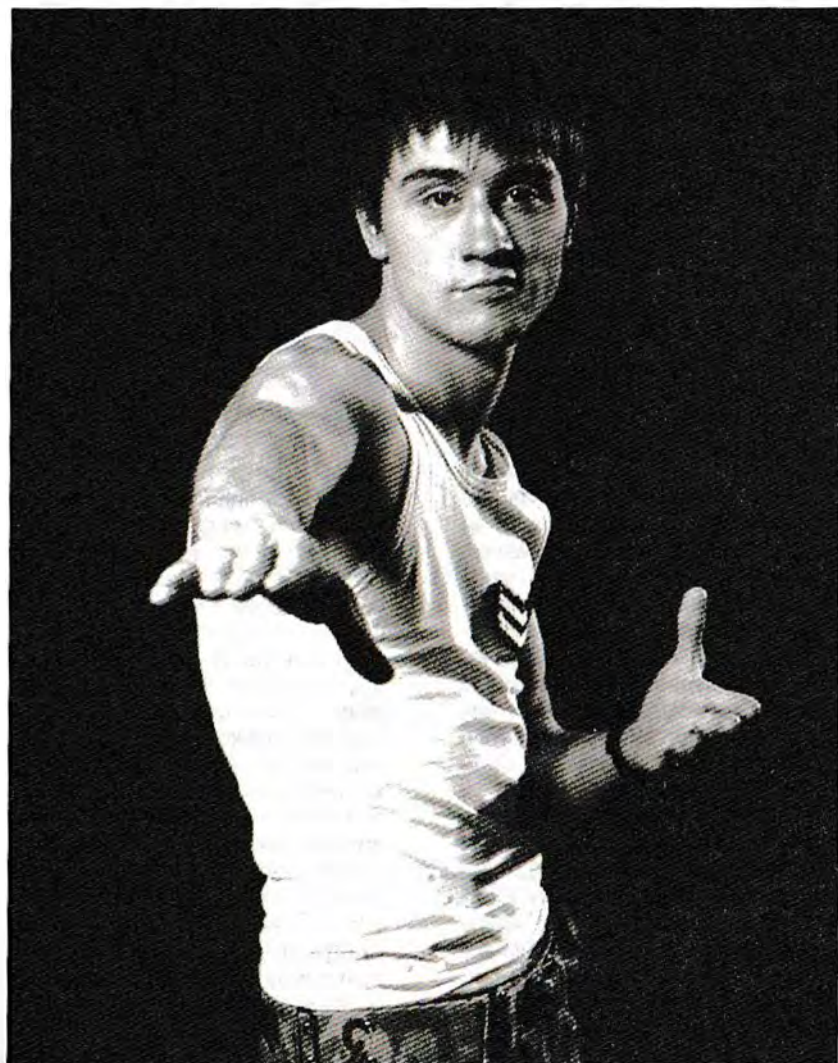
И чего уж я совсем не ожидал от альбома, так это песни-шедевра. Ура! Она есть на диске. Это, конечно же, «Я плачу». Особенно восхищает куплет: «Ты – в нежности огня, ты – в музыке дождя, моя тень, ночь и день, и с каждым снегопадом рядом ты, любовь моя...» Высоко! А сколь точна пауза после слов: «...и

первым встретил небо, я хочу к тебе!» Великолепен и клавишный пассаж на фразе «Я так люблю твои глаза усталой птицы». Правда, в некоторых местах голос певицы оказался сильно «утоплен» в гвоzdящих звуках синтезатора и на фоне общей аранжировки. То есть человек старается, а слышно его плохо. Это вина звукорежиссера. Впрочем, если эту вещь исполнять на концерте вживую и столь же эмоционально-строго, жаркие аплодисменты и горячее признание слушателей обеспечены. Тогда и не придется жадно выторговывать их выпреними «задушевными» диалогами с залом и клятвенными заверениями в святой любви.

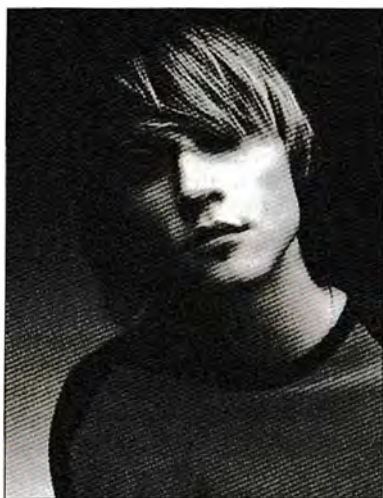
Сергей БАТУСОВ

ДИМА БИЛАН: «ЗВЕЗДА» – ЭТО ПРЕХОДЯЩЕ

Молодой и подающий большие надежды исполнитель Дима Билан родился двадцать один год назад (а точнее, 24 декабря 1982 года) в Ставропольском крае. Еще в дошкольный период Дима радовал своими вокальными номерами всех соседей по лестничной клетке, а чуть повзрослев, в школе, принимал участие во всех мероприятиях, где так или иначе можно было проявить свой творческий потенциал: закончил музыкальную школу, солировал в школьном хоре, участвовал в различных концертах регионального масштаба. В общем, понял Дима Билан, что без музыки ему не жить. И поехал в Москву. Поступил в музыкальное училище имени Гнесиных (которое, кстати, на данный момент уже окончил – по классу классического вокала), учился усердно и мечтал о большой сцене.

И вот в один прекрасный день, как гласит легенда (то есть как утверждают и сам Билан, и его продюсер), на одной из тусовок увидел Дима именитого продюсера Юрия Айзеншписа (которому своей славой обязаны такие деятели отечественной поп-сцены, как, например, Влад Сташевский, Никита, Катя Лель, группа «Динамит»). И решил Билан, что его счастье в его же руках: хватай, а то убежит! Подошел Дима к Юрию Шмилевичу

и без лишней скромности заявил, что хочет петь и просит о помощи. Айзеншпис же, будучи продюсером опытным, сразу смекнул, что парень «с искрой», и пригласил Билана на прослушивание. Когда же выяснилось, что билановские амбиции подкреплены сильным, хорошо поставленным голосом, Айзеншпис решил: «Будем работать!»

Дебют Билана на большой сцене состоялся на фестивале молодых исполнителей «Новая волна – 2002» в Юрмале. Призового места занять, правда, не удалось, но четвертое – тоже для начала карьеры неплохо, да и публика (особенно, конечно, женская ее половина) восприняла Диму «на ура». А после клипа на песню «Бум» Билана не только девчонки зауважали, потому что

композиция эта записана в модном ныне музыкальном направлении R'n'B (ритм-энд-блюз). Чтобы интерес к исполнителю не ослабевал, спустя несколько месяцев на суд публики было представлено новое видео – на этот раз на зажигательную песню «Ночной хулиган». Клип получился в некотором роде провокационный – каких только сцен в нем не было: и ограбление, и стрит-рэйсинг, и тусовки золотой молодежи в закрытом клубе в здании заброшенного завода, и, наконец, завершал всю эту феерию секс на заднем сидении автомобиля. Молодежь пришла в восторг и активно голосовала за сие видеотворение в различных хит-парадах, благодаря чему имя «Дима Билан» постоянно светилося на

вершинах чартов. Однако и на этом эксперименты с образом не прекратились: в следующем клипе («Ты, только ты») Билан – уже лирический герой, вдохновенно декламирующий стихи своей возлюбленной. И опять – верхние строчки чартов. Из чего, видимо, и был сделан вывод, что одно из достоинств Димы Билана – разносторонность: для любителей жесткого драйва было снято кровавое видео «Я ошибся, я попал», для лириков – романтическое «Я так люблю тебя».

В общем, к середине 2003 года вряд ли нашелся бы на просторах нашей необъятной родины человек (хоть сколько-нибудь интересующийся музыкой), который не слышал бы о Диме Билане. Интерес был всесторонний: и полные залы на гастролях, и постоянное присутствие в радио- и телеэфирах, и обсуждения в прессе, и даже пародии в КВН – факт для российской действительности достаточно показательный. Не было одного – альбома. Материала записанного хватало, но Айзенашпис, видимо, ждал солидных предложений со стороны звукозаписывающих компаний. Ждал не зря: осенью был подписан контракт с «Гала Рекордз» – российским представителем крупнейшего мирового звукозаписывающего лейбла «EMI/Virgin» – на

выпуск аж трех альбомов. Первый – «Я ночной хулиган» – был презентован в начале ноября. На диске пятнадцать композиций (в основном в стиле евро-поп), один ремикс и три видео.

В целом альбом неплохой, интересный. Да и сам Дима Билан мальчик хороший. Я с ним год назад познакомилась на съемках клипа «Ночной хулиган». Конечно, с тех пор он изменился – что бы он там ни говорил, некоторая «звездность» в его поведении иногда присутствует, но в принципе личность он достаточно адекватная.

И вот поскольку знакомы мы с Биланом достаточно давно, брат интервью в формальной офисной обстановке было как-то не по себе, поэтому Дима предложил: «Пойдем покурим», – и беседа произошла на лестнице в подъезде студии Юрия Айзеншписа и получилась очень даже искренней.

– Правда ли, что нынешняя звезда Дима Билан до того, как приехал в Москву, торговал арбузами?

– Было дело. Но не до того, как в Москву приехал. «До того» я учился в одиннадцатом классе. А арбузами-дынями торговал в детстве, классе в шестом, просто у меня дома, в Кабардино-Балкарии, очень развиты бабчевые хозяйства.

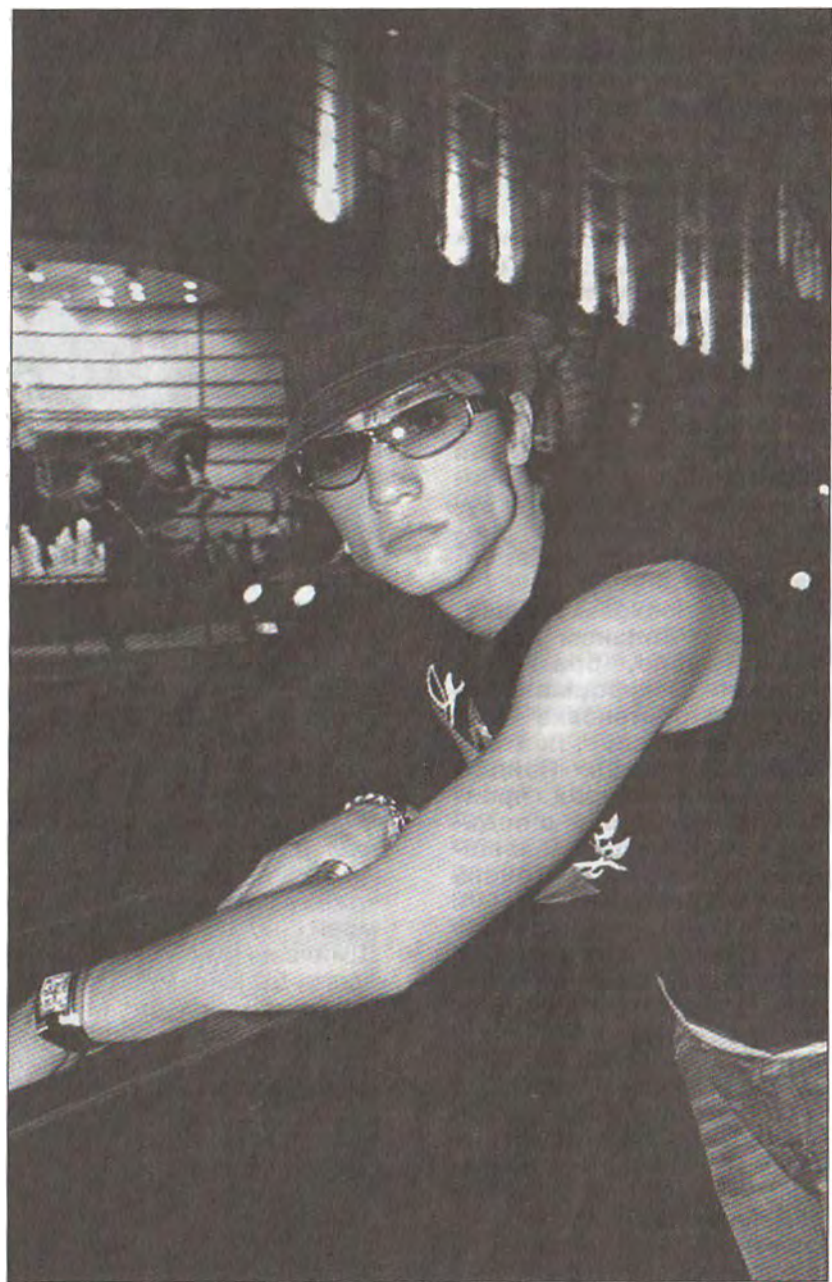

Кстати, что значит «звезда Дима Билан»? Я вообще не понимаю, кто это придумывает – звезда, не звезда... Это же всё настолько преходящее.

– Да, но, согласись, ты на сегодняшний день достаточно популярный персонаж на нашей эстраде.

– Ну о'кей. Но это же всё тоже не просто так дается. До моей встречи с Юрием Шмилевичем очень много всего было в моей жизни, много скитаний по Москве. Я учился, жил в общежитии иногда, работал (даже в магазине), записывался на студии «Союз». В то время даже клип один сняли, песня «Осень» называлась; его на «MTV» крутили тогда, но он прошел практически незамеченным.

То есть ты реально был на «MTV» еще до сотрудни-

чества с Юрием Айзюшиным?

— Был. Родители донушки, с которой я жил в то время, меня продюсировали. Но потом и я и они осознали, что ничего не понимают в этом, что все это очень сложно. Впрочем, я не отчаивался; писался в «Союзе». Просто для меня невыносимо стоять на месте, все время хочется изменений каких-то.

— Видимо, поэтому ты и приехал в Москву. А у тебя была конкретная цель?

— Я поступить в Гнесинку приехал. Еще дома, когда

в старших классах учился, письма туда писал, типа «как я хочу у вас учиться!». Они мне даже какие-то ответы рукописные присылали.

— Ты считаешь, что артист на эстраде должен обладать не только вокальными данными, но и актерским талантом? Ты ведь сейчас, закончив Гнесинку, в ГИТИС поступил.

— Было бы глупо, если бы я так не считал. Поэтому и учусь, стараюсь по крайней мере. Просто сейчас сложновато немного, очень сильно устаю. Конечно, в какой-то момент хочется не пойти на занятия, а поспать лишних несколько часов, но обычно я себе такого не позволяю. Нужно не расслабляться, а кругозор расширять, постоянно самосовершенствоваться. Вот и страдаю пока. А нравиться будет тогда, когда будет получаться.

— Скажи, а как ты относишься к проекту «Фабрика звезд»?

— Я считаю, что это реальный способ воплощения в жизнь творческих амбиций, стремлений. Мне не хочется говорить с точки зрения такого пафосного, уже чего-то достигшего человека, но — я счастлив тому, что сейчас со мной происходит; однако если бы этого не было, я был бы очень рад поучаствовать в таком проекте. «Фабрика звезд» — это реальный старт для людей, которые действительно хотят чего-то достичь, она помогает им самовыразиться.

– А тебе не кажется, что по большому счету ты – та же «Фабрика звезд», но только там процесс превращения в звезду происходит прилюдно и существует какая-то видимость конкурса, а в проекте «Дима Билан» не так все явно и продюсер работает только над тобой. Я утрирую, конечно, но по сути...

– Дело в том, что каждый ставит перед собой определенные задачи. У «ФЗ» они одни, у меня – другие. Конечно, не хотелось бы называть себя проектом, но, может быть, так оно и есть. Но не зря же многие очень хотели бы оказаться на моем месте или попасть на «Фабрику звезд», неужели молодые люди мечтали бы о какой-то ерунде? А помощь человека, который разбирается в шоу-бизнесе лучше тебя, очень нужна и важна. Продюсер – это человек, который пытается придать

твоему творчеству какой-то смысл. Который, кстати, заключается и в деньгах тоже. Ведь в слове «шоу-бизнес» вторая составляющая далеко не последнюю роль играет. А мне на эту тему трудно рассуждать, потому что я скорее музыкант, чем коммерсант.

– Но тебе не обидно, когда говорят: вот, мол, возьми-те любого, денег в него вложите, и он тоже станет Димой Биланом?

– Так вы попробуйте сделать так, чтобы в вас вложили деньги! Я думаю, это уже немаловажно. Потому что вкладывать в «любого» никто не станет! Думаю, я был достоин этого. Надеюсь! Ведь если человек не считает себя лучшим (в чем-то), он мало чего добьется. И каждый, кто сейчас рассуждает так, что «он популярен только потому, что в него вложили деньги», на самом деле очень хочет оказаться на моем месте. И если это вдруг случится, если в него кто-то вложит деньги, он тут же перестанет рассуждать подобным образом. А вообще зависть – плохое чувство.

– А ты болезненно реагируешь на разные сплетни про себя?

– Не то чтобы совсем не реагирую, но... Просто я знаю, что есть на самом деле, и мне не хочется тратить силы, нервы и время на то, чтобы что-то кому-то доказывать. Тем более что этого «кого-то» правда на самом деле не интересует, ему все

равно, лишь бы не вышло: ловить. И считают, что свою энергию тратить на это неэффективно, лучше пустить ее в другие русла.

Полно, например, написать.

Ну да. Вообще я работаю с профессиональными композиторами, продюсерами, пианистами. Но мои тексты и мои музыка тоже имеют место быть. Для меня тот барьер, когда человек пишет что-то, но никому не показывает, потому что боится чужих суждений, уже преодолен. Иногда как будто второе дыхание открывается. Я могу сидеть очень долго, писать что-нибудь, и это здорово. Например, песню «Полная луна» (она, кстати, в альбоме единственная полностью моя) я в Лондоне писал: сидел на тротуаре с видеокамерой, прохожие на меня косились, машины мимо проносились... В общем, атмосфера очень здоровая была, и песня получилась хорошая.

Отличный бы, кстати, и клип получился!

— Да у меня есть материал! Я ходил по Лондону с камерой в руках постоянно и писал треки для «Я так люблю тебя». Очень хочу сделать повторный клип на эту песню, любительский такой.

— *Кстати, по поводу клипов. Вот многих интересует: девушки, которые в них снимаются, — это твои подруги или просто модели профессиональные, которых на кастингах отбирают?*

— Девушек выбираем на кастингах, конечно. Для этого и существуют модельные агентства. Хотя, например, с Викой, которая в последнем клипе снялась, мы в Юрмале в прошлом году познакомились, когда я принимал участие в фестивале «Новая волна», общались тесно, и когда я этим летом в Юрмалу приехал, решили сделать вместе клип.

— А свободное время как проводишь? Я, конечно, понимаю, что его практически нету, но все же...

— Если выдается пара свободных часов, стараюсь в парке где-нибудь посидеть.

— В одиночестве или с компанией?

— С самыми близкими друзьями, которых единицы... Теперь уже единицы — раньше много было друзей так называемых, но со временем, когда у меня стало

очень мало свободного времени, когда появились новые интересы, изменились некоторые взгляды, взаимопонимание с этими людьми исчезло. Впрочем, особых сожалений у меня по этому поводу нет – раз те отношения не выдержали испытания сменой приоритетов, то, значит, и не были они дружбой настоящей.

– *А музыку в свободное время ты какую любишь послушать?*

– Последние два дня у меня Робби Уильямс в плейере. Еще «Энигмы» последний альбом очень нравится, «Де Фазз» обожаю... А вообще мне много кто нравится, думаю, привязываться к чему-то одному не очень интересно, тем более что сейчас находишься в таком возрасте, когда очень многое впечатляет. К тридцати годам я, может быть, стану слушать рок какой-нибудь, Оззи Осборна.

– *А ты своего любимого Крейга Дэвида не забыл упомянуть, с которым, кстати, тебя многие почему-то так часто сравнивают?*

– Я его не стал называть, потому что все уже об этом пишут. Надрело уже. Мне он просто очень нравится некоторыми своими правильными, качественными моментами. Его песни мне действительно интересны. Вообще ритм-энд-блюз мне по душе, мне нравится работать в этом стиле. Но не все же так однопланово. У меня много песен разных.

– *Ты, я смотрю, всё «заморские» имена называл... Нам, отечественным, еще расти и расти?*

– Не то что расти, а, может быть, просто научиться смотреть чуть дальше своего носа. У нас много есть разных хороших штук, но мы шагаем всегда после кого-то. А если у нас и появляется какое-то новшество, то его, как правило, даже не замечают, потому что у нас не умеют его грамотно преподнести. И потребуются годы, чтобы научиться.

– *Кстати, интересно было бы узнать твое восприятие концертов коллег. Ты ведь, наверное, оцениваешь происходящее не только как обычный зритель, но еще и как артист?*

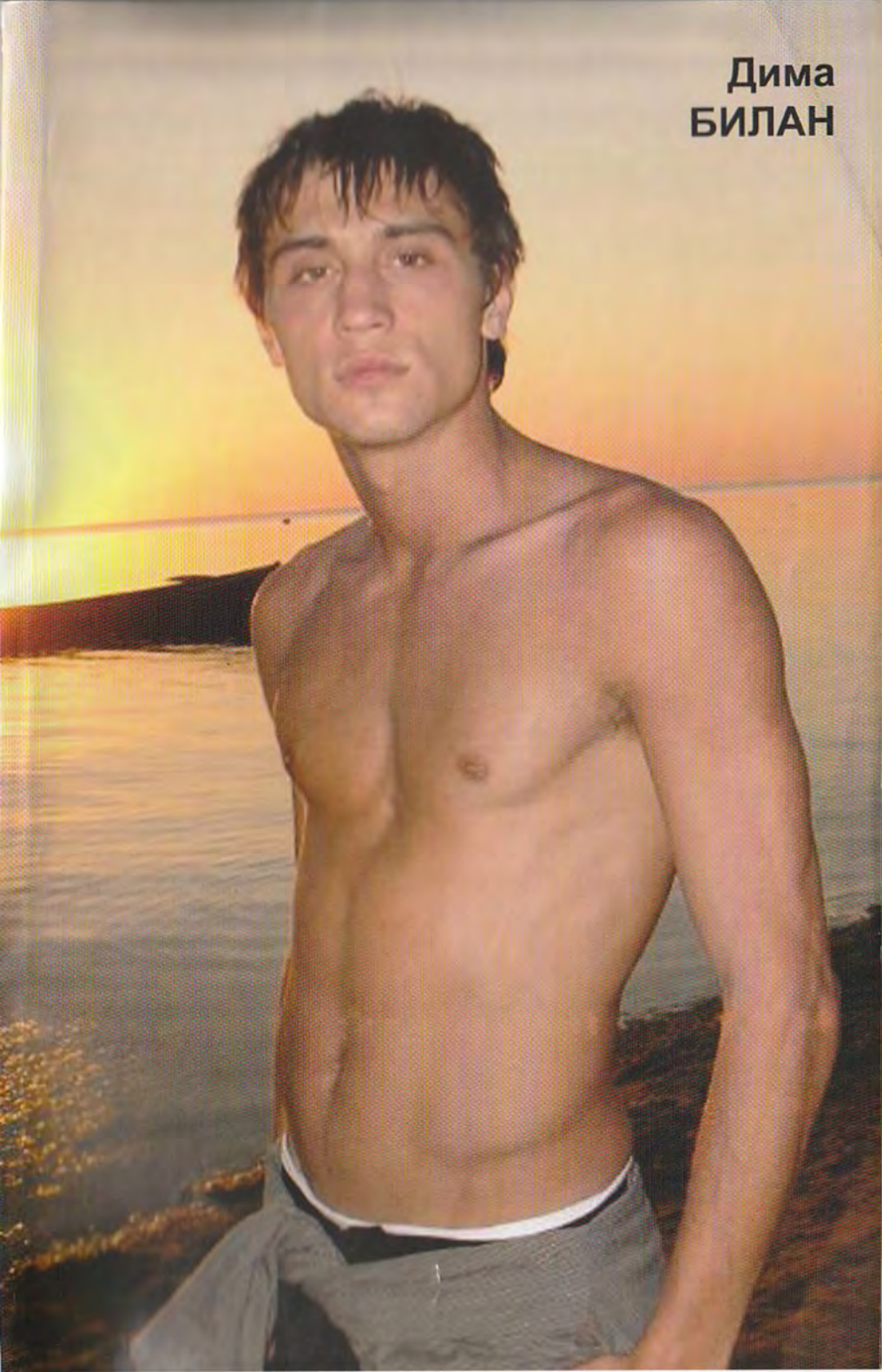
– Я почему-то на бэк-вокалистов часто смотрю. А так... Конечно, учусь чему-то...

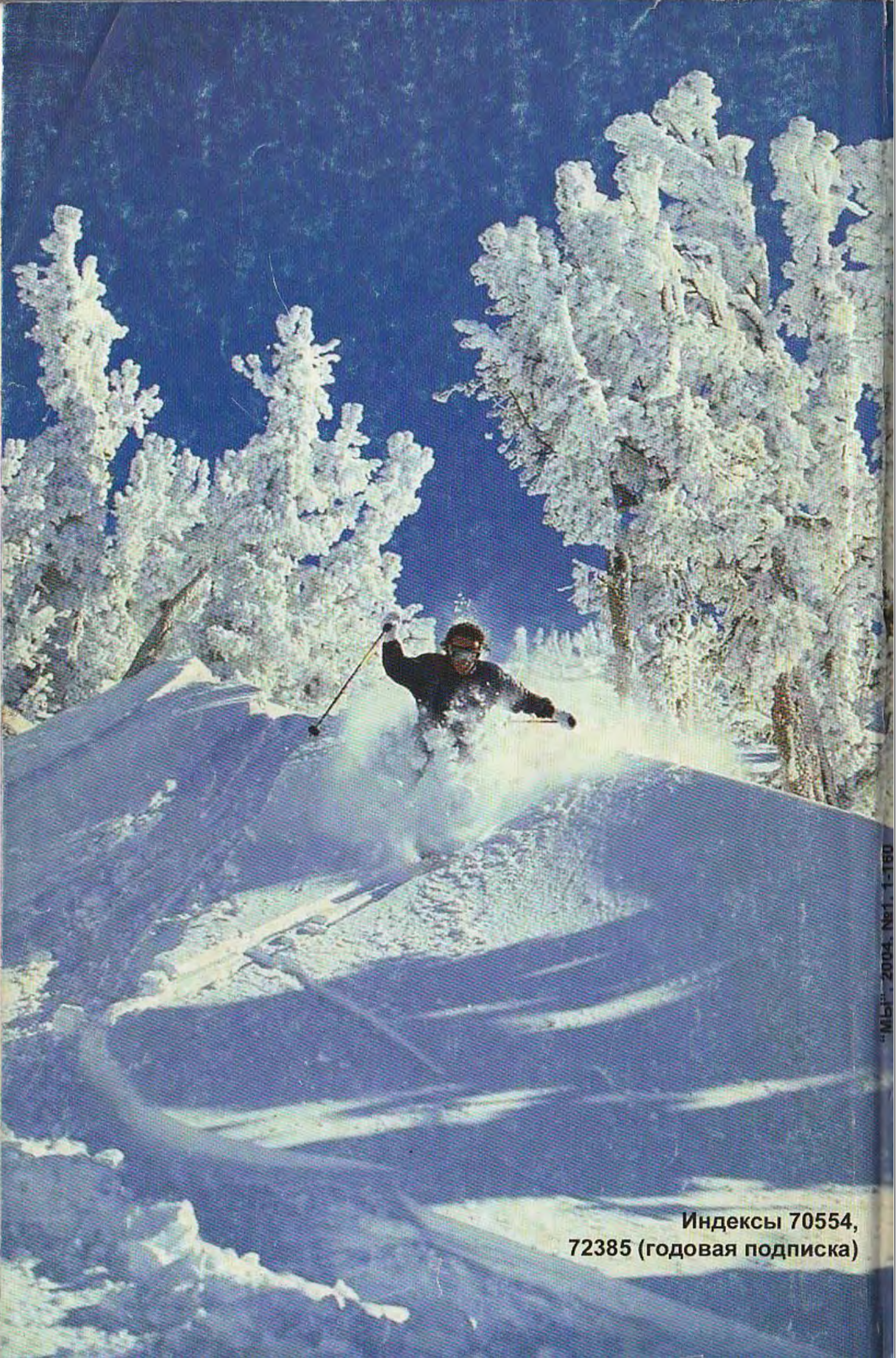
– *Вот уже и на сольный альбом выучился!*

– Да... Надеюсь, что вы послушаете моего «Хулигана», и вам понравится. Помните, что там много глубокого, там находится все то, что я пережил за этот год. В каждой композиции есть реальный момент, который происходил со мной; радости, страдания – все попало в песни. Не знаю, может быть, я слишком серьезно об этом рассуждаю... Но у меня правда в душе столько всего творится!

Беседу вела
Ядвига ДМУХОВСКАЯ

Дима
БИЛАН

Индексы 70554,
72385 (годовая подписка)